

Лора Мягкова
Операция «Ы» и другие приключения Вицины, Никулина и Моргунова

Великие шутят –

«Операция «Ы» и другие приключения Вицины, Никулина и Моргунова»: Издательство «Алгоритм»;

М.; 2014

ISBN 978-5-4438-0762-1

Аннотация

Знаменитую троицу любимых актеров Вицин – Никулин – Моргунов создал замечательный режиссер Леонид Гайдай, когда снял «вечные» комедии: «Пес Барбос и необычайный кросс», «Самогонщики» (1962), «Операция «Ы» (1965), «Кавказская пленница» (1967).

Многие крылатые фразы из этих фильмов родились благодаря юмористическому таланту самих актеров. После гайдаевских комедий на них обрушилась лавина славы. Вицин, Никулин и Моргунов превратились в национальных героев, которых народ ассоциировал с их персонажами: Трусом, Балбесом, Бывальым.

Автор этой книги Лора Мягкова собрала самые смешные эпизоды из жизни не только знаменитой тройцы, но и их коллег по ремеслу: Бориса Андреева, Савелия Крамарова, Георгия Миллера и других.

Лора Мягкова
Операция «Ы» и другие приключения Вицина, Никулина и Моргунова

© Мягкова Л., 2014

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

К читателю

Не правда ли, глядя на лица любимых с детства артистов, невольно расплываешься в улыбке?.. Каждая встреча с ними дарит приятные воспоминания, хорошее настроение и обязательно откроет неожиданные грани их таланта с нового, непривычного ракурса.

Книга посвящена шуткам, забавным эпизодам, смешным случаям или просто любопытным деталям жизни народных любимцев, которые вызывают улыбку. Улыбку радостную, веселую, грустную, задумчивую, а порой и горькую. Ведь все герои не просто знаменитые и щедро одаренные разнообразными дарованиями, а люди неординарные с трудной и яркой судьбой. Чрезвычайно выразительные даже в щедрой талантами актерской среде. Люди, сумевшие соединить несоединимое: это заразительное хулиганское настроение с интеллектуальным беспокойством во всем, что они делали на сцене, в кино, в литературе, в искусстве. Обладатели сложных, а с точки зрения простых обывателей, даже странных характеров и необъяснимых привычек. В разноцветной канве коротких любопытных эпизодов можно узнать, какими они были. Над чем смеялись, чего боялись, чем гордились и что оставили нам о себе на долгую и добрую память.

В пушкинскую эпоху подобные забавные литературные портреты, щедро сдобренные необычными случаями или событиями, назывались литературными анекдотами. В «Частной риторике» Н. Ф. Кошанского было подмечено: «Цель его (анекдота) – объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие, новость...». Понимание неожиданности, невероятности как ведущих черт анекдота органично входит и в определение жанра, данное в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плошара: «...краткий рассказ какого-нибудь происшествия, занимательного по своей необычности, новости или неожиданности...»

В этом забытом жанре, в коротких фрагментах прославленных биографий, с дополнением крылатых фраз и цитат из интервью разных лет и составлена книга. Представленные анекдоты – не просто шутки и комичные эпизоды, а своеобразная летопись времени, в котором довелось жить и служить высокому искусству нашим героям. Со страниц сборника перед читателями предстает живая, подлинная, колоритная артистическая жизнь XX века в лучших свидетельствах и афоризмах ее непосредственных участников. Материал книги взят из воспоминаний, биографий, газетно-журнальных статей о творчестве, интервью, документальных фильмов разных лет. Цикл биографических анекдотов каждого героя завершают его авторские крылатые или просто фразы, афоризмы, собранные под рубрикой: «В шутку и всерьез о себе и не только». Подлинные откровения от первых лиц раскроют вам богатый внутренний мир артистов с новой и неожиданной стороны. Завершают сборник крылатые фразы из семи любимых фильмов, в которых когда-то снимались наши герои. Собранный материал, безусловно, не претендует на серьезное исследование жизни и творчества, а, скорее, приглашает в дальнейшем заинтересоваться более глубокой литературой о творчестве прославленных артистов.

А пока, если у вас печально на душе и пасмурно за окном, откройте любую страницу и улыбнитесь старым знакомым!

Анекдоты и шутки из жизни Бориса Андреева

Борис Федорович Андреев (9 февраля 1915, Саратов – 24 апреля 1982, Москва), советский актер театра и кино. Народный артист РСФСР (1950). Народный артист СССР (1962). Лауреат двух Сталинских премий первой степени (1948, 1950). Снялся более чем в пятидесяти фильмах, среди которых: «Трактористы», «Большая жизнь», «Два бойца», «Сказание о земле Сибирской», «Кубанские казаки», «Илья Муромец», «Остров сокровищ», и многих других.

В зале погас свет, на экране появились черно-белые фигуры, снующие по натянутому белоснежному экрану, руки тапера скользнули по клавишам пианино, зрители заморожено замерли. Вихрастый мальчишка лет семи ловко юркнул к полотну, скользнув животом по натопанному полу. Бесшумно, как ящерица, подполз к самому экрану и попытался ухватить башмак, юбку или брюки актеров, а под пальцами оставалось лишь шершавое полотно. Чудо не давалось в руки. В раннем детстве Борис Андреев пытался на ощупь постичь тайны кинематографа.

Заветной юношеской мечтой рослого не по годам паренька, ученика слесаря-электрика Саратовского комбайностроительного завода, было раздобыть банку сгущенки и килограмм чайной колбасы, а потом с аппетитом где-нибудь в укромном уголке все эти изыски слопать.

– И знаешь, что самое обидное, – замечал он много лет спустя своему сыну, – эта заветная мечта так и не исполнилась. Когда появилась возможность, она потеряла всякий смысл...

Одновременно с получением рабочей специальности Андреев начал заниматься в заводском драматическом кружке, где его успехи заметил режиссер Иван Слонов и предложил Андрееву поступить в Саратовский театральный техникум. Учítывая, что одновременная работа на заводе и учеба в техникуме отнимали у Андреева много времени и сил, руководство завода пошло навстречу Андрееву, прекратило использовать молодого актера на ночных работах, и ему был снижен объем дневных работ. На четвертом году обучения Андреев и вовсе был освобожден от работы, начал получать стипендию из фондов

предприятия. Окончив в 1937 году техникум, стал актером Саратовского драматического театра имени Карла Маркса, в котором проработал до 1939 года.

Во время спектакля по пьесе А. Чехова «Вишневый сад» для создания подлинной атмосферы дворянского поместья режиссер включил в дополнительные звуки из-за кулис – протяжный вой и периодический лай собаки. Постановка шла целый сезон, и целый сезон актеры вполголоса восхищались подлинностью исполнения: «Ах, как замечательно лает и удивительно тоскливо воет эта собака», «Сегодня вой собаки достиг небывалой глубины», «А вчерашний лай был необычайно радостным и проникновенным!».

Борис Андреев рассказывал: «Я исполнял эту роль в течение сезона. Делал я ее со всей искренностью души человека, влюбленного в искусство. Я имел признание труппы. Сам по природе я был парень довольно озорной, отлично понимал их незамысловатые шутки, но здесь почему-то помалкивал и не приглашал знакомых на очередной спектакль по контрамарке».

Борис Андреев, ученик Саратовской театральной школы, приехал в Москву с театром на летние гастроли, но не в качестве актера, а как рабочий для разгрузки и погрузки декораций. Богатырского телосложения, с густым волжским басом, немного раскосыми глазами в белой «капитанке», матросской тельняшке и небрежно накинутом на плечи пиджаке, он сразу привлек внимание Ивана Пырьева, знаменитого в то время режиссера. Молча понаблюдав за выразительной натурой, мэтр советского кино пригласил молодого человека в режиссерскую комнату и сразу объявил, что будет его пробовать на одну из главных ролей в новой картине. Дал сценарий и назначил репетицию. Андреев вышел из комнаты, одним залпом выпил полный графин воды и решительно заявил своим раскатистым басом ассистентам:

– Ерунда все это! Не пойду я к вам. Не справлюсь!

Так на роль Назара Думы, силача-тракториста, ставшего впоследствии чуть ли не национальным героем, был взят никому не известный молодой саратовский парень, в прошлом беспризорник, грузчик, слесарь.

Николай Крючков, сыгравший вместе с Борисом Андреевым одну из главных ролей в картине «Трактористы», вспоминал: «Ох, как же Борис смущался! Просто не знал, куда руки девать. Мрачно пыхтел, вечно сдвигал кепку на лоб. Этот жест режиссер заметил и живо «прописал» за Назаром. Силушки у Бори было, что у Ильи Муромца... Защищать его от насмешек не приходилось, Андреев себя в обиду не давал. И если поначалу находилось немало желающих позабавиться над неловким новичком, то уже в середине съемок они повывелись. По своей неопытности Боря перед камерой в первое время здорово тушевался и, пытаясь подавить смущение, невольно пыжился, набычивался. Выглядело это, признаться, довольно смешно и, видать, не раз служило темой для досужих остряков. Я же об этом как-то не думал и, желая парню одного лишь добра, простодушно и от чистого сердца крикнул ему однажды на всю съемочную площадку: «Да чего ты раздуваешься? Куда ж больше, и так вон какой здоровый лось вымахал!» – Андреев побагровел: «Еще один насмешник выискался? Ну, подожди...». Пришлось срочно «тушить пожар». Ведь этот новичок, если уж расвирепееет, мог все сокрушить на своем пути... Вместе с тем Андреев был незлобив, отходчив и, к чести своей, предельно объективен».

Во время съемок фильма «Трактористы» Борис Андреев очень подружился с Петром Алейниковым, который был его всего на полгода старше. Петр в то время был всенародным любимцем, рубахой-парнем, завзятым балагуром, звездой советского кино. Позже сам Андреев рассказывал: «В СССР, кроме нас с Алейниковым, самым популярным был разве что Чарли Чаплин». О дружбе Андреева и Алейникова ходили легенды. Трудно спустя столько времени проверить достоверность всех необычных историй, но многие из них спустя годы подтверждали как друзья, так и сам Борис Андреев.

Друзья снимались в фильме «Истребители» в Киеве, и в гостинице по какой-то причине им не нашлось места, они пошли скоротать время в ресторан.

Их знакомый О. Хомяков вспоминал: «Поужинали в ресторане, идут вечером по Крещатику. До гостиницы еще топтать и топтать, а горилка сделала свое дело – сморила. Вдруг Андреев видит: стоит кровать. Заправлена. На подушках украинская вышивка, на стуле рядом – рушник, тоже расшитый.

Пригляделся. Около кровати – диван. А погода теплая, майская. Ну на черта им гостиница, если все это не мираж и не пьяная фантазия?! Андреев скомандовал: «Петя, была команда: отбой!» И – к кровати. Кто-то (а может, показалось?) треснул его по лбу, что-то зазвенело... Одним словом, это был не мираж, а витрина мебельного магазина. Откуда их вскорости извлекли, едва растолкав, милиционеры...»

В конце 1940-х Андреев снялся еще в двух фильмах Ивана Пырьева – «Сказание о земле сибирской» и «Кубанские казаки». Сталин высоко оценил картины и персонально участие Бориса Андреева, который еще с «Трактористов» ему запомнился. Эта симпатия выручила нашего любителя приключений, так как одно происшествие чуть не стоило ему жизни. В начале войны в ресторане гостиницы «Москва» он оказался за одним столиком с двумя мужчинами. Произошла ссора, в ходе которой Андреев сначала смахнул кулаком одного мужчину, а потом и другого, совершившего неудачную попытку вступить за первого. Завязалась драка. Сильно пострадавший гражданин от рук Андреева оказался генералом НКВД, а второй мужчина служил его адъютантом. Артиста арестовали с серьезными обвинениями «за контрреволюционную агитацию, пропаганду, высказывание террористических намерений и подготовку покушения». Грозил расстрел. К счастью, один из членов трибунала, зная о том, что Сталин высоко ценит артиста, решил доложить вождю обо всех обстоятельствах дела. Иосиф Виссарионович после доклада задумался секунд на несколько, потом вынул трубку изо рта, пыхнул дымом и кратко произнес: «Пусть пока погуляет».

Спустя годы на приеме в честь лидера Китая Мао Цзэдуна Борис Андреев оказался рядом со своим покровителем, представляя артиста Мао Цзэдуну, Сталин с иронией заметил: «Это наш известный артист Андреев. Меня он должен всегда помнить по одной истории...»

Друзей «не разлей вода» Андреева с Алейниковым сроднила буйная молодость: оба были любимы народом до одури, оба воплощали на экране подлинные русские характеры, и восхищенные поклонники со всех сторон тянулись к любимцам с рюмками, объятиями и угощением. Гуляли крепко, по-русски. Однажды вечером милиция задержала двух баловней судьбы за какие-то очередные мелкие нарушения в хмельном состоянии. Утром молоденький лейтенант сел писать протокол:

– Вынужден, – с виноватой улыбкой оправдывался молодой человек перед Андреевым, – составить.

– Не составишь, – басит Борис Андреев, обиженно выпятив по-детски надутые губы.

– Вынужден, товарищ Андреев. Я вас лично очень уважаю, но... – лейтенант обмакнул перо в чернильницу и приготовился писать.

– А я говорю: не составишь, чернильная душа! – гневно выпалил артист и с этими словами схватил со стола милицейскую чернильницу и одним глотком опрокинул чернила! Второго пузырька у бдительного стража порядка не оказалось. Протокол писать нечем. Немая сцена... Андреев довольно улыбается фиолетовым ртом.

За окном раздался треск мотоцикла: прибыл начальник отделения со всей своей семьей – в люльке, на сиденье. Он в Назара из «Трактористов» влюблен без памяти. Начались знакомства, объятия, фото на память: с семьей, с сослуживцами... Протокол забыт.

Свою будущую жену Галину Васильевну Андреев встретил тоже не без участия закадычного друга Петра Алейникова, который так описывал эту ситуацию: «Ехали мы как-то, тогда молодые, в Киеве в троллейбусе. Заговорили о женитьбе. Я ему говорю, какая дура за тебя пойдет, за такую глыбу, за лаптя деревенского? Посмотри на себя в зеркало!». А он мне: «А вот женюсь назло тебе на первой же девушке, которая войдет в троллейбус». И вдруг на остановке вваливается молодежь, и среди этой толпы – симпатичная такая девушка. Андреев познакомился с ней, попросился провожать. И вот уже столько лет живут душа в душу!».

Объективности ради надо отметить, что женитьба далась Борису Андрееву не так легко, как может показаться. Дело в том, что отцом девушки оказался комиссар милиции, который уже был наслышан о пьяных выходках молодого артиста. Поэтому, когда он узнал о том, кто ходит в женихах его дочери, ответ его был резким: «Кто? Андреев? Никогда в жизни. За этого пропойцу замуж не пойдешь!»

И все же впоследствии обаяние Андреева растопило лед недоверия родителей невесты, и свадьба состоялась.

1956 году Борис Андреев снялся в главной роли в сказке «Илья Муромец», который стал первым советским широкоэкранным фильмом. Это была одна из самых масштабных отечественных картин, попавшая в Книгу рекордов Гиннеса из-за огромного количества находок советских кинематографистов на съемках в области создания оригинального грима, трюковых съемок и спецэффектов. Андреев в этом фильме создал образ настоящего русского богатыря. Во время съемок, проходивших в Ялте, с Борисом Федоровичем произошел забавный случай. На съемочную площадку пришел милиционер, познакомился с артистом, выпили, разговорились. Он и предложил Андрееву: «Вот ты здоровый такой...Илью Муромца играешь... А я тебя поборю. Давай бороться! Кто кого в воду скинет, тот и победил...». Начали они возиться, сначала шутя вроде, а милиционер верткий оказался, сильный. Андреев в спортивном азарте все-таки скинул его в море. Милиционер попал на глубину, еле его вытащили. На другой день в центральной газете Ялты вышел фельетон: «Илья Муромец распоясался... управы на Андреева нет... милицию в море топит...». Борис Федорович обиделся не на шутку и дал себе обещание больше не появляться в Ялте. Даже когда много лет спустя Андреев прибыл с туристическим теплоходом в Ялту, на берег он так и не сошел.

Станислав Говорухин вспоминает: «За глаза мы его звали Бэ-Фэ. Да он и сам любил сокращения. Николая Афанасьевича Крючкова называл Никафо.

Любил повторять: «Мало будешь знать, скоро состаришься». И какие же мы были дураки, что не записывали за Андреевым! Мы с Костей Ершовым, киевским актером и режиссером, уже тогда понимали, что совершаем преступление, допуская улетать по ветру замечательным мыслям и прекрасным остротам. Все казалось, что жизнь вечна, и Андреев вечен, и что не с одним таким Андреевым сведет судьба. А сейчас выяснилось, что интересных-то людей, по-настоящему интересных, таких как Андреев, которые встретились на твоём пути, по пальцам можно пересчитать. Одной руки, пожалуй, хватит».

Шли съемки фильма «День ангела». Андреев шутил всегда неожиданно и с серьезным лицом. Вот идет он по палубе мимо массовки. Мрачный, даже страшный – для тех, кто его не знает. Вдруг навис над девчушкой из массовки очень маленького роста. Во всю мощь своего баса внезапно рявкает на нее:

– Ты что бунтуешь?

Девушка в растерянном молчании перепуганно уставилась на Андреева.

– Расти отказываешься! – угрожающе продолжает Андреев.

Актерская пауза, и вдруг на лице расцветает неповторимая нежная андреевская улыбка, он лезет в карман достает горсть семечек и угощает девушку со словами:

– Подсолнух – это как раз то, что тебе надо для роста. Видала, в какую высоту он вымахивает?

Как-то Бэ-Фэ собрался с Костей Ершовым на Привоз, знаменитый одесский базар. Артист очень любил базары. Любил находить что-нибудь экзотическое, прицениваться, торговаться, пробовать. Андреев спустился на улицу из гостиницы, ждет Костю.

Появился Костя в плаще. Бэ-Фэ мгновенно оценил его внешний вид и отреагировал:

– Косточка, зачем ты плащ надел?

– А если дождь, Борис Федорович?

– А если метеорит? Всю жизнь в каске ходить...

– Скажи, любезный, – обращается Андреев к одному грузину на рынке, – сколько нужно съесть лаврового листа, чтобы на голове вырос лавровый венок?

– Сколько скушаешь, дорогой! – не моргнув глазом, пошутил в ответ продавец.

– Ваш мед, мамаша, я беру, – великодушно объявляет он одной торговке, снимая пробу указательным пальцем. – Он мне нравится. Он очень похож на манную кашу. Бабушка счастливо улыбается, с обожанием глядя на любимого артиста. Ему, народному любимцу, прощали шутки над товаром и готовы были отдавать товар даром, чем Андреев никогда не пользовался.

Андреев исполнял роль купца Грызлова в фильме «День ангела». Одного из пассажиров парохода

«Цесаревич». В сценарии роль была прописана плохо. Андреев согласился сниматься у Говорухина (режиссера фильма) с условием переделать роль по ходу съемок. Творчески включился в работу и не оставил ни одной реплики изначально входившей в сценарий. Он фонтанировал и импровизировал в кадре, реплики были остроумные и неожиданные.

Во время одного из дублей маленькая обезьянка спрыгивает с плеча дамы из массовки и взбегаёт по трапу на крыло капитанского мостика. Андреев тут же произносит:

– Видите, сударыня, в наше время каждая мартышка к рулю управления лезет.

Позже реплика не понравилась редакторам за узконаправленный намек, и ее пришлось вырезать. А когда автор сценария и экранизации М. Блейман просмотрел фильм, где все было сделано по сценарию, кроме Андреевской роли, он... снял свою фамилию с титров.

Вот уже несколько дней подряд съемок на пароходе нет по каким-то таинственным причинам, как это часто бывает в кино. Борис Андреев часами стоит на палубе, тяжело вздыхает и молча смотрит на море.

Один из актеров крутится рядом в надежде пообщаться и заискивающе задает вопрос:

– Борис Федорович, как самочувствие?

– Что?! – своим неповторимым густым басом переспрашивает, очнувшись от глубоких раздумий, Андреев.

– Как самочувствуете себя? – угодливо переспрашивает собеседник.

– А-а-а... как? Как свинья на цепи. Представляете, такое вольнолюбивое животное, как свинья, – и вдруг на цепи. Это, знаете ли, очень грустно.

И произносит это искренне и даже серьезно. Актер, желающий завести беседу, утонул в паузе, сиюсь представлять «вольнолюбивое животное» – свинью на цепи.

«Борис Федорович очень любил юмор, меткое слово, сам был веселым человеком и... не любил анекдоты. Когда на площадке в перерывах между съемками начиналась травля анекдотов, он как-то незаметненько отходил в сторону, присаживался на каком-нибудь ящике и, посасывая мундштук, щурясь, глядел вокруг. Когда его звали в компанию, отмалчивался и не шел. Если его все же блокировали в компании, внимательно слушал анекдоты, но я никогда не видел, чтобы он смеялся. В лучшем случае слегка, едва заметно улыбнется...» – вспоминал Игорь Болгарин.

На озвучивании картины «День ангела» Андреев «заговаривал» своему другу Ивану Перезвереву – так он шуточно называл Ивана Переверзева – язву желудка. В темноте зала он по-шамански потирал лежащему на спине Переверзеву область живота, бурча свои басисто-невнятные, тайные, одному ему ведомые заговоры. Все вокруг заворожено следили за таинственным процессом. Переверзев же доверчиво ждал в беспомощной позе, покорясь воле лекаря от кинематографа. И действительно, как было не раз, через некоторое время боль его отпустила.

Ярополк Лапшин, режиссер фильма «Назначаешься внучкой», вспоминает о совместной работе над фильмом: «Шлейф легенд о необузданном нраве, о громких конфликтах и рискованных выходках не способствовали уверенности в спокойной работе. Сюрпризы начались с первых дней.

– Слушай, – рокошущим басом сказал Борис Федорович, – роль мне нравится, моя роль. А потому все предложения буду посылать... куда подальше. Сниматься буду только у тебя. Поэтому обо мне не беспокойся. Сколько нужно, когда нужно и где нужно – я с тобой.

Для меня, привыкшего, что крупный актер отдает съемкам гомеопатические дозы времени, заставляет ждать себя неделями, прилетает на два-три дня (а то и меньше), это явилось ошеломляющим подарком».

Режиссер открыл для себя исключительную добросовестность и скрупулезность Андреева-артиста, был сражен его титаническим трудом над достоверностью роли, особыми приемами. Когда между ними сложились дружеские и доверительные отношения, Лапшин случайно увидел у Андреева книги, взял в руки, открыл – его изумлению не было границ!

Это были научные труды по психологии, многочисленные работы Павлова.

– А что, Зверополк (так шуточно переделал его имя Бэ-Фэ), я, наверное, произвожу впечатление очень

некультурного человека? – Он, как всегда, обаятельно и чуть застенчиво улыбнулся. – Вот книгу пишу... О психологии творчества актера, о его психофизической основе...

К сожалению, книга осталась неоконченной: автор вскоре ушел из жизни.

Незадолго перед расставанием Ярополк Лапшин, не удержавшись от любопытства и мучаясь категорическим несоответствием сегодняшнего Андреева с тем, что рассказывали о нем, о его буйной молодости, набрался смелости и спросил, насколько верны эти молодецкие легенды.

– Да, было... – Бэ-Фэ добродушно с грустинкой улыбнулся, – дрался я много... Только не для того, чтобы зло причинить человеку, больно ему сделать... Нет... Я от широты души дрался...

– А правда ли, что вы однажды с Петром Алейниковым выкинули из окон гостиницы тумбочку и рояль?

– Ну-у-у, – протянул Борис Федорович разочарованно, – таких-то баек ходило много...

– Я еще слышал, что вы *кого-то* выкинули из окна с Петром Мартыновичем, продолжал настойчиво любопытствовать «Зверополк» Лапшин.

– Бывало, – довольно прищурив глаз, подтвердил Андреев. – Выкидывал, конечно. А меня то, что, не выкидывали?! Один раз в Тбилиси с третьего этажа так наподдали, хорошо, что упал на дерево: спружинило, а то б убился! – завершил свой рассказ Бэ-Фэ под громкий хохот удовлетворенного рассказом Лапшина.

Популярность артиста можно было сравнить лишь с его безграничным талантом. Люди, увидев его на улице, начинали улыбаться. Борис Федорович охотно делился своей славой – помогал людям. Ездил в райисполком, в милицию, пробивал обмены жилья, поручался за оступившихся, просил за обиженных, причем делал все абсолютно бескорыстно.

Однажды А. Марягин спросил, почему он так безотказно отзывается на просьбы, на что Андреев ответил: «Судьба мне многое дала; если я не буду помогать людям, она от меня отвернется!».

Ушел из жизни Алейников, звезда тридцатых – пятидесятых годов, не имевший, несмотря на громадную популярность, ни высоких званий, ни высоких наград. Бюрократическая машина сработала без сбоев – наотрез отказалась дать разрешение на его похороны на Новодевичьем кладбище. Андреев, узнав об этом, немедленно позвонил в соответствующие инстанции. Выслушав разъяснения насчет правил почетного погребения, Андреев спросил:

– А меня, когда помру, как хоронить будете?

– Что вы, Борис Федорович, как можно об этом думать?

– И все же ответьте...

– Конечно, вас мы похороним на Новодевичьем, можете не беспокоиться.

– Так вот и отдайте мое место Петру Алейникову!

И Петра Алейникова, закадычного друга молодости, похоронили на Новодевичьем. Когда умер Борис Федорович, на Новодевичье не пускали уже ни покойников, ни посетителей. Прах Андреева покоится на Ваганьковском.

Евгений Весник посвятил очень теплые воспоминания Борису Андрееву:

«Бэ-Фэ нельзя было не любить. Это была парадоксальная личность, неожиданная, непредсказуемая. Могучего телосложения человек был сентиментален. Мог, сочувствуя кому-либо, заплакать. Мог быть страшен во гневе, но быть ребенком в покаянии. Мог солидно загулять или вообще ничего не пригубливать, кроме чая. Был очень простым, как говорят, от земли, но и мудрым философом».

В Киеве организовали творческий вечер Андреева. Зал на 2500 мест. Борис Федорович за кулисами очень волнуется, возбужден. Весник, как умеет, его отвлекает, подбадривает и, наконец, благословляя на выход к публике, желает ни пуха, ни пера. Последние штрихи у зеркала, нервный кашель – и артист на сцене. Евгению Яковлевичу передалось волнение коллеги, и ему показалось, что аплодисменты публики, адресованные народному артисту, как-то жидковаты. Он поспешил уйти в гримуборную, но не успел Весник снять пиджак и расслабиться, как появился большой и смятый Андреев, угрюмо плюхнулся в

кресло и, с трудом сдерживая слезы, произнес:

– Веня! В зале – человек 20... Я отменил встречу. Веня! – и с плохо сдерживаемыми рыданиями закончил фразу: – Я никому не нужен! Ни-ко-му!

Вскоре выяснилось, что администрация, понадеявшись на огромную популярность артиста, не позаботилась о рекламе и дала лишь одно объявление за день до концерта.

Евгений Яковлевич и Бэ-Фэ одновременно на съемках в Свердловске.

Живут в одной гостинице, в разных номерах и снимаются в разных картинах на одной киностудии. Весник заболел ангиной и с температурой 39,5 спит в номере. Ночь. Пронзительный тревожный телефонный звонок. Голос в трубке дрожит:

– Веня! Это я – Андреев! Меня обворовали. Получил под расчет, и все, все украли! Зайди!

Больной, вспотевший, небритый Евгений Яковлевич, преодолевая слабость, торопится к другу.

Бэ-Фэ сидит на ковре и плачет:

– Угощал в ресторане товарищей по киногруппе, прощались. Пришло время платить, я в карман – денег нет! Сумма огромная. Семья ждет. Расходы по дому, все пошло прахом, все! Обворовали!

Весник сквозь температурный дурман пытается логически рассуждать:

– Где брюки? Где плащ? Где чемодан?

– Все осмотрел, все перерыл. Ничего нет. Обворовали! Что же теперь делать?

И вдруг Евгений Яковлевич заметил, что дальний угол ковра как-то странно приподнят... Быстрым движением откинул краешек, и взору предстали пачки денег!

Андреев мгновенно перестал плакать, вытер мокрое лицо и с радостной улыбкой бодро воскликнул:

– Правильно! Я их спрятал от горничной, чтоб не сперла!

Во время творческих простоев Андреев много читал, конспектировал, чаще всего труды по философии и психологии: они были его особым увлечением на всю жизнь. Борис Федорович обладал редким, определяющим его характер качеством глубоко мыслящей личности, подчеркнуто избегающей жизненного трагизма, – это умение емко, философски и вместе с тем иронично осмысливать мир.

– Я народный артист Советского Союза и с присущим званию величием не люблю делать бесплатных телодвижений, – хитро прищурившись, он оценивал произведенный эффект на ошеломленного собеседника. Но звучало это с глубокой иронией, и заложенный им смысл скорее был созвучен незабываемой фразе: «Мы артисты, и наше место в буфете». Андреев искренне наслаждался разнообразной реакцией собеседников на неоднозначность высказывания.

Актеры обычно сохраняют после съемок фильма или памятной театральной работы какие-то особенные для них предметы, у Бэ-Фэ на книжном шкафу гордо возвышалась картонная корона, отделанная самоварным золотом и украшенная разноцветной мишурой. Шутовской колпак чеховского персонажа, спившегося артиста-трагика Василиска Африкановича Блистанова – символ тщетного артистического величия и совершенства. Предмет с юмором напоминал Андрееву о философском отношении к пьедесталам любой ширины и высоты.

Как продолжение внутреннего отношения ко всему происходящему в зрелые годы у Бориса Федоровича проклюнулось, постепенно вырастая и развиваясь, необычное хобби – сочинять афоризмы. Жена Галина Васильевна скептически отнеслась к этой новой блажи мужа.

– Что ты всякой чепухой занимаешься? – укоряющее вопрошала она в спину таинственно уединявшегося от нее мужа.

– Я сочиняю афоризмы! – подчеркнуто торжественно провозглашал Андреев, внутренне иронизируя над своими неуклюжими попытками протиснуться в литературу. Варианты ответов в зависимости от семейной обстановки были разными: «Я сочиняю афонаризмы», «Старец Андреев сочиняет “охренизмы”», а иногда и покрепче: «Я занят ох...ми!».

Станислав Говорухин рассказывал: «Он обладал уникальным литературным даром. Как-то я звоню ему. «Приезжай, – говорит, – хочу тебе кое-что почитать». Я уж собрался было ехать, но тут вспомнил, что

Володя Высоцкий просил его познакомить с Андреевым. Думаю, дай перезвоню Бэ-Фэ, предупрежу, что буду не один. В ответ услышал неожиданное: «Да ну его... к бабушке. Он, наверное, пьет». Я стал стыдить его: «Давно ли сам стал трезвенником?». А потом понял, что он просто стеснялся нового человека, да еще известного поэта. Приехали мы на Большую Бронную, где Бэ-Фэ жил последние годы. Володе, чтобы понравиться человеку, много времени было не надо. Через пять минут они влюбились друг в друга, через десять меня перестали замечать. Короче, Андреев перестал стесняться Высоцкого, повел нас на кухню, заварил чай в большой эмалированной кружке и достал толстую, как Библия, кожаную тетрадь. «Я решил написать, – сказал он, – афористичный роман». И начал читать: «Лев открыл пасть, укротитель засунул в нее голову, и все зрители вдруг увидели, насколько дикое животное умнее и великодушнее человека». Мы с Володей аж взвизгнули от смеха. Андреев благодарно покосился на нас, прочел следующую фразу: «Древние греки никогда не думали, что они будут древними греками». Через несколько минут мы уже не смеялись, а только стонали да корчились от душивших нас спазм. На прощание Андреев нас предупредил: «Вы, ребята, особенно не распространяйтесь. Шутка, острота – она знаете как... Пошла гулять – и уже хрен докажешь, что это ты придумал».

Остроумный ответ, рожденный на съемках каламбур, сочная шутка – стиль общения Бориса Федоровича. За словом в карман он не лез.

Однажды семья выехала на дачу, а Бэ-Фэ должен был подъехать позже на своей машине, загруженной провиантом на несколько дней. Основная часть пути была уже позади, как вдруг глава семьи вспомнил про забытую картошку. Пощады от строгой, но справедливой жены и матери ждать не приходилось. Отец с сыном приуныли, осталось преодолеть последний пригорок на пути к дачному дому... и, о счастье! На обочине показался старикан в стоптанных башмаках на босу ногу с ведром спасительной картошки. Несмотря на возраст, дед сразу узнал звезду советского экрана и, пользуясь случаем, заломил за свой товар немислимую цену.

– Чего мешкаешь? Бери! У вас, артистов, денег много!

Андреев нахмурился.

– У нас, артистов, таланту много, – гордо пророкотал своим незабываемым басом Бэ-Фэ и без сожалений оставил продавца с бесценным картофелем недоумевать на обочине.

Актриса Валентина Шарыгина вспоминает Бэ-Фэ с восхищением и теплотой, она общалась с ним на съемках фильма, где он играл ее папу. И как-то в перерыве на съемочной площадке с присущим ему юмором он рассказал ей свою недавнюю историю, заметив, «что она единственная, кому он может без стыда ее поведать»: «Остался я один на даче, жена уехала в город. Наступил вечер. Стемнело. Цикады поют. Тихо. Я выключил везде свет и отправился спать. Не прошло и нескольких минут, как я услышал странный топот на моей веранде. Зловещие звуки продолжались долго, зазвенела посуда, и на время все стихло. Вдруг снова беспокойная возня. Ночь. Кромешная тьма. Страх сковал мое тело. Я лихорадочно вспоминал, закрыл ли входные замки? Вжался в матрац и натянул одеяло до подбородка. Стыдно, страшно и смешно. До самого утра я не сомкнул глаз, вслушиваясь в малейшие шорохи. Мысленно подготовил себя к возможной обороне. Силы конечно уже не те... возраст берет свое, но без борьбы решил не сдаваться. Ночь показалась бесконечной. Едва забрезжило утро, я крадучись подошел к двери и пытался в узкую щель оценить силы противника. Никого не было видно. Я храбро шагнул на веранду, мое внимание сразу привлекла эмалированная кастрюля со сброшенной на пол крышкой. Из нее доносились странные звуки. Я подошел и осторожно заглянул внутрь: там, в остатках борща с капустой и свеклой в иголках барахтался ежик!

Со словами: «Маленький ты мой! Хорошо, что не утонул» – я вытащил мелкого пакостника из западни, привел в порядок и выпустил на волю».

Перед последней отправкой в больницу с диагнозом «сильное переутомление» Борис Федорович, сидя на кровати и с беспокойством глядя на переполошившихся жену и сына, пробормотал себе под нос:

– Ну вот, пошли синяки да шишки. Пирог и пышки кончились.

С собою в больницу Бэ-Фэ взял рабочую тетрадь для записи афоризмов, очки и ручку.

Обаяние Андреева было огромным: внешняя простота, нарочитая грубоватость, неповторимость интонаций, особое остроумие в сочетании с афористичностью речи, грохочущий бас и раскатистый, заразительный смех – все это приковывало к нему внимание людей. Любовь же зрителей и друзей он прочно завоевал своей душевной тонкостью, застенчивой мягкостью и нежным отзывчивым сердцем. В могучем богатырском теле соединились физическая мощь и редкая духовная чистота. В день смерти Бориса Федоровича 24 апреля 1982 года на больничной тумбочке в заветной тетради «афонаризов» его сын прочел последнюю запись, сделанную накануне: *«Наступает день, когда ты должен это осознать и подвести итоги своего жизненного пути».*

АФОРИЗМЫ БЭ-ФЭ «СУЕТА СУЕТ» ОТ АВТОРА

Еще с юных лет и по сей день я очень любил и люблю афористику, меткие народные выражения, поговорки, пословицы, поговорки; люблю лаконизм фразы, в образной, короткой форме исчерпывающей мысль; мне всегда нравилось живое, удивительное волшебство простого слова, его способность объединять людей.

Собранные мной короткие заметки, шутки и юморески умышленно не систематизировались, не подвергались процессу разложения по определенным полочкам: мне нравился и привлекал меня именно строй сложенной разрозненности подобранного материала, где каждая фраза – одна перед другой – красовалась своей собственной самостоятельностью, не смешиваясь в строй их общего смыслового однозвучия. Мне хотелось бы книгу коротких раздумий подчинить, уподобить природе мышления человека в постоянном быстро текущем времени и постоянной смене в нем самых невероятных и противоречивых событий, привлекающих к себе внимание. Здесь все на первый взгляд принадлежит природе хаоса и бессмысленной суете, но это лишь на первый взгляд, когда же ко всему присмотришься – здесь не бессмысленная суета сует.

Не думай, что ты лучше всех, но и хуже всех – тоже не думай.

Жизнь в щедротах своих, как мамаша-медведица в детском садике, раздавала пинки, оплеухи, горькие пилюли и сладкие пряники.

После окончания университета я почувствовал, что диапазон недомыслия у меня значительно расширился. (Из записок гения)

Плонувшего в колодец за колодцем бьют.

Думающий о тебе плохо, может, единственный, кто думает о тебе хорошо.

Сложение – это сразу же и вычитание, поскольку к чему-то прибавить – значит по столько же от чего-то и отнять.

Всяк утопающий пускает пузыри в целях указания своего местонахождения.

Страшны и опасны порывы глупости, переходящие в ураган.

В меня бросили спасательным кругом, и я потерял сознание.

«Ни грамма больше, ни глотка», – сказал я сам себе уже загробным голосом.

У кого половник в руках, у того и рот рядом.

В глазах волка светилась душевная тоска и неукротимая любовь к баранине.

Козленок поглядывал на всех нагло и независимо, а волк смотрел на него благословенно и поощрительно.

Укротитель засунул голову в пасть белого медведя, и всем вдруг стало ясно, насколько животное умнее и великодушнее укротителя.

Далеко пошел, потому что крепко стоял на месте.

Мудрость приходит не сразу, но сразу же видно, когда она не появится никогда. (Перепечатывая рукопись.)

Часто бывает грустно не от того, что действительно грустно, а потому, что надо быть грустным за компанию.

Древние греки никогда и не думали, что они будут древними греками.

Каждый пьяница непременно стремится к философствованию, но основное занятие пьяниц – философия.

Мозговые извилины созданы для того, чтобы мысль не проскакивала по прямой.

Сомнений уже не осталось, и я начал лихорадочно придумывать их.

Иван Иванович уверял, что в жилах его будто бы течет голубая кровь еще с далеких времен распутства его прабабушки.

И вот с тех пор, как появилась письменность, мир людей разделился на пишущих и подписывающих.

Еж скромно мечтал о встрече с хорошо откормленной гадиной...

Человек, влюбленный в самого себя, не оставляет места влюбленности для другого.

На современную корову солнечное затмение не произвело никакого впечатления.

– А она, утомленная мною, стала лихо с другим танцевать...

Дневной свет не спорит с керосиновой лампочкой.

Лучше всего лечь пораньше, а проснуться попозже. (Из мемуаров ночного сторожа).

«А ведь загробная жизнь есть», – подумал Аким Филиппович, шагая за гробом Аристарха Ивановича.

Истинная независимость – в твоей человеческой необходимости для всех.

Женя любила меня нехотя и сурово...

Платоническая любовь – любовь, не тронутая касанием.

Он страдал умно и расчетливо.

Настало время засолки огурцов, и Диогена стали выдвирать из бочки.

Если хочешь остаться королем – ни при каких условиях не мысли себя без короны.

Когда ты взвинчен, опасайся, чтобы из тебя шуруп не сделали.

Шут – искусственный дурак себе на уме.

Изредка, обыкновенно, когда все ложились спать, хозяин титулованного пса надевал на себя ошейник с золотыми и серебряными медалями...

Все недооцененное мстит – все переоцененное подводит.

Громкая добродетель тихо настораживает.

Чахлая мысль прикрывается яркими фразами, сомнительные прелести – эффектным бельем.

Все, что бросается в глаза, заставляет шарахаться в сторону.

Я начал принимать таблетки от вранья и, по замечанию друзей, сразу же изменился в дурную сторону.

Был бы двор – придворные заявятся, и пес дворовый и шелудивый кот придут.

Все, что делается потихоньку, таит в себе нежеланный шум.

Король не должен знать, что он глупее своих советников. (Из советов советникам).

Никогда не прикидывайся дураком, если ты уже достаточно глупый.

Человек думает редко, но маску задумчивости снимает иногда.

Срубленное дерево таится в корнях своих.

На предсмертном ложе своем не забудь улыбнуться женщине.

Победитель сморкался громко и вызывающе.

Теперь, прежде чем куда-либо сунуть свой палец, я прикидываю возможность вытащить его обратно.

Наукой продленная жизнь оказалась до отвращения продленной старостью.

Оглядывая гробницу Тутанхамона, актриса с завистью прошептала: «Живут же люди...»

Я гулял по зоопарку, и животные нехотя разглядывали меня.

Пахло жареным карасем, и золотые рыбки нервничали в аквариуме.

Мир без шутки и фантазии – да разве это мир?

Идеология без корней традиции чахнет.

Идущие через грязь наверняка отстанут.

Пушкинисты всегда зарабатывали больше Пушкина: так уж создан мир вторящих прекрасному.

Мало будешь знать – скоро состаришься.

Протертые штаны еще не признак усидчивости.

А ведь и не поймешь сразу: то ли он по плечу тебя похлопал, то ли пыль с пиджака стряхнул. (К природе прощупывающих).

«Полный назад!» – заорал кормчий с присущей ему дальновидностью.

Все спящее не дремлет.

Я стучался в пустую дверь – я тренировал свою вежливость.

Я было уже собрался с духом, но духу вскоре стало надоедать со мной.

Когда Пегас стучит копытом – знай: недоволен он корытом...

Александр Иванович делил женское внимание на постное и скоромное.

Бездарность лишена великодушия. (Из опытов самонаблюдения).

Не распространяйся зря – не засоряй собой пространства!

Думая о совершенном дирижабле, не лишай себя способности радоваться мыльному пузырю.

Человек, возомнивший себя пташкой, как это ни странно, начинает обретать признаки порхания.

Две, а тем более три сильные страсти при всех попытках никогда не уживаются вместе.

Осел, напяливший львиную гриву, всегда дурнее и опаснее настоящего льва.

Боишься поражений – не ожидай побед.

Один Дон-Кихот – прекрасно. От ста Дон-Кихотов нужно удирать немедленно.

Бросаясь в огонь, не думай, что ты – несгораемый шкаф.

Прогрессивный деликатес – паюсная икра.

Что Серому Волку в доблесть, то Красной Шапочке в страх.

Человек без сомнений должен непременно вызывать сомнения окружающих.

Бедность не порок, а вот порок, да еще при бедности – абсолютная дрянь.

Делающие вид часто преуспевают в жизни не менее, чем делающие все на самом деле.

Блистать умом среди дураков – признак дурного тона.

Разинувшему рот на влетевшую муху обижаться не следует.

Иван Иванович только к преклонному возрасту понял, что слово «бард» – отнюдь не сокращенное название публичного дома.

Успех лидера выносится на плечах бегущего по пятам.

Меня реанимировали с радостным желанием, чтобы я умер еще раз.

С мягкого тюфяка высоко не падают, твердых обещаний не дают.

Все необузданное бессильно.

Не имея позиции, не лезут в оппозицию.

И почудилось мне, что будто бы мы все в телевизоре живем...

Незабытое зло подобно недобитой гадине.

Великий страдал отложением солей своего величия.

Рука дающего по шее тоже не оскудевает.

Выучиться на соловья – немислимо. (Ворон.)

– Не рвись в друзья к человеку, – сказала собака подопытному кролику.

Усугубляясь, не увязай.

Созревая – прозревай!..

Пьющие денатурат о прелестях сухих вин не разговаривают.

Конюх лошади не товарищ, а товарищ конюх.

Никогда не вступай в соревнование с покойником, ибо тебе никогда не догнать его.

Дурной нрав – для себя всегда прав.

Попав на крючок, не потешай рыбаков плясками.

Истинный мужчина эмансипации женщин не устрашается.

Ударенного поленом о впечатлении не спрашивают.

Каждый обязан совершить хотя бы один благородный поступок, для того чтобы потом иметь возможность к случаю рассказывать о нем всю жизнь по праздникам.

Отдрессированные друг другом супруги живут как единое целое.

Добродетель, вывешенная как медаль, непременно имеет свою противоположную сторону.

При пении дифирамбов вокальные погрешности не учитываются.

Схваченному за глотку трудно рассуждать о возвышенном.

Все возвышенное от навозной кучи живет. (Розовый куст – художнику.)

Все обильно политое драгоценными духами настораживает.

Широта объятий не определяется шириной раскинутых рук.

Дранный кот – явление мужественное и уважаемое.

Утепленные представления легко простужаются.

Очень много умел, поэтому ничего не делал как следует.

Вытащенный из выгребной ямы конфузливо и быстро забывает благодетеля своего.

Вдохновенная полемика двух кретинов озадачивает порой высочайшие умы.

Никогда не думай, что старый вулкан погас, ибо неожиданны его взбрыки.

Если прочитанная вами книжка создала впечатление, что вы умнее автора, будьте благодарны ему: он поддержал вас.

Не всегда знание в силу.

Злобный гусак не упустит трусливого зада.

Укушенный зубом мудрости.

Злого духа с обозленным не путают.

Не обязательно быть глупым, чтобы выглядеть смешным.

Раньше я относился к категории гордо виляющих хвостом...

По законам контраста комик всегда трагически одарен.

Поставленная цель формирует зубы. (Серый волк).

Разговаривая с женщиной, углубленно думать о ней неприлично.

Под каждым дубом – непременно свой особый дубовый микромир.

Есть люди, с удовольствием несущие вериги своей порядочности.

Разбуженная совесть просыпается хмурой и злой.

Все нешуточное началось с обыкновенной шутки.

Дети ясно видят Бабу-Ягу и Кощея Бессмертного. Взрослые пригляделись и не обращают внимания.

Ни один разум не застрахован от посторонней мысли.

Все дурно пахнущее не порицай – благодари за откровение.

Если муха ползает по глобусу – это вовсе не значит, что она искушена в географии.

Думая о человеке плохо, относись к нему хорошо.

Иная собака столько налагает, что никакой ветер не унесет.

Кошкины грезы жеребца не трогают.

Болезненная жажда величия особенно свойственна карликам ума.

Старший дурак исторически терпеть не может младшего умника.

И все же не доверяй Пегаса простому хозяйственнику.

Ушедшего в себя я не боюсь, а вот настойчиво лезущего в меня опасуюсь.

Даже тридцать шесть золотых зубов не стоят одного настоящего.

Замирание сердца по законам стенокардии никогда не спутаешь с замиранием сердца по законам любви.

Брошенная хозяином кость иногда ушибает морду. (Пес).

Придуманная змея способна ужалить не хуже реальной гадины.

И все сводилось к одному: отдайте мне, а не ему...

Прежде чем бросить человека на землю, судьба приподнимает его.

Гусь, поклеванный орлом, всю жизнь похвалялся природой личной дерзости.

Если от тебя шарахаются собаки – проверь, может быть, кошки тоже шарахаются от тебя.

Чужая глупость легче переносится, нежели чужой глубокий и содержательный ум.

Среди трех дураков один окажется наиболее умным.

Крылья любви ведут на якорную стоянку.

Неисполнившиеся надежды всю жизнь остаются главными.

Возвышенной молитвой не клянчат на мелкие расходы.

Если на тебя шипят кошки, значит, ты уподобился псу.

Уходя на пенсию, не гаси свет.

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО

Много добрых эпитетов подарило мне время. Меня называли и популярным, и любимым, просто прекрасным артистом, обо мне говорили, что вовсе не артист, что я – просто урожденный бездумный тип с Волги, кое-кто утверждал, что у меня есть ум, а многие утверждали, что я – глина, просто удобная глыба, из которой кинематографический гений может слепить всякое. Ну что же, искусство трудно уступает место на своей лавке.

Мне никогда или почти никогда не приходилось переживать чувства выражаемого мною персонажа. И я уверен, что истинно пережить чувство другого человека не дано никому.

А тайное желание – это готовиться к главному празднику жизни артиста – празднику сотворения образа. Я почти никогда не мыслил его тематической схемой. Пусть будет рабочая тема, колхозная или воинская. Это для меня никогда не имело особого значения. Ибо, как видится мне на склоне лет, я снимался все время в своей единственной картине – картине о человеческой душе...

Мне никогда не забыть, как фильм «Падение Берлина» демонстрировался за рубежом, как толпы людей окружали нас на площадях и стадионах, где показывали картину, как тянулись тысячи рук к русскому солдату-освободителю...

Я лично больше всего боюсь потерянной свободы и угнетенной интуиции во время съемки.

Взгляни на меня внимательно... Внимательно посмотри: могу я Гамлета играть? Нутром, может, и смог бы, а внешне? Ты такого Гамлета себе представляешь? Ты себе такого Назара Думу представляешь? «Могучий русский молодец» – вот он я кто...

(Из диалога с репортером Эдуардом Церковером)

Сыграл бы Отелло, сыграл бы, успокойся. Как говорится, «он-то съест, да хто ему даст?»

(Из диалога с репортером Эдуардом Церковером)

Анекдоты и шутки из жизни Георгия Вицина

Георгий Михайлович Вицин (5 апреля 1917, Териоки – 22 октября 2001, Москва) – советский и российский актер театра и кино, Народный артист СССР (1990). Снялся почти в ста фильмах, среди которых такие как «Двенадцатая ночь», «Деловые люди», «Женитьба Балзамина», «Операция «Б!» и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика», и во многих других.

Каждый день худенький, невысокий мальчик шел в школу через лес, дышал свежим лесным воздухом, слушал пение птиц и наблюдал невидимую для других жизнь природы. Подкармливать птиц и мелких животных доставляло ему большое удовольствие. Он научился находить с ними общий язык почти как Маугли. Ни он для них, ни они для него не представляли опасности. В школе все было совсем не так. Трудно было общаться со сверстниками и учителями, мальчик часто болел. Преодолеть свою скованность и застенчивость он решил, поступив в школьный театр. Нравилось играть не героев, не пионеров, не разбойников, а стариков. Свою первую роль он сыграл, когда ему было 12 лет. Прикреплял бороду, надевал очки, сгибался под тяжестью лет и становился неузнаваемым, эксцентричным. Школьный зал взрывался смехом, дружно хлопал в ладоши, и по залу пробегал восхищенный шепот: «Кто это?».

После восьмого класса страсть к театру не прошла, и Георгий Вицин пошел учиться актерскому мастерству в недавно организованную студию имени Щепкина при Малом театре. Ограничения по возрасту устранил – прибавил себе год. С тех пор в его жизни часто происходила таинственная путаница с возрастом. После головокружительного успеха с ролями немощных старцев в школьном театре Георгий явно тяготел к комедийному жанру. Через год учебы его отчислили из школы-студии с формулировкой «легкомысленное отношение к учебному процессу». Легкомыслие сразу улетучилось, уступив место упорству: подал документы сразу в три московские театральные студии. Приняли во все сразу. Молодой человек выбрал МХАТ-П.

После окончания школы-студии Георгий Вицин пошел работать к Николаю Хмелеву, который набирал свою студию. В 1937 году театр-студия влилась в Московский драматический театр имени М. Н. Ермоловой, художественным руководителем которого Хмелев стал в 1937–1945 годах. По словам Георгия Михайловича: «Николай Хмелев доделал во мне актера». Практика пришла сразу во время гастролей. Два месяца по Кавказу. Актер, игравший Елесю в пьесе Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын», заболел. Главная роль досталась молодому актеру. Вицин откровенно признавался: «Сначала играл под суфлера. Кто сам этого не испробовал – не поймет. Проклял я тогда каторжный актерский труд и задумал

бросить это дело. Долго думал: а кем я буду? Вот до сих пор и бросаю».

«Самое страшное, что придумали люди – это застолие и машины», – так закончил свою краткую речь о вредном воздействии цивилизации на здоровье человека молодой артист в 1949 году на открытии Машиностроительного завода им. Сталина. Однако прислан он был дирекцией с совершенно противоположной целью – для поздравлений и праздничной вдохновенной речи. За такие слова в те годы можно было получить немалый срок на каком-нибудь экологически чистом, заснеженном лесоповале, но обошлось. Георгий Михайлович Вицин ни со временем, ни с возрастом блага и издержки цивилизации так и не полюбил, а скорее наоборот.

Свою внешность актер считал ужасной, относился к ней без особых претензий и требовательности, всей душой отдаваясь комедийному жанру. Один пожилой актер, утомленный жизнью и трагическими ролями, печально глядя на «прыжки» и «ужимки» молодого таланта, мрачно с пафосом произнес: «Обезьянка... Дурачок... Шут гороховый!».

По давней школьной традиции Георгию по-прежнему удавались роли стариков. Будучи необыкновенно пластичным и наблюдательным, актер передавал малейшие детали поведения пожилых людей с индивидуальной окраской характера. В театре Вицин играл роль сексуально озабоченного, но ничего уже не могущего старика Морозо в пьесе Дж. Флетчера «Укрощение укротителя». Спектакль был очень пикантным в духе современности. В замечательном переводе Т. А. Щепкиной-Куперник. В те годы пьесу из-за резонанса два раза сокращали. У Вицина была фраза: «Мой полк заляжет тоже!». А слуга в ответ: «Заляжет и не встанет!». Пришел в дирекцию театра генерал и гневно пожаловался, что он привел свою шестнадцатилетнюю дочь, сел с ней в первый ряд и был крайне возмущен тем, что говорилось со сцены. Переписали: «Мой полк заляжет тоже». А в ответ: «Он слишком слаб, чтоб смог стоять!». Virtuозные изменения мало затронули смысл, но дальнейшей реакции воинствующих моралистов из высоких армейских чинов не последовало.

Озабоченный старичок, смутивший генеральскую дочку, слегка видоизменившись, превратился в сэра Эндрю из фильма Яна Фрида «Двенадцатая ночь». Британская пресса, всегда ревниво следящая за любыми экранизациями Шекспира, эту картину обласкала, а о роли «русского актера Выпина, точно ухватившего специфику английского юмора», хоть и с ошибкой в фамилии, но упомянули в передаче Би-би-си. Сам актер рассказывал о пробах на роль: «А начал я с того, что представил себе человека, немного женственного, который слушает только себя и очень расстраивается, когда не по его вкусу выходит. Даже платочек кусает. Нашел я это все и решил: насмешу всех на пробе – роль моя. Насмешил».

Георгий Михайлович Вицин за всю свою жизнь не дал ни одного телевизионного интервью, ни одного журналиста не пригласил к себе домой. С корреспондентами общался только по телефону, уделяя каждому не более пятнадцати минут. Представляется особенно ценным то, что удалось сохранить из бесценных, брызжущих юмором и иронией диалогов с теми людьми, кого он выделял своим доверием. Из диалогов Георгия Вицина с Глебом Скороходовым:

– Я не могу понять, кто были ваши родители. В одном месте напечатано, что они сельские труженики, а в другом – что работники «почт и телеграфов».

– А вам что за волнение? Многозначность – это всегда интересно! Пусть читатели поломают голову. Можете еще добавить, что мать сортировала письма, а отец занимался экспедицией газет, которых у нас дома было столько, что я по ним читать выучился!

– В прессе сказано, что в юности вашим любимым спектаклем были «Дни Турбиных» во МХАТе. Вы его смотрели так же часто, как Сталин, – семнадцать раз! Только почему-то написано, что поставил этот спектакль человек, который во МХАТе никогда не работал, – Всеволод Мейерхольд!

– Так и написано?! – изумился Вицин. – Вот как опасно давать интервью! Весь вред от них. Особенно если попадет журналистка с высшим образованием, но без среднего и начального тоже.

Чрезвычайная душевная закрытость Георгия Михайловича даже среди коллег окутала его жизнь

плотной завесой. Несмотря на его известность и всенародную любовь написано о нем очень и очень мало. «Проживи незаметно!» – говорил он и все делал для претворения своего девиза в жизнь.

Вицин занимался йогой, следил за своим здоровьем и необыкновенно хорошо выглядел. Для фильма «Запасной игрок» долго искали исполнителя на роль молодого спортсмена: брали начинающего – плохо играет, пробовали постарше – возраст мешал. Перед съемкой Георгий Михайлович сходил в парикмахерскую и подстригся под полубокс. В то время ему было тридцать шесть лет.

– Что вы мне десятиклассника подсовываете! – возмутился режиссер Семен Тимошенко.

В 1956 году с участием Вицина был снят фильм «Она вас любит», в картине по сценарию предполагался сложный трюковой эпизод на водных лыжах. Сниматься должен был дублер, но режиссер решил снять Вицина. По мнению режиссера, актеру необходимо было создать дополнительные стимулы для согласия на рискованный номер. Семен Деревянский вместе со сценаристом сфабриковали письмо от некой поклонницы: «Уважаемый товарищ Вицин! Вы мой идеал, я мечтаю познакомиться с Вами! Слышала, завтра Вы снимаетесь на акваплане? Какой Вы смелый! Я обязательно посмотрю и после съемок подойду к Вам. Поверьте, Вы не разочаруетесь. Клава». Догадливый Вицин письмо прочел, сниматься согласился, весь эпизод отработал блестяще, но после съемки сказал режиссеру: «А вот имя девушке могли бы поинтереснее придумать».

«Казалось, мне играть уже поздно. Повздыхали мы с Воиновым (режиссер фильма «Женитьба Бальзаминова»), да ничего не попишешь: возраст не тот. Но когда Воинов стал настаивать: «Попробуй все-таки!» – я сам себя заgrimировал. Где – сеточку из краски, где – веснушки, чтоб морщин не было; придумал паричок, нос подтянул, шпаклевку смешал с красной краской – чтоб лицо «похудело». Я называл фильм “Женитьба забальзамированного”», – вспоминал сам Вицин.

В «Женитьбе Бальзаминова» герою двадцать, а исполнителю – сорок семь лет. «Комплекс упражнений, умение владеть своим телом позволяют не только чувствовать, но и думать, как юноша», – любил повторять Вицин. Нона Мордюкова на съемках высказала свое женское мнение по поводу образа жизни коллеги:

– Разве ты мужик?! Не пьешь, не куришь, к женщинам не пристаешь. Ты – труп!

Григорий Козинцев, планировавший снять Вицина в роли Гамлета, увидев артиста в короткометражках Гайдая, был в шоке. Он не мог даже предположить, что у драматического актера проявится столь ярко комедийный талант, Георгию Михайловичу не довелось сыграть принца датского: Трус победил Гамлета.

«Кавказская пленница» должна была начинаться так. Дощатый забор, к нему подходит Трус и, трусливо озираясь, выводит на заборе букву Х. Следом за Трусом к этому месту подходит уверенно-наглый Балбес и дописывает букву У. Увидевши такое безобразие, милиционер заливается трелью свистка. Балбес, не растерявшись, снова подходит к забору и твердой рукой дописывает «...дожественный фильм». Сняли. Смонтировали. Показали начальству. Начальство сочло художественную импровизацию хулиганством. Приказали вырезать незамедлительно!

Первое появление веселой троицы в «Кавказской пленнице» – у бочки с пивом в розлив. Юг... Чудесная погода. Бывалый в качестве главаря шайки расщедрился на пивко. Настроение у всех блаженное. Восторженный Трус с чувством произносит:

– Жить хорошо!

Балбес рационально подхватывает:

– А хорошо жить – еще лучше!

Цепочку счастья продолжает похмельный старикашка, успевший лишь предвосхитить смакование спасительного напитка, как Трус отобрал по ошибке отданную кружку. Все трое дружно, с наслаждением выпили это пиво! А как было на самом деле? Никулин и Моргунов честно употребляли хмельной напиток, а Вицин, «самый знаменитый киноалкоголик», в рот не брал алкогольных напитков даже ради оправданных

жертв во имя профессии.

– Не буду пить пиво! Дайте шиповник.

Дубль за дублем употребил пять кружек разведенного в воде шиповникового сиропа. Пока кто-то не обратил внимание на отсутствие пены. Вмешался Никулин и предложил:

– А может, ваты в шиповник положить?

Сочетание ваты с шиповником даже с применением системы Станиславского не дали нужного эффекта, Вицина убедили смирить гордыню и изменить принципам воинствующего йога. Поруганные на время идеалы принесли к ногам высокого искусства. И, о чудо! Процесс поглощения неблагородного напитка по степени истинного удовольствия затмил все предыдущие дубли с шиповником.

В СССР одним из самых дорогих марок был коньяк «КВ», при советском дефиците его трудно было достать даже через знакомых, не то что просто купить в магазине. Сам Леонид Гайдай как-то предложил Георгию Вицину выпить и гордо показал пальцем на заветную этикетку. Вицин с удовольствием согласился. Дело было на съемках, где не до праздничных сервировок. Достали два граненых стакана, разлили благородный напиток, произнесли тост, чокнулись. Гайдай выпил. Вицин, смакуя, подержал несколько секунд обжигающий коньяк во рту, мечтательно поднял глаза к потолку, поболтал шумно жидкость от одной щеки к другой и, как отработанный стоматологический раствор для полоскания рта, выплюнул в раковину. Гайдай чуть рот не открыл от удивления, несколько секунд длилась пауза, затем он ошарашено воскликнул:

– Ты что, Гоша?! Это же «КВ»!

– А что?.. Так я пью коньяк, – невозмутимо ответил Вицин.

«При всем этом за долгие годы работы в кино Георгий Михайлович мастерски научился играть алкашей, – рассказывал Владимир Цукерман. – Однако в реальной жизни он так и не научился пить. И курил первый и последний раз в семилетнем возрасте. Поэтому Вицин и не любил всевозможные актерские посиделки, юбилеи и творческие встречи в ресторанах, «Самое страшное, что придумало человечество, – это застолье», – любил повторять он. В киношной среде даже ходила такая байка. Один актер говорит другому: «Был вчера на презентации. Стол был шикарный. Все были, все пили. Леонов, Папанов, Миронов, Никулин, Моргунов, Вицин...» – «Стой, – прервал второй, – не ври». – «Ну, все были, и все пили. Кроме Вицина, конечно...».

О фильме «Кавказская пленница»: «Образ “Труса” по актерскому амплу мне очень близок, я про него все знаю. Он нежный, по-своему поэт. Он не вяжется в этой шайке с другими. Для меня не было мучений его придумать. Я как-то сразу его почувствовал и часто во время съемок импровизировал. Например, помните в фильме, когда мною вышибают дверь и я улетаю в окно? Я добавил один штрих: Трус летит и кричит: «Поберегись!». И еще одна импровизация, когда я бегу за Натальей Варлей и пугаюсь упавшего с нее платка. А когда Моргунову делали укол, я предложил, чтобы шприц остался в его ягодиче и размеренно покачивался. Но самой любимой моей находкой стал эпизод, когда Трус, Балбес и Бывалый решили стоять насмерть перед автомобилем “племянницы”, и Трус, зажатый товарищами, бьется в конвульсиях», – вспоминал Георгий Михайлович.

А чтобы стимулировать фантазию своих «соавторов», за каждую идею режиссер фильма Л. Гайдай обещал выставлять придумщику пару бутылок шампанского.

Согласно устным преданиям киношников Никулин заработал 24 бутылки, Моргунов – 18, а Вицин – 1, и только потому, что не любил шампанское.

К вицинским находкам в фильме «Кавказская пленница» относят и стрельбу из рогатки в Шурика, когда Трус радуется меткому попаданию и вдруг замечает снаряд – увесистый огурец, оставшийся в руке, и фокус-покус с поворотом головы на сто восемьдесят градусов. Процесс лепили в несколько приемов. Первый: Вицин, опустив папаху на лицо, трепещет пальцами рук, сложенных «лодочкой» перед грудью, – камера снимает это, останавливается. Второй: Вицин надевает пиджак задом наперед, папаху на лице, пальцы трепещут – камера снимает это, останавливается. А потом третий: эти кадры «разбиваются» еще

одним куском, где снят затылок Георгия Михайловича: сначала под папашой, а потом, когда ее сдвигают кверху. Получается, как будто он смог повернуть голову лицом в ту же сторону, что и собственная спина! Ну а потом голову с папашой с выразительным скрипом крутят обратно (это уже на манекене).

Вспоминает Юрий Владимирович Никулин: «В отличие от Моргунова, который в общении несколько развязан и шумлив, Вицин – тихий и задумчивый человек. У него есть две страсти: сочинение частушек (каждый день на съемку он приносил новую) и учение йогов. Георгий агитировал нас с Моргуновым делать гимнастику дыхания йогов, заниматься «самосозерцанием». Мы с Моргуновым отнеслись к этому скептически. А сам Гоша (так мы называли Георгия Вицина) регулярно делал вдохи и выдохи, глубокие, задержанные, дышал одной ноздрей и даже стоял на голове. Вицин старше меня и значительно старше Моргунова, но выглядит моложе нас: всегда свежий, улыбающийся, подтянутый».

Демократичность и лояльность Вицина как артиста и человека вне всяких похвал. Избегать шума вокруг своей персоны, находить в себе профессиональные и физические ресурсы справиться с самыми трудными задачами режиссера – все эти качества в нем ценили все участники съемочного процесса. Но был у него в личном репертуаре один пункт, с которым приходилось считаться скрепя сердце и призывая всю христианскую любовь к ближнему. Например, работа кипит в самом разгаре, все достигли нужной точки перевоплощения и ритма. И вдруг – незабываемый фальцет Григория Михайловича:

– Стойте, мое время подошло!

Все покорно замирают, сознавая, что «шиповник» – это цветочки... Григорий Михайлович занимает уготованную по собственному регламенту позу на одной ноге или в «цветочной» позиции и глубоко дышит носом. Тишина в студии. Ощутите торжественность момента и накал сдерживаемых эмоций всех участников и зрителей производственной гимнастики убежденных йогов.

После «Деловых людей» неоднократно побывавший под огнем советских кинокритиков по поводу отсутствия «положительного героя» в своих фильмах Л. Гайдай утвердился во мнении «убить» три неповторимых образа, слишком ярко олицетворяющих пороки социалистического образа жизни. Пороки сыграны были столь обаятельно, заразительно и с такой дозой подлинной достоверности, что народная любовь грозила растворить подлинный идеал положительного героя в стиле социалистического реализма.

Например, после просмотра «Операции «Ы» редакционной коллегией Главного управления художественных фильмов среди прочих замечаний присутствовали нарекания в адрес... мыши. Той, которая в эпизоде перед финальными кадрами стала пятой, абсолютно невинной жертвой в ряду поверженных борцов за и против расхищения социалистической собственности. Бывалый пал, потому что в амплитуде чихания от нюхательного табака получил сильный и звонкий удар лбом о стопку перевернутых ведер. Бывалый-«дружинник» в инерции падения кулаком сразил Балбеса, измотанного дракой с Шуриком. Силы Труса были подточены собственным платком с хлороформом для «бабули». Шурик обезвредил себя тем же платком в суматохе драки. Остатков усыпляющего средства хватило еще чуть-чуть – на складскую мышку, которая свалилась последним поверженным звеном лапками кверху, тихонько попискивая в унисон храпу главных героев, так трогательно и смешно... Однако негодующий член коллегии А. Мачарет беспощадно обрушил свой режиссерский гнев на беззащитное животное:

– В третьей новелле отвратительна мышь. Срезать!

Премьера «Операции «Ы» и других приключений Шурика» состоялась в Москве 16 августа 1965 года. До конца года, то есть за четыре с половиной месяца, фильм собрал 69 миллионов 600 тысяч зрителей.

В Алуште на всю группу актеров выдали только четыре билета на платный пляж. А в компании было пять человек. Моргунову билета не хватило. На входе строгая женщина-контролер потребовала еще один билет. На что Вицин, указывая на Моргунова, сказал: «А он не купается. Мы на нем плаваем».

При том количестве персонажей, равнодушных к алкоголю, которых сыграл Георгий Михайлович, и при российской любви к таким героям на экране Вицину, не пьющему и не курящему, приходилось очень тяжело с поклонниками. Увидят на улице и сразу: «Стой, я щас за бутылкой сгоняю!». Георгий

Михайлович надвигал на глаза шапку, старался проскользнуть незаметно, а особо упорным ценителям своего таланта говорил: «Что вы, что вы, он давно дал дуба!». Или был еще один беспроектный вариант. Часто пристающим на улице забулдыгам с фразой: «Третьим будешь?» артист торжественно и многозначительно отвечал:

– Могу быть четвертым, и такова концепция!

Пока инициативная группа обдумывала лихо заверченную «концепцию» Георгий Михайлович быстро удалялся.

Зиновий Высоковский (пан Зюзя) познакомился с Вициным во время съемок «Кабачка “13 стульев”». К тому времени актер с семьей много лет мыкался без квартиры по коммуналкам и комнатам, а тут им с Вициным предложили по трехкомнатной квартире в новом доме. Причем Георгий Михайлович стоял еще в одной очереди на квартиру для дочери. И вот подходит время – Вициным дают сразу две квартиры, а Высоковским – одну двухкомнатную вместо обещанной «трешки». На приеме в Моссовете Высоковский услышал: «Мы бы вам дали, но ни одной трехкомнатной квартиры нет». И вдруг Вицин говорит: «Как нет? Есть. Я ему отдам свою, а себе заберу его двухкомнатную». Неизвестно, как отреагировали на этот поступок дома у Георгия Михайловича, но в квартире Высоковских портрет Вицина висит на самом видном месте.

В ходе работы над фильмом «Не может быть», как, впрочем, и над другими комедиями, часто шла изнурительная работа, которая неведома зрителю: оттачивание нюансов смешного, замена одного сюжета другим, изменение ритма, динамики, драматургии комических элементов. Например, эпизод был рассчитан на 10 метров, то есть на 20 секунд. Репетировали и снимали около двух часов. Петр Петрович Кукушкин сделал шаг к гостям. Остановился. Рука уложена за лацкан пиджака... Вицин играет значительность и величавость Муссолини – в теле плюгавого неудачника и домашнего подкаблучника. Церемонно подходит жених. Он чуть волнуется, но сознает торжественность момента. Застывает. Его поза говорит: «Мы тоже деликатные обхождения понимаем». Кукушкин царственно протягивает ему руку. Жених обменивается с папой рукопожатием.

– Очень приятно, – заявляет Кукушкин, как бы соглашаясь, наконец, после напряженной работы мысли, что явление гостя можно считать приятным.

И тут репетируются и снимаются варианты. Вот два из них.

Первый. Его предложил Вицин, чтобы внутренней логикой оправдать неожиданный переход своего персонажа к фразе: «Не желаете ли трахнуть по маленькой?».

Он поворачивается к Сереге (Савелию Крамарову) – и узнает родную душу выпивохи. Сразу слетает маска величия, возникает радушное и естественное:

– Не желаете ли трахнуть по маленькой?

– Мерси-с, – отвечает жених, он еще выдерживает торжественность момента.

– Это никогда не помешает! – до предела радостно вопит Серега.

– Не надо так, – останавливает тонкий ценитель смешного, Гайдай. – Ты проникнись. Серега тоже на приеме, он умеет себя вести.

– Он же бабник, элегантный человек, – подсказывает Куравлев.

И тогда Савелий Крамаров в модном кургузом пиджачке, в оранжевых носках из-под серых в полоску брюк играет элегантность...

Второй вариант.

– Нет, – говорит Гайдай, слишком резко от чванства к панибратству... Давайте поищем переход.

Искали, не жалея времени. И нашли. Вицин отводит взгляд от Сергея, смотрит перед собой. В глазах тоска: надо что-то говорить, а что?., о чем? Начинает медленно, глубокомысленно и напряженно раскачиваться с носка на пятку, с пятки на носок... В том же ритме закачался Крамаров.

– Вот правильно, – отметил Гайдай, – в беседе высоких договаривающихся сторон произошла заминка, не предусмотренная протоколом. И тут у папаши внезапно родилась мысль:

– Не желаете ли трахнуть по маленькой? – произносит одновременно с надеждой и облегчением Вицин. Сцена завершена на тонком комическом психологизме.

Вспоминает Нина Павловна, жена Гайдая: «Как-то я была в Ленинграде, и там же был Вицин. Мы зашли в меховой магазин, я хотела Лене шапку купить. Вицин тогда был уже известен, на него сразу переключилось все внимание продавцов. И именно он попросил, чтобы нам подыскали шапку: ничего же не было... Нам принесли шапку из нерпы, «пирожком». Я хотела отказаться, говорю:

– Нет, Леня не будет ее носить. Он ведь и так длинный, а этот «пирожок» еще увеличивает рост.

Но Вицин возразил:

– Он будет носить! Только скажите ему, что эта шапка называется: «Абрам Царевич». И точно! Не оценить юмор Леня не мог и несколько лет подряд каждую зиму надевал «Абрам Царевича» с большим удовольствием!».

Свою жену Григорий Михайлович встретил в театре, где она служила гримером и бутафором. Сердце Вицина всегда принадлежало женщинам с плавными и округлыми линиями фигуры. При встрече с избранницей ему было 35 лет, а ей 25 лет, он много и мягко шутил о том, что в сравнении с пышными женщинами худые, тонкие «карандаши» никуда не годятся. Ни богу свечка ни черту кочерга. Позже у них родилась дочь, унаследовавшая талант отца к изобразительному искусству.

Позже, уже в зрелые годы, на вопрос о жене, о том, чем завоевала его сердце Тамара Федоровна, артист отшучивался:

– Для жизни сгодится!

Для него это выражение было и осталось высшей оценкой нужности и необходимости.

Вицину не нужна была слава. Он от нее бежал. Прятался от назойливой публики в своей квартире или уединялся на природе с мольбертом. Живопись и скульптура занимали большое место в его жизни. В их квартире посреди комнаты стоял скульптурный станок. И маленькая дочь долго думала, что ее папа – скульптор. На открытие Музея трех актеров Юрий Никулин заехал за Георгием Вициным, чтобы отвезти на торжественную часть. Коллега лежал на диване в творческих мыслях, «Гоша, вставай, поехали, твой же музей открывается», – энергично скомандовал Юрий Владимирович, «Так это же надо штаны надевать», – вяло протянул Вицин, «Что, ты совсем без штанов ходишь?» – «Так это надо другие штаны надевать», – безучастно продолжил Георгий Михайлович. И перевернулся на другой бок. Только безграничная энергия Никулина и клоунское умение быстро переодеться спасли положение и подарили гостям музея встречу с Вициным.

Вицин не уставал повторять: «Я всегда старался не привлекать внимания других к себе. Чего мозолить глаза народу?». Он надевал серый плащ, надвигал на глаза неказистую кепочку и старался слиться с толпой. Ходит байка, что однажды его узнали в очереди, стали уступать место. «Я не Георгий Вицин, я его брат», – стал отбиваться от людей актер.

– Мужик, у тебя такой великолепный брат, что ты тоже имеешь полное право пользоваться его славой. Проходи вперед!

У Вицина никогда не было своей машины. Администрация театра оплачивала его поездки домой. Однажды после спектакля он предложил довести Глеба Скороходова до дома на такси, они жили недалеко друг от друга. Водитель такси сразу узнал любимого актера, засмеялся и стал расхваливать его талант.

– Вот видите, – сказал Георгий Михайлович Скороходову, – меня сразу узнали, а вас никто никогда и не...

– А вас я тоже узнал, – обернулся к его спутнику водитель, – вы по телевизору про артистов рассказываете.

Когда они доехали до места, Георгий Михайлович пытался заплатить пятьдесят рублей водителю, но тот категорически отказался: «С таких людей денег не беру! Буду всем рассказывать, кого вез!» Пожелав удачи, таксист уехал.

– Так, – сказал Вицин, – значит, нам нужно поделить пятьдесят рублей пополам.

– Это почему? – удивился Глеб Скороходов. – Ведь деньги дали вам.

– Очень просто, – объяснил Вицин. – Мы ехали вдвоем. Каждый должен был заплатить по двадцать

пять рублей. Но ни с меня, ни с вас ничего не взяли. Значит, половина этого полтинника принадлежит вам.

В зрелом и пожилом возрасте артист совершенно не переносил длительных путешествий и переездов. Самолетов боялся, а поезда просто не любил. Коллегам стоило невероятных усилий мобилизовать Георгия Михайловича на гастрольные поездки. На вокзал его провожали, в купе усаживали, но на конечной станции не обнаруживали. Так было не раз.

– Где Вицин?! Он же был! Мы его посадили... – беспомощно металась по вагонам артисты.

Георгий Михайлович не спорил, не противоречил, не конфликтовал. Садился и ехал до ближайшей станции от Москвы, выходил и возвращался домой.

В последние годы жизни у него выпали все зубы, но он так и не обратился за протезированием, говоря: «Запомните, по теории древних мудрецов нельзя вставлять инородное тело в организм. Человек приходит в мир без зубов, он должен и уйти без зубов». Поликлиники и санатории Вицин принципиально не посещал: «А то найдут чего-нибудь, вот и начнешь думать о своих болячках». На все издержки возраста он смотрел со свойственным ему юмором: «Зачем ставить протезы? Если пора сжигать мосты, не меняй их на пластмассовые!».

Юбилей Георгия Михайловича принес много суеты и беспокойства виновнику несостоявшихся торжеств. Год рождения артиста так и остался неподтвержденным: то ли 1918, то ли 1917. Вспомним, что артист для поступления в студию прибавил себе год, видимо, дата прижилась, но внесла путаницу. Вицин как мог отбивался от журналистов, коллег и поклонников:

– Празднуйте, когда хотите. Главное – без меня!

Правительственную телеграмму, подписанную Б. Ельциным, доставленную на дом, приняла рука жены артиста в узкую щель едва приоткрытой входной двери. Журналисты же, тесно стоящие на площадке перед входом в квартиру, так и остались ни с чем.

Георгий Михайлович регулярно кормил всех собак и голубей в округе. Тратил свою небольшую пенсию без малейших сожалений на корм животным. Придумал терминологию бездомным собакам. Изгнанные или потерянные хозяевами были «беспачпортными», а дворняг он называл «двортерьер». В маленькой квартирке Вициных, где кухня была четыре метра, кроме троих взрослых проживали: дворняга Мальчик, которую артист когда-то подобрал на улице больную и выходил, два шумных попугая и одна божья коровка. По словам друзей, божья коровка прожила три года, хотя у этого вида насекомых предел жизни – два года и только в очень благоприятных условиях.

Говорят, что последние слова замечательного артиста были обращены к молодой медсестре. Перед тем как уйти навсегда, он сказал: «Я помню все, что было, понимаю все, что происходит сейчас. И точно знаю, что будет дальше». В день похорон Георгия Вицина в небе над похоронной процессией печально кружили стаи голубей, а рядом с людьми понуро шли, провожая артиста, бродячие собаки всех мастей и размеров.

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО

Меня всегда привлекает смешное в жизни. Это еще со школьной скамьи: я всегда выискивал смешное на уроках, правда, не всегда к удовольствию учителей.

Я бы мог играть и серьезные, и слезоточивые роли, но зачем травить и себя, и людей.

Смеяться – это естественная потребность человека... нормального. А отсутствие чувства юмора – это болезнь... человека ненормального.

Я в жизни человек грустный и все время ловлю себя на том, что нахожу в театре разрядку от не совсем веселых мыслей. И разрядка эта для меня – первейшая потребность. Потому я и вкладываю всего себя в комедийную роль.

Чехов называл литературу своей любовницей. И мне, наверное, то же можно сказать о живописи. Для меня важно индивидуальное в искусстве. Актерство – вы меня поймите правильно, я сам актер и потому могу сказать – стадное дело. Трудно порой себя раскрыть.

Долго я не понимал: зачем режиссер, почему мешает? Даже стыдно было повторять за режиссером не тобой найденное. Позже понял я, что режиссером нужно родиться.

Если слава подкрадывается – спрячься!

Жизни противопоказана публичность.

Животные не скрывают своих эмоций. А у нас только пьяные становятся самими собой, почему я и люблю их играть.

В гримерной я сижу перед тремя своими изображениями и люблюсь своей, надоевшей мне до смерти мордой лица.

Человек, да и то далеко не каждый, не врет только самому себе. И если ничто не держит его в этой жизни, он уходит. Вот самолет свалился – это же счастливый случай, лучший способ ухода. Никаких забот – ни для тебя, ни для родственников.

Мой любимый костюм – пижама.

Лень располагает к раздумью!

Я вообще очень покладистый, терпеливый и неагрессивный. Всегда подставляю другую щеку и драться не буду... Просто потому, что это христианское мудрое правило. Меня порой кусают мои собаки, а я им прощаю: они ведь все такие несчастные, дворняжки... Яне взрывной. Нервы могут сдать, но я все же стараюсь этого не допускать. Температура у меня не такая, чтобы играли страсти. Да я их и боюсь...

Не суетитесь, люди. Жизнь отнимает страшно много времени!

Проживи незаметно!

Анекдоты и шутки из жизни Савелия Крамарова

Савелий Викторович Крамаров (18 октября 1934, Москва – 6 июня 1995, Сан-Франциско), советский и американский актер театра и кино, заслуженный артист РСФСР (1974). В СССР снялся в 42 фильмах, среди них: «Друг мой, Колька!», «Джентльмены удачи», «Большая перемена», «Афоня», и многих других. В американском кино сыграл эпизодические роли в таких фильмах, как «Москва на Гудзоне», «Вооружен и опасен», «Красная жара», «Танго и Кэши» и других.

Говорят, что самые смешные клоуны и самые яркие комики часто несчастны в жизни и печальны в душе. Детство и юность Савелия Крамарова совершенно не располагают к анекдотам и смешным историям из детства жизнерадостного мальчика с бьющим через край комическим дарованием. Уместнее начать серию смешных историй его жизни со старого еврейского анекдота:

- Ребе, почему все считают, что евреи страшно богаты?
- Должно быть потому, что евреи платят за все.

Счастливое детство Савика Крамарова закончилось, когда ему было три года. Отца, известного московского адвоката, репрессировали. Мама, Бенедикта Соломоновна, была вынуждена официально развестись с мужем, чтобы спасти от дальнейших преследований себя и сына. Страшная нищета постигла Крамаровых. Мальчик пережил туберкулез от недоедания. Савву по очереди подкармливали три брата матери, и изредка поддерживал деньгами брат отца из Львова. Но несмотря ни на что раз в полгода в лагерь отправлялась чудом собранная посылка, и в нее любимый папин сын вкладывал маленькое письмо: «Дорогой, папочка! Мы с мамой здоровы, вспоминаем тебя и мечтаем о встрече. Я учусь на четверки и пятерки...». Мальчик лукавил. Учился Савелий плохо, а вел себя еще хуже. Он был сыном репрессированного, принадлежал к непопулярной национальности, да еще косил от рождения. Одежду носил с чужого плеча, к доске выходить стеснялся и школу частенько прогуливал. Над ним смеялись и жестоко дразнили. В старших классах в свою комнату он пустил жить человека, который выращивал собак. Постоялец платил ему гроши, но и они были нелишними. Савелий часто дрался, отчаянно защищая свое легко уязвимое самолюбие и ранимое человеческое достоинство, но уже тогда он учился использовать защитную маску шута. Смех обезоруживал противника и закрывал несокрушимой броней хрупкий внутренний мир. Но у медали всегда две стороны. На выпускном балу Савелий пригласил самую красивую девочку из класса и услышал в ответ, что она с клоунами не танцует.

Матери удалось уговорить жалостливую паспортистку записать мальчика русским, она страшилась за

его судьбу. После окончания средней школы Савелий решил поступить в театральный, но его не приняли из-за слишком выразительного лица, и тогда он подал документы в Лесотехнический институт, на факультет озеленения. Дорога в институт была долгой, с двумя пересадками, ездить приходилось «зайцем», экономя каждую копейку. Мамы уже не было в живых, и юноша перебивался как мог. Зато он научился так отводить глаза в сторону, когда контролеры спрашивали у него билет, что все до единого свидетели этого незабываемого зрелища покатывались со смеху и начисто забывали про обязательную оплату проезда.

Однажды Савелий увидел на переходе большую толпу. Снимали кино. Толпа зевак и веер дублей. Режиссер механически оглянулся на случайный толчок, увидев лицо Крамарова, остолбенел и мгновенно отреагировал:

– Молодой человек! Попробуйте сыграть испуг во время наезда!

Савелий потратил на мнимый испуг минуту, получил заветную «трешку» и с нетерпением ждал выхода картины. Он навсегда запомнил искреннюю похвалу режиссера его заметной и редкой фактуре. Спустя почти год Савелий с изумлением увидел себя на большом экране. На него смотрели глупые выпученные от страха глаза незнакомца и широко разинутый рот, грозивший в одно мгновение поглотить весь зрительный зал. Секунд десять взмахом хохотали зрители. Не смеялся один Крамаров. Спустя несколько дней позвонила та самая красивая девочка из класса, увидев его в новом фильме. Однако Савелий был уже очень занят...

Учась в Лесотехническом, Савелий Крамаров в 1954 году решил штурмовать театральную студию «Первый шаг», существовавшую при Центральном Доме работников искусств. Несмотря на огромный конкурс, Крамарову с первого же захода удалось туда поступить. Его взяли именно за то, за что несколько лет назад не приняли в ГИТИС – за его лицо прирожденного комика. На сцене он дебютировал с простым, но очень смешным номером – «Передвижение рояля». Актер неуклюже брался то за одну, то за другую ножку, в муках искажал лицо, в изнеможении падал, отдыхал, взобравшись на рояль. Снова брался за ножки, съезжал по ним, в выразительном бессилии замирал на лаковой крышке рояля. Поединок рояля и человека продолжался несколько минут, и все это время публика съезжала с кресел от хохота, наблюдая за всеми терзаниями артиста. В дальнейшем с труппой «Первого шага» Крамаров побывал с гастролями во многих городах Советского Союза, и везде его выход на сцену сопровождал заразительный хохот.

Окончив Лесотехнический институт в 1958 году, Крамаров некоторое время работал по специальности, но решил бросить однообразную работу. Разослал свои фото по всем киностудиям страны, и на одно письмо пришел ответ. После фильмов «Прощайте, голуби» и «Друг мой, Колька!» Крамаров был нарасхват. Его приглашали на роли хулиганов, бездельников и недоумков. Савелий в жизни не был знаком ни с одним из них. Если подозрительный тип встречался ему на улице, он предпочитал предусмотрительно переходить на другую сторону улицы. А экранные герои Крамарова могли иллюстрировать подробную криминологическую главу, посвященную мелким уголовным элементам.

Выход фильма «Неуловимые мстители», несмотря на то что Крамаров там появился раза четыре и сказал фразу: «А вдоль дороги мертвые с косами стоят, и тишина!», подарил невероятный успех и дал, по советским меркам, космические возможности для заработков. Его узнавали во всех уголках огромной страны, и концертная деятельность заложила прочный фундамент его материальной независимости. Например, когда он снялся в первых своих фильмах, бюро кинопропаганды предложило ему сделать фотокарточку-портрет. Крамарову пришлось взять модную полосатую рубашку у своего друга Александра Левенбука. Однако уже через несколько лет после этого Савелий сумел обзавестись собственными стильными вещами и даже купить машину редкой марки. Он переехал в знаменитый круглый дом на Мосфильмовской, стал страстным коллекционером антиквариата.

В 1972 году Савелий поступает в ГИТИС, на актерский факультет, успешно закончив учебу, Крамаров так и не устроился ни в один из советских театров. Как вспоминает его приятель В. Стронгин: «Савелий порой пускался на хитрости. Устраивался на работу в театр, начинал репетировать роль в пьесе, принимая замечания режиссера, бывалых артистов, тем самым набирая опыт, а перед выпуском спектакля, ссылаясь

на срочные кино съемки, покидал театр. Однажды он сам заговорил со мной об этом: «Неудобно получается. Я грешен перед театрами. Они рассчитывают на меня. А я от них сбегая. Театр для меня – школа, кино – жизнь...».

К началу семидесятых Крамаров уверенно занимал место в десятке лучших комиков страны, ему было присвоено звание Заслуженного артиста РСФСР. После фильмов «Джентльмены удачи», «Иван Васильевич меняет профессию», «Большая перемена» Савелий Крамаров стал всенародно любимым актером, слава изменила его мир и изменила его самого. Александр Збруев вспоминал: «Большую перемену» снимали в Ярославле. Однажды подъезжаем к проходной завода, где снималась одна из сцен, а там вахтер: «Пропуск», Водитель говорит: «Да мы каждый день здесь проезжаем!». Тот в ответ: «Знаю, что каждый день, а вот сегодня нужен пропуск!». Ролан Быков выглянул: «Слушай, дружок, мы торопимся. Ты что, нас не узнаешь?». Вахтер уперся: «Пропуск – и все!». Еще кто-то выглянул – никакого результата: «Никуда вас не пущу!». Тут высовывается Крамаров и говорит: «Слушай, друг! Ты вообще соображаешь, что говоришь-то?». Вахтер его увидел: «А! Ты здесь? Ну давайте, проезжайте!..». Крамаров был всеобщим любимцем». На вопрос о планах на будущее в то время Савелий отвечал: «Буду копить на народного!».

Олег Видов, близкий и преданный друг Савелия в эмиграции, познакомился с ним на съемках фильма «Джентльмены удачи». О съемках эпизода, где они кружат по городу в поисках загадочного «мужика» и «дерева», актер рассказывал: «Когда Савва начинал играть эпизод, я не мог сдерживаться, не мог сохранять профессиональную беспристрастность. Во мне побеждал зритель. Я смотрел на игру Крамарова и смеялся до слез. Положение спасти удалось: с разрешения Георгия Николаевича я перестал смотреть на Савву и, как профессиональный таксист, концентрировался на дороге, устремив взгляд прямо перед собой. Как только я забывался и смотрел на своего собеседника, меня опять начинал душировать смех».

Крамаров – это смех и слезы советской комедии. Образ недоумка и плебса, который вознес Савелия на вершину славы, не давал развития драматическим способностям актера. На съемках «Джентльменов удачи» он познакомился с великими актерами – Георгием Вициным и Евгением Леоновым, – они взяли его под свою опеку. Именно они предложили для Савелия небольшую сценку, где он встречается с другом детства – бывшим детдомовцем. Комическая роль уловника сразу приобрела драматические краски. Савелий впервые за свою кинематографическую карьеру создал образ не просто смешной, а трагичный в своем простодушии. В ходе съемок «Джентльменов удачи» Савелий обсуждал с Леоновым рисунок своего героя и выражал мысль, что надо еще что-то придумать для большей выразительности, на что Евгений Павлович удивленно среагировал фразой: «Что ты собираешься придумывать?! У тебя сама морда игральная. Зачем?!».

Актриса Нина Маслова вспоминает с улыбкой: «Я во время съемок «Большой перемены» в Крамарова просто влюбилась! Особенно когда он приехал в Сочи сразу с двумя молоденькими девушками. Он в жизни был совсем не таким, каким его знают по фильмам. Он был интеллектуалом, таким рафинированным – не пил, не курил... Весь с иголочки. Если бы я не была «молодоженой» (незадолго до съемок актриса вышла замуж), я бы сама завела роман с Савелием. В фильме у нас с ним был диалог влюбленных перед камерой, а изначально эпизод был пустой вообще, то есть молчаливый, мы его наполнили общением, и у меня, глядя на него, родилась фраза:

– Что ты мне глазки строишь?

– А что, я тебе кооператив должен строить? – парировал он незамедлительно.

Режиссер оставил нашу импровизацию в фильме, и мне часто эту шутку цитировали поклонники фильма. Однажды мы с ним были на кинофестивале в Баку. Там всех объявляли: «Народная артистка Нонна Мордюкова!». Зал аплодирует. «Народный артист... такой-то!». Аплодисменты. «Артист кино – Савелий Крамаров!». Я своими глазами видела, как сидящие в первом ряду седые академики с бородами по пояс при этих словах встали и устроили настоящую овацию! Он пользовался такой всенародной любовью...»

Вскоре после выхода фильма «Джентльмены удачи» и его ошеломительного успеха у зрителей Савелий

Крамаров позвонил Виктории Токаревой и, особенно не потратив времени на светскую беседу, деловито предложил:

– Виктория, напишите мне вторую серию. А я вам лекарства достану.

– Какие лекарства? – растерялась молодая женщина, не имеющая серьезных проблем со здоровьем.

– Какие надо. Любые, – обозначил границы возможного Крамаров. На самом деле этот комичный случай ярко иллюстрирует проблему комика Савелия Крамарова в СССР. В отечественном кинематографе не было киноиндустрии, работающей на него, на его образ. За рубежом вокруг известных комиков работал штат сценаристов, выходили шоу, сериалы, снималось кино специально под их имя и образ, которое становилось своеобразным брендом жанра.

– У Савелия была великолепная фигура, сложен, как Аполлон: точеное тело, каждая мышца видна, – рассказывал Евгений Гинзбург. – Тело свое он холил и лелеял: никогда не пил кофе – про алкоголь и не говорю! В «Останкино» в перерывах между съемками мы уходили в бар, набирали бутерброды. А Савелий вынимал термос с травяным чаем, баночку с медом, прикрытую сверху белой бумажкой, орехи. Это был его обед. И никакого мяса! Всегда был одет с иголочки: если джинсы, то фирменные, если пиджак, то итальянский. Если машина, то иномарка. Чистота в ней была идеальная – ни соринки. История приобретения автомобиля любопытна: в управлении делами дипломатического корпуса распределяли машины, оставленные уехавшими работниками посольств, начальник управления выдал артисту разрешение на приобретение белого «Фольксвагена-жука», на котором Савелий потом щеголял на улицах Москвы. Мои попытки аккуратно покурить в окно пресекались криком: «Ты с ума сошел!».

Игорь Баскин, друг Савелия, вспоминал: «У него не было никаких финансовых проблем. Он мне говорил, что у него под кроватью стояли мешки с деньгами, и никогда нельзя было сказать точно, сколько их там было. Брал по мере необходимости и откладывал по мере возможности». Тем не менее именно в этот период Савелий обращается к вере отцов, начинает регулярно посещать синагогу и увлекается гимнастикой йогов. Видимо, он потихоньку начинал тяготиться своим амплуа: большому таланту тесно в эпизоде. Одиночество стало его привычным состоянием. Шумным компаниям он предпочитал вечер дома с книжкой в руках и очень следил за своим здоровьем. Режиссерам стало известно, что актер всерьез увлекся религией, регулярно посещает синагогу. Поначалу это было расценено как очередная блажь звезды, но затем эти сомнения рассеялись. Савелий во время съемок любого уровня мог уйти со съемочной площадки, чтобы помолиться. В пятницу вечером и в субботу он, как и положено истинному иудею, не работал и прямо заявлял об этом. Кто-то из них с этими странностями Крамарова соглашался, но большинство – нет. Кружок индийской йоги, который посещал актер, находился под наблюдением. В этот же период родной дядя Савелия решил уехать в Израиль. Образ жизни и дядя, эмигрировавший в Израиль, делали Крамарова человеком с сомнительными для Советского Союза связями, что было равнозначно концу карьеры. Крамаров попал под прицел спецслужб. Циркулярные письма о нежелательном участии актера в любых театрально-концертных представлениях были разосланы в соответствующие инстанции.

Шли съемки фильма «Афоня» на селе. Артисты питались в колхозной столовой. В зал вошли несколько артистов, и вдруг Крамаров в неповторимом полуобороте с задранной носом, кося глазом и с небрежной интонацией царствующей особы, громко обратился к сосредоточенно жующим сельским жителям:

– Вставать не надо. Всем сидеть! – и великодушный жест рукой завершил короткое обращение кумира к своему народу.

Первые секунды головы простодушных деревенских жителей недоуменно переглянулись, перестав жевать, а потом всем стало весело и очень смешно, потому что никто и не собирался вставать. Мимоходом, мимоходом, одним жестом, позой, фразой Савелий дарил атмосферу праздника шутки и улыбок.

«На банкет по поводу окончания съемок «Афони» Савелий пришел с какой-то прехорошенькой девушкой. Она была немножко простенькая, как официанточка, но очень миленькая. В радостном возбуждении избранница артиста часто вертела маленькой головкой и гордо поглядывала на присутствующих, вся ее фигура от кончиков волос до кончиков пальцев выражала неподдельный восторг:

знаменитые люди вокруг, она с известным артистом, а он холостой. И у них все-все будет завтра или уже даже сегодня.

Крамаров же сидел спокойный, задумчивый и вдруг мне сказал:

– Вы знаете, мне уже 37 лет, а у меня нет детей. Я стесняюсь...» – вспоминала Виктория Токарева эту сокровенную, вдруг прозвучавшую фразу.

Одна известная советская киноактриса, выступая на Совещании Комитета по кинематографии с красноречивой речью, возмущенно заявила, что кино дает широкую дорогу артистам, имеющим природные увечья, и оглушает образ советского человека, имея в виду нашего героя. Савелия вскоре перестали выпускать за границу. В кулуарах говорили: «Как такой урод может представлять страну?!».

Актер, оставаясь на родине, фактически был выкинут из жизни: за три года, предшествующих эмиграции, у Савелия было всего 12 съемочных дней, многие друзья перестали поддерживать с ним отношения, режиссеры перестали приглашать его на новые роли. Неоднократные официальные обращения на выезд из страны не получали положительного ответа. Терпению пришел конец, и на прямой вопрос в КГБ: «Почему мне не разрешают уехать? Ведь в Израиле у меня живет единственный родной для меня человек – мой дядя» – ему ответили: «Это не мы вас не выпускаем, а ваше непосредственное начальство – Госкино». Крамаров наконец догадался, что побуждало Госкино не выпускать его из страны. Ведь он снялся более чем в сорока фильмах, составляющих золотой фонд советского кино, и в случае его эмиграции все эти картины должны были положить на полку. Абсурд, печальный абсурд воцарился в жизни короля смеха: он как бы есть, но его вроде нет.

Группа актеров и художников, которым было отказано в праве выезда из СССР в период позднего расцвета брежневского застоя, бросают дерзкий вызов власти – создают подпольный Новый московский литературно-эстрадный театр с символическим названием: «Под вопросом». Спектакль «Кто последний? Я за вами!» с элементами сатиры на государственный строй играется в обыкновенной московской квартире. В тесном помещении присутствуют обыкновенные зрители и иностранные корреспонденты. Среди талантливых и смелых «отказников» самая заметная фигура – Савва Крамаров. Звезда гротеска не решается выйти на сцену, волнуется, колеблется, он просто боится. Память прошлого неискоренима. Страх сына репрессированного живет в его душе. Коллега по театру, подруга Соня Мельникова убеждает:

– Савва, чего ты боишься?! Ты сидишь в московской хоральной синагоге на обозрении всего КГБ, Тебя все уже видели. Много раз! Никто из них не верит, что ты там читаешь тору!

– Мы будем выступать, а стены прослушиваются., – приводит слабые аргументы Крамаров.

– Савва! Стены прослушиваются, но ты же участвуешь в пантомиме! Нас всех запишут, всех, а тебя нет!

– И правда! – облегченно и обрадовано выдыхает Савелий. – Я же пантомиму играю, я буду только пантомиму, я делаю пантомиму, только пантомиму, – как заклинание повторял спасительные слова Савик.

Он вышел на сцену не раз и был великолепен. Спектакли сопровождали аншлаги, люди стояли даже на лестничных пролетах. А на подступах к дому люди в штатском проверяли паспорта у зрителей, идущих на спектакль.

Актеров «квартирного» театра одного за другим выпускали за рубеж. Савелий же по-прежнему оставался на неласковой для него Родине. На экранах шли незабываемые фильмы, зрители смеялись, любясь искрометной игрой, но фамилии Крамаров в титрах уже не было...

Георгий Данелия позже написал в своей книге «Гостуемый пьет до дна»: «Из всех картин, где снимался Крамаров, его вырезали. Хотели вырезать и из «Мимино», из «Джентльменов удачи». Но я им написал, что они совершают идеологическую ошибку! «Посмотрите фильм внимательно! Крамарова там не пирожными кормят, а в «воронке» в исправительную колонию увозят, на пять лет». И еще напомнил, что и в «Джентльменах удачи» актер Крамаров играет бандита и отщепенца. Подействовало! Оставили все как было».

Окончательному отъезду из страны предшествовал случай в Саратове. Савелия Крамарова пригласили с гастролями в Саратовскую область. У местной филармонии «горел» план, и они очень надеялись с помощью известного комика как-то исправить положение. И они его исправили. В сборной программе, которую составил режиссер Вишневецкий, Крамарову было отведено всего лишь 20 минут, но именно они и привлекли в залы толпы людей. Зрители, что называется, «висели на люстрах» и «сидели на подоконниках». Савелий был безусловным фаворитом тех концертов, и, когда он выходил на улицы города, к нему навстречу сбегались толпы восторженных людей. Как вспоминал позднее Вишневецкий: «Первый концерт был в городе Марксе, не закрытом, а просто наглухо перекрытом. После концерта в кабинете худрука меня ждал «искусствовед в штатском». Начались расспросы о Крамарове, а я и сам толком не знал о его планах. Хотя и догадывался».

Александр Левенбук – постоянный автор программы «Радионяня», режиссер, один из близких друзей Крамарова, вспоминал: «В моей квартире в Марьиной роще, на маленькой кухне, мы с Савелием сочиняли письмо Рейгану. Идея написать принадлежала Крамарову. Текст был с грустной иронией по поводу власти, и Савелий часто повторял, взявшись за голову: «Это – Сибирь! Вот это точно Сибирь...». Письмо было озаглавлено: «Как артист артисту».

«Уважаемый господин президент Рональд Рейган! Обращается к Вам популярный в Советском Союзе киноартист Савелий Крамаров. Я не умираю с голоду, но не хлебом одним жив человек, хотя хлеб у нас с вами разный и питаемся мы с вами по-разному, но мы оба любим творчество и не можем без него жить. Помогите мне обрести в вашей великой стране возможность работать по специальности. Моя нынешняя великая страна, видимо, помочь мне в этом вопросе не может. Что же касается моего так называемого воровского прошлого, то это относится к героям, которых я играл в советских фильмах. А в действительности я верующий в Бога и вполне законопослушный гражданин. У Вас масса разных важных государственных задач, но я не сомневаюсь, что в вашей груди по-прежнему бьется сердце актера, всегда готового помочь другому актеру, оказавшемуся в беде».

Письмо передали несколько раз по «Голосу Америки», и выезд разрешили без промежуточной посадки в Сибирь.

Слава комика Крамарова была особенной: люди видели в нем простого, равного себе человека, без всяких претензий на какую-либо высококобость, интеллектуальность, рафинированность. Даже то, что он играл откровенных балбесов, недоумков и плебеев зрителем ставилось ему в добродетель. Кстати, именно этот нюанс больше всего и злил серьезных кинокритиков, которые удивленно вскидывали бровь: «Ну что в этом Крамарове особенного? Ведь дурак дураком!». Но зрители дарили своему кумиру подлинно неистощимую любовь. А трагикомедия ситуации заключалась как раз в том, что настоящий реальный Савелий был глубоким интеллектуалом, высокоорганизованным человеком с богатой духовной жизнью. Даже увлечение антиквариатом выдавало в нем ценителя прекрасного весьма непростого происхождения. Большинство же друзей и поклонников были потрясены решением артиста уехать из страны, они недоумевали по поводу причин, толкнувших любимца зрителей пойти на этот шаг. Отъезд Крамарова из СССР произошел 31 октября 1981 года. Провожать его хотели прийти друзья и знакомые, однако он попросил их не делать этого. «Вас обязательно всех возьмут на заметку», – предупредил он. В аэропорт он приехал практически один. В руках у него были два небольших чемоданчика с вещами, на голове кепка, в которой он снимался в самой любимой своей картине – «Друг мой, Колька» (она была его талисманом). Весь свой антиквариат и другие вещи, которые ему не позволили вывезти из страны, он оставил своей бывшей жене Маше. В самолете пассажиры, с которыми он летел в Вену, встретили его появление в салоне аплодисментами.

В Вене известный импресарио Виктор Шульман встретил артиста. Как и было обговорено заранее, он организовал гастроль Крамарова в Европе, которые прошли довольно успешно. Каждое свое выступление Крамаров сопровождал словами: «В России я снялся в сорока двух фильмах и всегда играл пьяниц, хулиганов и дураков. Поэтому мне очень приятно, что вы меня встретили как родного».

«Он очень смешно говорил на английском, – вспоминает певица Алла Йошпе, – очень специфически. Так мог говорить только Савелий Крамаров. Он говорил:

– Фы тэбл, фы хауз, фы стрит...

Его поправляли: «street, table, house», а он повторял:

– Фы стрит, фы тэбл, фы хауз.

И тогда я ему сказала:

– Савка, сейчас я тебе дам совет на миллион долларов. Запомни и не забудь – не переучивайся! Так говоришь только ты, никто не сможет так говорить! На этом незабываемом произношении ты станешь великим актером Америки!».

В 1982 году Крамаров с заработанными во время гастролей деньгами приехал в Лос-Анджелес, поближе к Голливуду, нашел агента и показал ему ролик со своими ролями. В то время режиссер Пол Мазурски приступал к съемкам антисоветской комедии «Москва на Гудзоне», и именно ему агент посоветовал взять к себе в фильм Крамарова. После проб актера Мазурски доверил комику роль продавца сосисок. «Картина стоила 14 миллионов долларов. Я еще плохо говорил по-английски, не все понимал, жутко волновался, и в этом мне помогал Илья Баскин, который играл клоуна, В конце каждой съемочной недели устраивались приемы в шикарных ресторанах. Сцены в России мы снимали в Мюнхене, который в некоторых местах похож на Москву...» – вспоминал впоследствии Савелий. Фильм «Москва на Гудзоне» вышел на экраны США в 1983 году и имел большой успех у зрителей. Его вынуждены были заметить даже в СССР. Поэтому не случайно, что сразу после выхода картины на экран в «Литературной газете» журналист Владимир Симонов написал фельетон о нем под названием «Савелий в джинсах». Автор так оценивал личность актера: «В фильме мелькает, например, бывший советский комик. На родине его звали Савелием. С безумным видом он мечется по экрану, отпуская трехэтажные непечатности. Они грохочут в квадрофонических динамиках. Ничего другого по части творческой свободы Савелий не получил. К главной роли его не подпустили. Иваноффа играет американец Робин Вильямс, а Савелий довольствуется воссозданием отнюдь не гамлетовского образа – уличного продавца сосисок.

Не удивлюсь, если завтра действительно встречу Савелия на улице с тележкой. Это еще будет для него большой удачей...»

Печально знаменитый номер «Литературной газеты» с фельетоном на себя Крамарову удалось раздобыть. Реакция его была неожиданная: «У меня этот номер до сих пор хранится! Тогда для меня это большим сюрпризом стало. Я уж думал: про меня никогда писать не будут».

В Америке Савва Крамаров встретил старых друзей, ранее оказавшихся в эмиграции – Олега Видова и Илью Баскова. Постепенно появлялись новые знакомые и друзья. Он по-прежнему углубленно занимался йогой, увлекался голоданием, очищением организма и даже в условиях жесткой конкуренции Голливуда не снимался по субботам. Однажды они с Ильей Басковым приехали в гости к общему другу, который добился прочного финансового успеха в Америке и в довершение к прекрасному дому приобрел новую, сияющую великолепием красную «Феррари». Савелий, давний ценитель дорогих авто, в возбуждении любителя скорости предложил хозяину «погонять». Машина быстро скрылась из глаз гостей, что называется, «с низкого старта». Минут через пятнадцать по телефону официальный голос из полиции сообщил, что пассажир и водитель «Феррари» разбились в аварии, и пригласил опознать пострадавших. Обеспокоенные друзья прибыли на место аварии незамедлительно, благо горе гонщики не успели далеко уехать. Их взорам предстала живописная картина: перевернутая, искореженная «Феррари», суetyащиеся полицейские, карета скорой помощи, случайные прохожие. А на обочине дороги носилки, на которых рядышком лежали два пострадавших. Один – без сознания, благополучный, финансово состоявшийся владелец престижной машины. Второй – живой, насмерть перепуганный, вымазанный в крови Крамаров, с оторванным ухом, аккуратно лежащим у него на груди. Ухо пришили кудесники от медицины так виртуозно, что на развитие дальнейшей карьеры в Голливуде досадное увечье не повлияло.

После нескольких лет пребывания в США Крамаров наконец женился. Когда он уезжал из СССР, он признался своему приятелю В. Стронгину: «Здесь многие невесты олицетворяли меня с героями, которых я

играл, и выйти замуж за меня просто боялись. Надеюсь, в Америке меня никто не знает и найти жену действительно будет легче». Так оно и оказалось, хотя по-настоящему счастливым в семейной жизни Савелий так и не стал. С первой американской женой Мариной они прожили недолго и вскоре развелись (в этом браке в 1987 году на свет появилась дочка Бася, названная в честь матери Савелия). Свою третью жену – Наташу – Крамаров встретил незадолго до своей кончины.

Друзья утверждали, что он мог познакомиться без всяких комплексов с любой девушкой. Однако его выбор, как правило, падал на очень красивых или эффектных женщин. Он без комплексов подходил к предмету своей симпатии и на ломанном английском языке уверенно произносил приблизительно следующий монолог: «Я – звезда. Я очень большая звезда. Меня знает более двухсот миллионов человек. Я бы хотел пригласить вас в кафе, чтобы более подробно объяснить те досадные причины, почему вы меня не знаете».

В 1982 году актер удачно снялся в фильме «Космическая Одиссея 2010», где сыграл русского космонавта, в 1986 году последовали «Вооружен и опасен», а позже и «Возвращение домой». А. Левенбук приводит случай, который произошел с Крамаровым в 1988 году, во время съемок его третьей картины – «Красная жара» с А. Шварценеггером в главной роли. Случай, возможно, ущемил права Савелия как актера, но упрочил его финансовое положение. До этого Крамарову несколько раз предлагали вступить в актерский профсоюз, но он отказывался. Ему казалось, что в Америке профсоюзы играют такую же малозначительную роль в судьбе людей, как и в СССР. Однако, вступив в него, он понял, что ошибался. В «Красной жаре» у него была большая роль, и по контракту его фамилия должна была стоять отдельно. Но роль была сильно урезана, и в результате фамилия попала в эпизоды. Продюсер и режиссер прислали ему письмо с извинениями и сообщили, что на видеокассетах имя актера будет стоять в титрах. Но профсоюз добился выплаты солидного штрафа за «ущемление прав актера». Гонорары у Крамарова были по американским понятиям маленькими: за съемки в шоу-передачах он получал 5 тысяч долларов в неделю, за съемки в кино – 5 тысяч в день. Он считал уместным давать уроки практичности и рациональности в условиях эмиграции своему другу Олегу Видову:

– Лучше сняться в маленькой роли в большом фильме, чем в большой роли, но в маленьком фильме.

– Почему? – искренне удивился непрактичный Олег.

– Потому что большой фильм будет идти долго, и от каждого показа тебе будут идти чеки. А маленький фильм покажут один-два раза и все. Какая тебе от этого польза?! – резонно задавал риторический вопрос Савелий.

Перестройка сделала приезд многих бывших друзей Крамарова в Америку частым и беспрепятственным. Вот что вспоминает об этом Александр Левенбук: «Когда мы первый раз встретились, он целый день ходил с нами и повторял: «Не может быть!» Это было начало перестройки – 86-й год! Савелий в это время играл в фильмах чаще всего русских кагэбэшников. Тогда с нами, с Камерным еврейским театром, был сопровождающий. Но это был очаровательный интеллигент (мы знаем, что и в этом ведомстве были замечательные люди). Савелий ходил с ним в обнимку, а тот оборачивался, подмигивал в сторону своего спутника и говорил: «Потом меня играть будет».

У нас были крохотные суточные, а хотелось всем привезти подарки. Савелий спросил: «Ребята, что я могу для вас сделать?» – «Дай нам по сто долларов», – ответили мы честно. Он сказал: «Хорошо». И принес завтра нам не двести, а пятьсот. Мы с Хайтом сказали, что много, но, конечно, взяли. А когда приехали второй раз и уже появились приличные гонорары, то хотели ему отдать. Он замахал руками... А ведь по американским понятиям он жил очень скромно (хотя и угощал гостей лососиной). Как члену актерской гильдии ему всегда хватало на жизнь, на скромные вещи, на дочку, которая после развода жила с бывшей женой и о которой он постоянно заботился. Снимался он немного, но гильдия помогала. И вновь – слова А. Левенбука: «Мы с Хайтом, гостя у Крамарова, позволяли себе шутки с подковырками. В азарте веселья иногда переходили границы приличий, теряли чувство меры. Извинялись – а он и не думал обижаться. У него совершенно не было никаких амбиций...».

Среди актеров, побывавших в Америке, ходил такой анекдот о Крамарове, достоверность которого не подтверждена, быть может, его просто придумали. Савелий как-то пригласил двух приехавших из СССР артистов в гости: «Вечером обязательно приезжайте ко мне». После концерта друзья звонят ему – телефон молчит. А где живет, не знают. Внезапно один из них вспоминает: пятница, вечер – шабат! Ничего нельзя делать, даже говорить по телефону. Через каких-то десятых знакомых они находят адрес Крамарова, ловят такси, поздно ночью приезжают к нему домой. Дверь приоткрыта. Заходят: в темном коридоре Крамаров, молится. Для них же постелено в соседней комнате. Утром происходит бурная встреча, и друзья-юмористы спрашивают:

- Савва, ты ночью в туалет вставал?
- Да.
- А трубку не брал, когда мы тебе звонили?
- Нет, я не мог.
- Объясни, пожалуйста, почему одну трубку в руки можно брать, а другую нельзя?
- Это интересно, надо спросить у раввина, – ответил находчивый и необидчивый Крамаров.

Георгий Данелия тоже встречался с Крамаровым в это время: «Встретился я с Савелием в конце восьмидесятых в Голливуде, куда приехал с продюсером Константином Александровым выбирать актера на роль Мераба в фильме «Паспорт». Савелий, пока я был там, не отходил от меня. Все время старался сделать что-нибудь приятное. Я его пригласил сняться в фильме «Паспорт». Он отказался. Сказал, что ехать в Советский Союз боится. В фильме «На Гудзоне» он сыграл роль кагэбэшника и опасался, что КГБ ему за это отомстит. Я его успокаивал, говорил, что, если бы они хотели это сделать, давно сделали бы, что Лос-Анджелес для них не так далеко. Это его не очень успокоило».

В 1991 году Савелий все-таки отважился приехать в Советский Союз в гости, а накануне состоялся его разговор с Александром Левенбуком:

- Саша, я очень хочу приехать, но боюсь КГБ. Они сведут со мной счеты.
- Бог мой, Савва, да кому ты тут нужен?! – почти возмущился Александр.

Мир изменился, страна изменилась, Савелий Крамаров победил свой страх, но не свою память – привез с собой целый чемодан продуктов: яблоки, орехи, мед, изюм. Везде носил свою воду и пил только ее.

«В 1991 году, когда я снимал фильм «Настя», Савелий мне позвонил и сказал, что он в Москве.

– Вот и хорошо, приезжай, пообедаем.

Он сказал, что живет далеко и боится выходить на улицу: там всех грабят и убивают. (Что в какой-то степени соответствовало действительности.)

- Ладно. Завтра я тебя сниму.
- А кого я буду играть?
- Пока не знаю.

И мы с Сашей Адабашьяном в тот же день придумали ему роль бандита, который грабит квартиру, а потом как меценат появляется на презентации, на станции метро.

Станцию метро снимали ночью. За Савелием послали машину и привезли прямо на съемочную площадку. В этом эпизоде у нас снималась большая массовка, человек триста. Появление Крамарова вызвало бурю аплодисментов. Люди кинулись к нему, стали обнимать, благодарить за радость, которую он доставил им! У Савелия навернулись слезы, и он сказал:

– Я думал, меня давно забыли.

А потом, когда нас гримировали в комнате дежурной (в этом эпизоде я тоже играл пьяного интеллигента), он сказал мне:

– Георгий Николаевич, наверное, это и есть счастье...» – вспоминал Георгий Данелия.

Ольга Маликова, жена его друга Ахмата, рассказала, что во время пребывания в Москве Савелий приболел, и, когда она ставила ему горчичники. Савик (так его называли самые близкие) с детским бахвальством обратился к ней:

- Ольга, ну-ка потрогай, какие у меня мышцы! – и гордо согнул в локте руку.
- Ольга, пощупав мышцы, с восторгом, подыгрывая:
- Савик, какие у тебя мышцы!
- Ольга, и так везде! – лукаво завершил свою провокацию простуженный Савик.

Савелий, как ребенок, очень любил сладкое. В гостях у близких друзей он садился поближе к конфетнице или коробке конфет и, пока гости были заняты разговором, дегустировал весь ассортимент сладостей: откусывал кусочек, а оставшуюся часть незаметно укладывал аккуратненько на прежнее место. После ухода гостей хозяева обнаруживали горку надкусанных кондитерских изделий, но никто из близких друзей и не думал обижаться на милые странности Крамарова, а напротив, старались купить конфеты с еще большим разнообразием начинок к его следующему приходу.

В Америке прославленный комик, говоривший, что его глаз – это его хлеб, в возрасте 57 лет сделал операцию по устранению косоглазия. Но мало кто знал, что во время одного из своих приездов Крамаров сделал в Москве пластическую операцию. Савелий был артист, а артист всегда должен выглядеть хорошо!

– А вдруг я не проснусь? – испугался он общего наркоза. И операцию провели под местным наркозом ничуть не хуже: все что нужно подтянули и подрезали.

Александр Половец, один из его близких друзей, вспоминает, что артист приехал из Москвы какой-то необычный. Они с друзьями пошли в ресторан. Александр сидел напротив Саввы и внимательно разглядывал его новый облик. Казалось, что шея стала тоньше и длиннее, а голова с гладким лицом без морщин почему-то выглядела крупнее. Крамаров вопросительно смотрел на друга, ожидая вердикта, тот выдержал томительную паузу и наконец интригуяюще спросил:

- Знаешь, на кого ты стал похож?
- На кого? – с тревогой в голосе спросил Савелий.
- На сперматозоид! – торжественно объявил Половец.

Савелий нисколько не обиделся и расхохотался вместе с друзьями.

Будучи человеком глубоко духовным, Савелий Крамаров не находил покоя вдали от места упокоения своей матери, воспитавшей его фактически в одиночестве и так рано его покинувшей. Прах Бенедикты Соломоновны хранился в колумбарии Донского кладбища. В один из своих приездов он отважился на поступок, о котором не расскажет никогда ни своей первой американской жене, ни второй, ни самым близким друзьям. Знали об этой тайне только участники дерзкого плана: московский друг Ахмат Маликов и двоюродный брат Крамарова Виктор. Троица прибыла на кладбище, попросила у смотрителя лестницу, якобы для ухода за высоко расположенной нишей, в которой покоился прах. Озираясь по сторонам, друзья достали урну и, бросив лестницу, спешно покинули территорию кладбища. В машине за забором их ожидала жена Маликова – Ольга. Операция была проведена успешно. Никто не обнаружил пропажи. Все время пребывания Савелия в Москве урна, ожидая отъезда в Америку, стояла в его комнате. Трудно представить проблемы, с которыми столкнулся бы Крамаров на таможне, объясняя содержимое загадочного сосуда, но, наверное, сам Господь Бог и природная находчивость помогли не вызвать никаких подозрений: для отвода глаз Савва поместил урну с прахом в обыкновенную затертую хозяйственную авоську. На прощанье уже в аэропорту по дороге на посадку он обернулся и помахал своим «соучастникам» с тревогой смотревшим ему вслед, одной рукой, в другой руке он крепко сжимал ручки неброской кошелки с заветным грузом. Впереди их ждала еще одна таможня.

К 1995 году Савелий Крамаров добился и достиг очень многого: с женой Наташей он жил в собственном доме в Сан-Франциско, состоял в Гильдии американских актеров, его достаток был стабилен, он мог посещать время от времени Родину, его окружали преданные друзья. Получил (наконец-то!) главную роль в новом американском фильме, причем утвердили его по одному рабочему ролику, что бывает лишь с очень известными и популярными актерами Америки. Будущее казалось безоблачным, и вдруг...

- Ребе, что такое жизнь?

– Зачем ты хочешь испортить ответом такой прекрасный вопрос?!

После операции по поводу злокачественной опухоли кишечника у Савелия развились многочисленные осложнения, врачи давали пять дней жизни – он прожил сорок. Последние дни рядом с ним находился лучший друг – Олег Видов, казалось, он вообще не уходил из палаты тяжелобольного. Через ИТАР ТАСС Олег дал сообщение в российские газеты о скорой смерти актера. Хлынул поток писем, телеграмм и подарков от поклонников из России и стран бывшего СССР Видов все зачитывал вслух уже ничего не видящему Савелию. Он слабо улыбался и поднимал правую руку, выражая радость, говорить он тоже не мог. Так с улыбкой на лице в потоке нескончаемой любви друзей и поклонников 6 июня 1995 года он ушел из жизни.

Александр Левенбук сказал: «Если бы не болезнь, он бы вернулся: не было причин находиться в Америке». Быть может, он бы вернулся. Теперь никто не может этого знать, но прах Бенедикты Соломоновны и ее сына Савелия Викторовича Крамаровых покоится в американской земле.

12 октября 1997 года на могиле С. Крамарова был открыт памятник, созданный скульпторами Михаилом Шемякиным и Вячеславом Бухаевым. Памятник представляет собой следующую композицию: актерский гримировочный столик – на нем разбросаны несколько масок, которые олицетворяют роли в кино и на сцене, зеркало в раме отражает Савелия, на нас смотрит на редкость доброе, обаятельное и улыбочливое лицо актера. И еще на столике лежит раскрытая книга, куда занесены названия любимых актером фильмов: «Друг мой, Колька!», «Неуловимые мстители», «Джентльмены удачи», «Двенадцать стульев», «Большая перемена»...

– Сонька, ты представляешь, надо мной все издевались, что я веду здоровый образ жизни, что я вегетарианец, что я голодаю, что пью очищенную воду, а у меня рак кишечника! Все умрут со смеха...

– Никто не умрет со смеха, Савва, никто и никогда, – ответила очень серьезно и очень твердо подруга его молодости Соня Мельникова.

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО

Ничего мне это не дало, потому что, как я считаю, эту профессию получают от Господа Бога. Если ты одарен, если ты рожден актером, этому нельзя научить. Можно научить культуре, искусству, литературе. Профессии научить невозможно. Я учился так: ходил в кино, смотрел своих любимых актеров. Любимые актеры у меня Луи де Фюнес и Фернандель. Они для меня были учителя.

(Реплика по поводу учебы в ГИТИСе)

Я – советский Луи де Фюнес!

Смешное зрелище многого стоит. У меня была маска бесшабашного, веселого, правда, туповатого, но хорошего, своего парня. Зритель покупался именно на эту «хорошесть». Кстати, я и сам хороший. Сердцевина у этого героя моя.

Я совсем другой теперь. «Советским» быть перестал. В первую очередь исчезло чувство страха. Я свободен. Я очень раскрепостился – и внешне, и внутренне. Этого мне всегда не хватало. Но я потрясен тем, насколько вы здесь переменились! Смелые, открытые, свободные люди. Горбачев провернул великое дело – раскачал систему. Разве мало?! Все придет постепенно, все у вас получится.

Я не скрываю, что потерял славу, всенародную любовь. Я принес их в жертву другим сторонам жизни. За все приходится платить. Мой выбор сделан. В жизни выиграл, в славе проиграл.

Я люблю жизнь. Помните, как обозначена цель человеческого существования в Екклесиасте? «Веселиться и делать доброе в жизни своей».

Если бы я сейчас начинал жизнь сначала, у меня была бы одна жена и много детей.

В ближайшее время я собираюсь жить и наслаждаться жизнью.

(Из последней беседы с друзьями)

Анекдоты и шутки из жизни Евгения Леонова

Евгений Павлович Леонов (2 сентября 1926, Москва, – 29 января 1994, Москва) – выдающийся советский и российский актер театра и кино, Народный артист СССР (1978), Лауреат Государственной премии СССР (1976), Государственной премии Российской Федерации (1992). Снялся более чем в восьмидесяти кинофильмах, среди которых такие как «Полосатый рейс», «Донская повесть», «Белорусский вокзал», «Джентльмены удачи», «Большая перемена», «Афоня», «Дуэнья», «Кин-дза-дза» и многие другие.

Жил был мальчик в обычной трудовой семье. Шла великая и долгая война. Пришлось рано пойти работать. В жизни было много тревог, лишений и настоящего человеческого горя. Мальчик запомнил одну юмористическую сценку Ивана Горбунова – родоначальника литературно-сценического жанра, – и ему не терпелось кому-нибудь ее пересказать. Благодарные слушатели и зрители находились и в цехе, где он работал учеником токаря, и на заводе, и во дворе. Люди простодушно смеялись и одаривали мальчика заслуженными аплодисментами. Радость от того, что он подарил людям смех и веселье среди тяжелых будней, навсегда поселилась в душе юного артиста.

Прошло много лет, и на экранах телевизоров появился обаятельный мультипликационный медведь Винни-Пух как будто английского происхождения, но совсем не в английскую породу. Британский медведь – поджарый джентльмен, набитый опилками с маленькими глазками пуговками, а наш Винни круглый, добрый, веселый, с большими удивленными глазами – ну просто точь-в-точь Евгений Павлович Леонов.

Артистический талант и необыкновенную доброту Евгений Леонов унаследовал от мамы – Анны Ильиничны, простой табельщицы. Она могла так занимательно и вдохновенно рассказывать разные

истории, что в их небольшие две комнатки набивалось полным-полно соседей и друзей, они весело хохотали над незамысловатыми рассказами и не торопились покидать веселый спектакль одного актера. Тонкое восприятие театрального действия впервые проявилось у Жени в пятом классе. Ставили школьную пьесу, и будущий знаменитый артист играл роль денщика. Увы, премьера не состоялась, но всем запомнился пухлый смешной мальчик с живой мимикой и потешными ужимками. Вторая попытка проникнуть в тайны лицедейства произошла во время войны, когда пятнадцатилетний Евгений работал учеником токаря на заводе. Юноша пошел разыскивать театральную студию, но, страдая болезненной застенчивостью, стеснялся спросить точный адрес. Долго петлял по улицам и, наконец, на Самотечной площади нашел вывеску: «Управление искусств», радостно с замиранием сердца зашел, оказалось, что он попал в отдел книгоиздательств...

Продолжалась война и работа, наступил 1943 год, и нескольких молодых рабочих, в том числе и Евгения, послали учиться в авиационный техникум имени Орджоникидзе. Однако артистический талант требовал выхода. Леонов учил наизусть Чехова, Зощенко, Блока и Есенина. Читал миниатюры на вечерах в техникуме, и все его называли, как когда-то в школе, «наш артист». Единственный родственник семьи Леоновых, имеющий близкое отношение к театру, был дядя, служивший в Комитете по делам искусств. Евгений часто делился с ним своими мечтами. И однажды дядя попросил племянника что-нибудь почитать, юный Евгений Павлович с энтузиазмом и пафосом гражданина страны Советов стал читать «Стихи о советском паспорте». Когда он угрожающе взял самую высокую ноту в волнующей строке: «Я волком бы выгрыз бюрократизм», дядя чуть не упал со стула. Женя, не теряя темпа, торжественно дочитал до конца. Единственный зритель без остановки хохотал несколько минут, и вердикт его был суров: «Женя, это очень плохо, очень. Женя, у тебя культуры маловато, надо учиться, по театрам ходить».

На третьем курсе техникума Леонов решил поступить в Московскую театральную студию при Большом театре. Студия была очень интересная, она была организована в 43-м или 42-м году, руководил ею Р. Захаров, известный балетмейстер Большого театра, преподавала Екатерина Михайловна Шереметьева, ученица В. Н. Давыдова, она вела драматический класс. На драматическое отделение был большой конкурс. Воспоминания самого Евгения Павловича: «Не надеялся, что меня примут в театральную студию. Вырядился в пиджак брата, пришел. Красивая, молодая, хотя и седая женщина – Екатерина Михайловна Шереметьева, художественный руководитель, – двадцать пять студийцев. Они уже учились. Им интересно, кто еще... Начал апробированным «Оратором» из Чехова. В техникуме сокурсники над ним хохотали до слез. Какой там хохот... это тебе не авиатехникум – гробовая реакция. И я понял, что проваливаюсь со страшной силой.

– Что-нибудь еще есть? – вежливо спросила Екатерина Михайловна.

– Есть, – говорю, – Чехов, «Купальня», но это еще хуже.

Тут в первый раз все рассмеялись.

Спас меня Блок. Я очень люблю его стихотворение «В ресторане»: «Никогда не забуду. Он был или не был, этот вечер...». Блок всех заинтересовал. На глазах у меня появились слезы.

– О чем это? – спросил кто-то из жюри.

– О любви прекрасной, – стыдясь высоких слов, сказал я.

И это стихотворение Блока спасло меня, примирило и с моим пиджаком, и с моей курносой физиономией, и с недостатком культуры. Потом, говорят, развернулось целое собрание, стали просить Екатерину Михайловну Шереметьеву, она сказала, что я, мол, очень серый, неотесанный, но ее стали снова просить: «Мы поможем», и меня приняли в студию. Я пошел в Главное управление учебных заведений, и меня официально перевели из одного учебного заведения в другое, хотя этот перевод был очень сложен. Началась учеба, я пропадал в студии с 8 утра до часу ночи. Я был увлечен учебой, делал какие-то успехи, особенно в этюдах, что-то придумывал, ломал голову. Я мечтал стать артистом...»

Закончив студию в 1948 году, Е. Леонов был зачислен в труппу Московского драматического театра имени Станиславского, главным режиссером которого был Владимир Федорович Дудин. По его словам: «Но, надо быть честным, и на сцене я начинал с массовок, долго щекотал пятки старших товарищей...»

И было счастьем, когда мне доверили выносить самовар в «Трех сестрах» в сорок восьмом году в театре Станиславского – изображал денщика».

Такие роли было принято называть «Кушать подано», был еще колхозник в исполнении Евгения Павловича в «Тиши лесов» и много-много других проходных и мелких ролей. Получал он за это смехотворную зарплату в 31 рубль, из-за чего его мать расстраивалась, плакала и с грустью в голосе задавала риторический вопрос: «Как же ты на такие деньги жить-то будешь?».

Евгений Весник, с которым Евгений начинал работать в одном театре, вспоминал эти дни: «1949. Гастроли театра им. Станиславского в Ленинграде. Лето. Белые ночи. Гостиница «Астория». Мальчишник. Играем в домино. Леонов проиграл и прикорнул на диване. (Дирекция театра давала буквально голодавшим артистам немного подработать: грузить и разгружать декорации, «шуметь» во время спектаклей: «изображать» ветер, голоса птиц, взрывы, звон разбитой посуды, цокот копыт... Для этого за кулисами стояла специальная аппаратура... Платили нам за эти имитации горячо желанные 5 рублей). Дремлет, значит, Женя на диванчике. Чуть-чуть похрапывает...

4 утра. По каменной мостовой Исаакиевской площади проезжает «фиакр» ассенизатора, слышен цокот лошадиных копыт. Женя, не приоткрывая глаз, печально, сквозь сон произносит: “Пять рублей поехало!”».

Театральных денег на жизнь явно не хватало, маму лишний раз расстраивать не хотелось, и поэтому Евгений Павлович с удовольствием снимался в массовках. Прошло несколько лет, пока в 1951 году он не снялся в своем первом эпизоде – в фильме режиссера Владимира Немолояева «Морской охотник» в роли кока, где ему представилась прекрасная возможность продемонстрировать свою особую манеру пения, при полном отсутствии каких бы то ни было природных данных. По его же словам: «Там песенку надо было петь, для меня это было стеснительно: и оркестр, и все на меня вытаращились, я так запел, что пюпитры закачались, но все-таки каким-то образом я пел песню – с моим-то слухом...».

В середине 50-х в лучшую сторону стала меняться театральная судьба Леонова. В те годы в Театр имени Станиславского на должность главного режиссера пришел Михаил Яншин, и многие актеры были воодушевлены этим. Однако время шло, а долгожданные перемены так и не наступали. Леонов вспоминал: «При Яншине я первые годы тоже ничего толком не играл. У меня стало появляться сомнение: правильно ли я сделал, что пошел в искусство... И были мысли бросить это дело совсем, хотя мне казалось, что я люблю очень театр. Можно сказать, я был готов отступить и почти отступил...»

И вдруг произошло чудо: Яншин внезапно назначает его на роль Лариосика в спектакле «Дни Турбиных» М. Булгакова. В работе над этой ролью с мэтром Яншиным Леонов смиренно сносил все методы и приемы режиссерской «дедовщины», на языке высокой теории актерского мастерства это звучит несколько иначе: «познавал главные тайны, понимая, что искусство простоты – самое трудное искусство». Тридцать раз, тридцать раз – ни больше и ни меньше – на репетиции выходил Леонов на сцену, чтобы сказать от лица Лариосика одну короткую фразу: «Вот я и приехал». А Яншин, сидя в зрительном зале и скептически глядя на своего ученика раз за разом, отрицательно качал головой, требуя более достоверного объявления о приезде. Объявления, в котором правдиво звучало бы самоощущение человека со всеми едва уловимыми тонкостями и нюансами ситуации. Так рождались неповторимые интонации мастерства будущего великого и непревзойденного Евгения Павловича Леонова.

«Яншин ко мне относился беспощадно, иронично, дикция у меня была неважная – скороговорка, и вообще, требования на уровне МХАТа времен Станиславского... Он меня никогда не хвалил, а за Лариосика всегда ругал... Однажды на «Днях Турбиных» публика хлопала, кричала, а Яншин приходит и говорит: «Вы что из Лариосика оперетту сделали?».

А как-то шли по фойе театра после спектакля, Яншин говорит: «Это ужасно, ужасно», а впереди идет Павел Александрович Марков – знаменитый завлит Станиславского, который привел во МХАТ и Булгакова, и Олешу, и Катаева... И Яншин спрашивает у него: «Ну что, Паша, Леонов? Как он?».

А Марков отвечает: «Миша, он уже лучше тебя играет!». Ведь когда-то на сцене МХАТа Яншин и сам играл Лариосика. И вижу, Яншин, довольный, улыбается, а мне свое: “И не подумай, что правда”», – вспоминал Леонов спустя много лет.

И опять тезка и коллега Леонова, Евгений Весник, вспоминает: «После первых (без зрителей) прогонов «дней Турбиных» он тихонечко спросил: «Слушай, ну как? А? Только честно!» – «Женька, гениально!» – кричал я. «Иди к черту, врешь!» – не верил он. Но, когда услышал прием переполненного зала, возгласы «браво!», убедился в том, что играет грандиозно, – плакал! Я видел это своими глазами: он сидел в гримуборной, сгорбившись, смотрел в пол и плакал! Кто-то принес бутылку вина. Разлили, чокнулись. Женя глотнул и... поперхнулся... Перед нами стоял смешной человек, он кашлял, смеялся и плакал... От счастья!».

В личной жизни Евгению Леонову никак не удавалось побороть свою природную застенчивость и даже робость при знакомстве с симпатичными представительницами женского пола. Евгений Весник рассказывал одну историю, произошедшую в 1950 году. Во время одной совместной вечеринки Леонову понравилась молодая женщина, по профессии инженер, разведенная хозяйка трехкомнатной квартиры. Ей он тоже приглянулся: артист, добрый, улыбчивый. В какой-то момент компания деликатно оставила их одних. Через несколько минут дверь комнаты резко распахнулась, и оттуда со слезами на глазах стремительно выскочил Леонов. Схватив с вешалки свое пальто, он убежал, не попрощавшись. Изумленные гости начали расспрашивать предполагаемую виновницу – женщину, по профессии инженера, хозяйку трехкомнатной квартиры, что за событие обратило в стремительное бегство объект ее недавней симпатии. Не менее удивленная и смущенная женщина развела руками: «Он захотел меня поцеловать, но я не позволила. И тогда он расплакался, попросил у меня два рубля на такси и убежал».

Судьбоносная встреча для Леонова произошла в Свердловске в 1957 году во время гастролей театра. Во время вечерней прогулки по городу компания актеров встретила двух девушек, студенток музыкально-педагогического училища. Одна из них, по имени Ванда, очень понравилась Евгению, и он пригласил ее на вечерний спектакль «Дни Турбиных». На сцене царил тот самый Лариосик, который затмил игру Яншина. Отношения развивались стремительно, и вскоре Леонов во время летнего приезда Ванды в Москву сделал ей предложение. Родители девушки были категорически против брака с актером. Однако избранница Евгения Леонова проявила решимость и настойчивость, в итоге родители сдались и, не закончив училища, молодая невеста уехала по месту жительства будущего мужа. В 1959 году у них родился сын Андрей.

Евгений Павлович был любящим и преданным мужем и отцом. Людмила Чурсина вспоминает: «Леонов был потрясающим мужем, он проявлял трогательную заботу о жене и сыне, что выражалось во всех его поступках – и в больших, и в малых. Над ним часто посмеивалась актерская братия, зная эту черту характера, пытались обратить его внимание на красивых женщин различными способами.

– Что-о-о? – непонимающе протягивал верный муж, поднимая брови домиком.

– Смотри, смотри, какая женщина пошла! Не дай ей пройти мимо! Ты же звезда! – подначивали друзья.

– У меня винтик не работает. Справка у меня, справка, – по отношению к себе иронично отшучивался Евгений Павлович, постучав выразительно пальцем по своей голове».

«Я вспоминаю, как режиссер Александр Столпер снимал фильм «Трудное счастье» и мне захотелось сыграть в нем одну из главных ролей. Стал его очень убеждать, чтобы он в меня как в актера поверил и в этой роли снимал, потому что в этой роли, с моей точки зрения, было все, о чем мог мечтать комедийный актер моих пухлых данных. Любовь, героика. По ходу действия моего героя убивают, и полкартины под музыку в гробу таскают. Ну что может быть лучше для комедийного актера?! Режиссер мне ответил, что я для этой роли «слишком кругл». В ответ я объявил голодовку. Худел. Чуть не помер. В конце концов я убедил его своим героизмом, и он меня в этой роли снял», – с убедительной самоиронией вспоминал Евгений Павлович детали борьбы за свое особое место в отечественном кинематографе.

Во время рождения сына Евгений Павлович находился на съемках в Ленинграде. Снимался фильм «Полосатый рейс», который мгновенно сделал Леонова звездой комического кино. Артист поразил не только самобытным комическим даром, но и откровенно намыленной и обнаженной фигурой далеко не

атлетических форм в полный рост, «Укротитель» Шулейкин выбежал из ванной комнаты от тигра и, стоя задом, с которого медленно сползала мыльная пена, в панике лихорадочно стучал в дверь каюты напротив. Грубый натурализм оскорбил целомудрие министра культуры Екатерины Фурцевой в государственных масштабах. «Я первым из актеров показал свой мощный зад советскому народу Сцена, где мой горе-укротитель убегает от тигра, выскочив из ванны, поразила министра культуры Фурцеву. Потом было много нареканий...» – вспоминал позднее актер. На самом деле «нарекания» звучали как обвинения в «безыдейности содержания». Кроме того, Екатерина Алексеевна, прямо глядя в глаза Владимиру Фетину, режиссеру фильма, гневно вопрошала:

– Вы на что намекаете нашей культуре, на что намекаете всему советскому народу?!

Режиссер понял, что свежeweмытый голый зад Евгения Павловича выглядел слишком концептуально для советской культуры, и убрал эпизод из фильма.

Несмотря на жесткие оценки и меры цензуры в прокате 1961 года картина заняла 1-е место, собрав на своих сеансах 32,34 млн. зрителей.

Неподготовленный Евгений Леонов работал с тиграми в очень опасной близости. В сцене в ванной поворачивался к тигру спиной, чего ни при каких обстоятельствах не делают даже опытные дрессировщики. На самом деле это был настоящий подвиг, совершенный с артистической легкостью под смех и улыбки. Спустя годы сам актер вспоминал эти экстремальные условия работы с юмором: «Вылили на меня три ведра шампуня. Заставили петь какую-то дурацкую песенку. Выпустили тигра и стали ждать, чем все это кончится. Естественно, когда меня тигр чем-то холодным в шею тыкал, я эту песню от страха просто выл. И, когда мне привелось вырваться из этого кадра, меня – эксцентрического актера – киногруппа искала два дня».

Поросенок, как тонко чувствующий постоянный партнер по фильмам, позднее сопровождал Евгения Леонова неоднократно, В фильме Гайдая «За спичками» эксцентрическая погоня за поросенком – едва ли не самый смешной эпизод фильма. В мультфильме «Винни-Пух», где Ия Савина – преданный «Пятачок», партнер по озвучке Винни-Пуха – вспоминала с нескрываемым восхищением: «Он озвучивал этого Винни-Пуха, как будто Гамлета играл!».

Однако особый и запоминающийся самому актеру дуэт человека и поросенка сложился на съемках «Полосатого рейса». Драматическая ситуация борьбы за жизнь разыгралась в процессе поиска смешного и очень смешного. Режиссер и оператор подошли к Евгению Павловичу и стали уговаривать снять один эпизод, глядя на который с экрана зрители должны были, не раздумывая, упасть от хохота на пол.

– Ты не волнуйся, – повторяли они. – Будет смешно. Посадим тебя в клетку. Выпустим тигров, ты там спокойненько посидишь, тигры побегают. Снимем быстро и безопасно! Будет очень смешно, очень.

– Нет! У меня семья, маленький сын, жена. Я против! – отбивался как мог неопытный киноактер и молодой отец. И все-таки его уговорили, уломали, убедили. Режиссер залез на мачту. Оператор спрятался в железный ящик и выставил камеру. Леонова посадили в клетку и выпустили тигров. Хищники понюхали артиста и мирно улеглись. Смешно не стало. И тут дрессировщица, не предупреждая об этом Евгения, быстро засунула в клетку поросенка и зашептала артисту: «Леонов, возьмите вилку и слегка поколите поросенка, а то тигры на него не реагируют». Но колоть вилкой и царапать ножом не пришлось. Хищники учуяли жертву без посторонней помощи. Сразу стало намного смешнее. Поросенок заметался по клетке с истошным визгом. Тигры, опережая, подминая и огрызая друг друга, наперегонки пытались схватить легкую добычу. Жертва продолжала с небывалой скоростью запутывать следы в тесной клетке, уворачиваясь от цепких лап и громко визжа о помощи. Евгению Павловичу, конечно, было не так смешно, как поросенку, но он тоже не скучал. Оцепенев от ужаса, он вжался в угол клетки и поглощал своей молодой актерской психотехникой впечатления всех наспех предложенных и ставших незабываемыми обстоятельств.

«Как можно забыть?! Я даже чувство этого страха помню до сих пор. Вы не представляете, сколько мы пережили с этим несчастным поросенком. Рев! Рык! Перед моими глазами и носом мелькали когтистые лапы. Бедный поросенок! Я его схватил, прижал к себе. Мы с ним сроднились. В этот страшный момент в

наших жизнях мне показалось, что он был похож на меня. Он стал хуже тигра. Озверел и стал отчаянно на них и на меня лаять. И тут я закричал не своим голосом, заглушая тигров и поросенка:

– Дрессировщик, стреляй, не то всех сожрут вместе с палубой!» – эмоционально скороговоркой рассказывал артист даже спустя много лет с нескрываемым волнением.

Общение с тиграми на съемочной площадке «Полосатого рейса» не прошло даром и дало артисту колоссальный материал для наблюдения, а главное – опыт воспроизведения повадок хищных зверей. Талант великого артиста позволял гениально и правдиво интерпретировать увиденное и пережитое. Елене Прокловой на съемках «Снежной королевы», где Евгений Павлович сыграл роль короля, было 13 лет. Актриса с улыбкой вспоминает: «Очень отчетливо помню свое ощущение ужаса, которое длилось на протяжении всей картины, Евгений Павлович, как теперь я уже с возрастом понимаю, желая наладить контакт с ребенком на время совместной работы в сказочном настроении, при моем появлении делал свирепое лицо и извергал звериный рык. У него так талантливо и правдиво это получалось, что сердце у меня уходило в пятки и никакого юмора я не чувствовала. Сказочное настроение не появлялось. Я пряталась за всех и вся, чтобы не попадаться дяде Жене на глаза, и готова была играть все что угодно, но чтобы не приближаться к нему близко».

Подобный случай произошел, когда артист с удовольствием возился со своим тогда еще маленьким сыном. В азарте игры молодой отец порывал на малыша немного, совсем чуть-чуть, как некрупных размеров тигр или низкорослый лев. Мальчик испугался не на шутку и ответил папе оглушительным ревом человеческого детеныша, который зовет маму и всю человеческую стаю на помощь. Очень срочно зовет. С палками, колыями и камнями. Наступила очередь испугаться любящему отцу. Не все актерские приемы хороши в общении с неподготовленной публикой...

Пришла долгожданная известность. Актера охватил азарт и жажда деятельности. Он и хватался за все роли, которые ему тогда предлагали в кино, и практически жил на колесах, поскольку дублера в театре у него тогда не было. В 1962 году его даже пригласили играть в оперетте – экранизации произведения Д. Шостаковича «Москва – Черемушки». Фильм назывался «Черемушки». Леонов вспоминает: «В один прекрасный день слышу: придет Дмитрий Дмитриевич слушать, как мы поем. Одним словом, мы все поем как можем, а композитор все это терпит. Наконец он говорит, что все поют плохо, но одного актера утвердить можно – тут Дмитрий Дмитриевич указывает на меня, – он, говорит, ни в одну ноту не попал, но все спел – такого я еще никогда не слышал».

Еще во время учебы в студии Большого театра строгие педагоги предупреждали Леонова о реальной угрозе не стать настоящим актером из-за абсолютного отсутствия слуха, «Актер может не иметь голоса, но слух обязан!» – повторяли они, Леонов обладал двойной гарантией не стать «настоящим», потому что с детства у него не было ни того, ни другого. Он не спорил с авторитетными педагогами, а занял свое место среди великих актеров. Через много лет, когда его имя стало известно многим, один из педагогов-скептиков изумленно задал вопрос:

– Как вам это удалось?

– Когда вы говорили о моем слухе, в этот момент он меня подвел, – ответил Евгений Павлович и улыбнулся своей детской обезоруживающей улыбкой.

Режиссер Владимир Фетин, который снял «Полосатый рейс», решил обратиться к драме. Его целью стали рассказы М. Шолохова «Шибалково семя» и «Родинка». На главную роль – Якова Шибалка – он пригласил Евгения Леонова. Несмотря на сложившееся в то время комическое амплу актера, он первым из кинорежиссеров чудом разглядел в нем талант тонкого трагика. Друга с Фетиним, Леонов со страхом отказался: «Не надо, я тебя подведу...». Он боялся, что будет выглядеть смешным и погубит драму. Владимир призывал сниматься во что бы то ни стало. Решение Фетина снять Леонова в драме было так же несокрушимо, как когда-то на съемках в «Полосатом рейсе» посадить артиста в клетку с тиграми. Уговорил, уломал, убедил.

Людмила Чурсина – высокая, стройная красавица, рост сто семьдесят семь сантиметров, его партнерша

по фильму – с мягкой иронией вспоминает: «Когда я приехала сниматься в «Донской повести» на высоких каблуках, с начесанной «халой» на голове, в короткой юбке – казачку играть... Леонов встретил меня вместе с режиссером, они занимались рыбной ловлей, взглянув на меня, он отчаянно всплеснул руками и с досадой произнес:

– Как же я с этой жерделой сниматься буду?!

Я с достоинством молодости, красоты и превосходства в росте ответила:

– Если вам захочется быть со мной одного роста, то на скамеечку встанете!..

Скамеечка была действительно сделана, но все время куда-то пропадала, и Леонов, смеясь, кричал ассистентам:

– Где мои костыли?! Без них не дотянуться до этой...»

Леонов, по словам Чурсиной, «коварно мстил», когда у них снимался лирический эпизод и они должны были находиться рядом, главный герой просил режиссера из-за очередного загадочного исчезновения скамеечки, чтобы под ноги партнерши подкапывали ямку и туда ее помещали ради сохранения визуальной гармонии и драматической линии сюжета.

После уверенного успеха Леонова в этой серьезной, глубокой роли режиссеры не переставали приглашать его на роли комедийные. Причем среди этих режиссеров были лучшие представители этого жанра в нашем кино: Георгий Данелия и Эльдар Рязанов.

Первый в 1964 году пригласил Евгения Павловича на главную роль в фильме «Тридцать три». Сюжет его был на первый взгляд незамысловат: зубной врач провинциального городка сделал неожиданное научное открытие, обнаружив в полости рта пациента Ивана Травкина 33-й зуб (этого пациента и играл Леонов). Однако за внешней бесхитростью сюжета в картине скрывалась едкая сатира на многие явления тогдашней советской действительности. Цензура это опасное «стоматологическое» свободомыслие пресекла и, назвав картину «идеологически вредной», положила на полку. Там она скромно, никого не тревожа, пролежала 24 года. Предварительно из нее вырезали все острые моменты, например: Мордюкова – заведующая райздравом, демонстрируя общественности Травкина (Леонова), безапелляционно заявляла:

– Наши медицинские работники взяли на себя обязательство добиться, чтобы у каждого жителя стало не меньше сорока зубов. Это позволяет тщательнее пережевывать пищу, повысить ее эффективность, что приведет к сокращению ее потребления и позволит партии в кратчайшие сроки выполнить продовольственную программу!

Евгений Павлович рассказывал: «Однажды ехал я в поезде, встретил помощника нашего министра культуры, который сказал:

«Я так хохотал, так хохотал, когда смотрел “Тридцать три”». Как хохотал?! Он же один из первых топтал ленту. А он говорит: «Одно дело – смотреть как человек, другое – как генерал».

Режиссер Борис Львов-Анохин был первым, кто разглядел в театре трагический талант актера Леонова, предложив ему сыграть царя Фив Креона в пьесе Ануя «Антигона». Хорошо знающий и много работавший с ним откровенно рассказывал об актере:

«Леонов, как актерская личность, настолько противоречив и, как ни странно, при его простодушии настолько сложен, что не знаешь, с какого конца к этому подобраться, чтобы как-то эту индивидуальность для самого себя охарактеризовать. И эмоции, режиссерские и даже зрительские, он у меня вызывал и вызывает самые различные – от восхищения, естественной благодарности человеку за обаяние, за правду, за то, что смеешься, до злости и раздражения». Режиссерское красноречие часто пугало, раздражало, отталкивало и Леонова: «Очень много слов, смысл теряется».

Он не рассуждал о концепциях, прочтениях, видениях и тому подобном, речь его была проста и понятна каждому, несмотря на присутствие высоких смыслов. Леонов не терпел терминологии, начинал подсмеиваться и шутя издеваться. Например, преследовал автора книги о себе Н. Исмаилову за пристрастие к эстетическим терминам такой фразой: «Пауперизм масс не иллюзорный, а реальный, базируясь не столько на апатии, сколько на синтетическом единстве трансцендентальной аберцепции...» Дразнил, пока та не обещала впредь выражаться только просто.

Первый раз артист исполнил песню «Мыла Марусенька белые ножки» в фильме Э. Рязанова «Тридцать три», а затем как знак удачи появление Евгения Павловича во всех фильмах Г. Данелии сопровождала эта удивительная народная песня. Как постоянный исполнитель и поклонник «Марусеньки», артист о своем «хите» говорил: «Хорошая песня. Я везде ее пел по-разному» – и шутил: «Ее нужно вставлять всюду!».

В семидесятые годы актер снялся в целом ряде разноплановых фильмов, среди которых комедия «Джентльмены удачи». Фильм снял режиссер Александр Серый при активном участии Георгия Данелии.

В знаменитой картине артист сыграл сразу двух персонажей: вора Доцента и директора детсада Трошкина. Во время подготовки к роли вора Леонов специально ходил в Бутырскую тюрьму и смотрел в глазок камеры, изучая поведение заключенных. Когда в 1972 году картина вышла на широкий экран, она тут же заняла 1-е место в прокате, к концу года собрав на своих просмотрах 65,02 млн. зрителей. Крылатые фразы из фильма до сих пор присутствуют в разговорной речи россиян. Кстати, именно из-за низкого сленга картину обвиняли в пошлости и дурновкусии. Леонов позднее шутил: «Вот «Джентльмены удачи»... Картина была очень популярна, скажи кому-нибудь из зрителей, что мне не нравится, там, дескать, с эстетикой не все ладно – так тебя еще и побьют за это».

В 70-е годы театральная судьба Евгения Павловича сделала поворот: он ушел из Театра имени Маяковского. Произошло это важное событие вскоре после его замечательной роли в спектакле «Дети Ванюшина». Уход произошел в 1975 году при довольно неприятных обстоятельствах с точки зрения прошлого и трагикомичных с точки зрения настоящего. Рассказывает один из виновников инцидента – режиссер А. Гончаров, которого за крутой нрав артисты между собой называли «Карabas Барабас»: «Случилось происшествие, которое сегодня воспринимается чуть ли не как норма, а тогда было настоящим ЧП. На телеэкране появилась реклама рыбы нототении, которую обаятельно подавал любимец публики Евгений Леонов. Я взорвался. Собрал труппу и произнес речь, которую по отношению к самому себе никогда бы никому не простил. Дескать, костлявая рука голода совсем задушила Евгения Павловича Леонова. Скинемся, что ли, шапку по кругу, чтобы артист не пробавлялся нототенией. Конечно, Женя этого не простил. Мы расстались, и он ушел в Театр имени Ленинского комсомола к Марку Захарову».

В Театре имени Ленинского комсомола Леонову дали роль в спектакле «Иванов» по пьесе А. П. Чехова. Критиков и цензоров серьезно смущало, что главный герой Леонова был с лысиной. Марк Захаров вспоминал: «Главным доводом противников Леонова был тезис о том, что молодая, красивая женщина не может любить лысого мужчину в принципе. И тогда я мобилизовал всю свою демагогию, заимствованную у моего учителя Плучека Валентина Николаевича, и сказал приблизительно следующее: «Я сейчас могу вам привести очень длинный список лысых мужчин в нашей литературе и политике, которых любили молодые женщины!». Мне тут же с некоторым страхом и смущением ответили: «Нет-нет, сейчас не надо приводить!». Людмила Чурсина была в числе молчаливых противников: «Когда я узнала, что Иванова будет играть Леонов, я подумала, что это решение режиссера – просто насмешка над Чеховым. Но когда я увидела, как Евгений Павлович сыграл роль, я была просто поражена благородством, глубиной и мужской породой образа».

Марк Захаров рассказал забавный случай: «Женя всегда приходил немножко раньше на сцену и стоял за кулисами, ожидая своего выхода, стоял минут пять, иногда десять. Молодые артисты смотрели на него с нескрываемым восхищением и восторгом. Немая сцена поклонения регулярно повторялась, и однажды один из молодых актеров впал в особый транс, сродни религиозному. В некоем сомнабулистическом состоянии он приблизился к Леонову ближе, чем это позволяли приличия, и замер в восторженной, немислимо долгой паузе. Выражение лица и глаз говорили о страстном желании либо услышать какое-то глубокое потаенное откровение, либо высказать. Оба стояли молча. Глаза в глаза. Время шло. Неловкость нарастала вместе с затянувшимся молчанием. Наконец Леонов мягко произнес, разрядив ситуацию:

– Извини, я тебя перебыю. Мне пора выходить на сцену.

Между тем подрастал «сам сын Винни-Пуха», как спустя годы его звали в армии, – Андрей, в которого Евгений Павлович вкладывал всю свою безграничную отцовскую любовь. Андрей учился довольно средне, и Леонова часто из-за этого вызывали в школу, однако отец сына почти не наказывал. Андрей Леонов рассказывал несостоявшийся сюжет страшной сказки из своей жизни: «За очередную двойку он однажды решил меня наказать. «Отведу, – говорит, грозно сдвинув брови, – в лес. В лесную школу», – как он выражался. Собрал мои вещи в чемоданчик, взял за руку и повел. Спускаемся по лестнице, и у обоих ноги подкашиваются. Мягким он был. Характера хватило ровно до первого этажа». Андрея, видимо, ожидала участь Мальчика-с-пальчика, но по мягкости характера отца он ее счастливо избежал.

Актер в России больше, чем актер. Педагогический талант Евгения Павловича нашел свое воплощение не только в чутком воспитании собственного сына. Он, как русский лорд Честерфильд, создал удивительно искреннюю и глубокую книгу-размышление, книгу-наставление «Письма к сыну», где делился воспоминаниями, сомнениями, откровениями. В основу книги были положены письма из длительных гастрольных поездок и письма сыну в армию. Андрей вспоминал проникнутый юмором и необыкновенно трогательный эпизод: «Он мог мне в армию прислать письмо, а с ним в конверт положить вырезку из газеты «Вечерняя Москва»: «Осторожно, гололед!».

– Папа, зачем мне в другой географической точке инструкция о безопасности передвижения в городе Москве в условиях гололеда?! – изумленно спрашивал Андрей по телефону.

– Чтобы ты, сынок, не упал, – кротко, с любовью отвечал Евгений Павлович.

Андрей впоследствии тоже стал актером и служил в одном театре с отцом – Театре имени Ленинского комсомола.

Трогательной и бескорыстной любви, которую дарил Евгений Павлович своему сыну, суждено было вернуться к нему сторицей. Жаркое лето 1988 года, гастроли, Германия. Клиническая смерть, обширный инфаркт, сложнейшая операция, шестнадцать суток в коме. Самым опасным был 9-й день, врачи так и сказали: «Если в этот день не умрет, значит – выживет». Сыну великого русского актера, Андрею, который тогда тоже находился вместе с театром, посоветовали сидеть рядом с отцом и разговаривать с ним. «Сиди и беседуй с ним и с Господом. Если он тебя услышит наверху, отец вернется», – посоветовали немецкие врачи. И он действительно вернулся, пропутешествовав где-то 28 дней.

О многом тогда Андрей рассказывал отцу один на один вполголоса, а главное, сын делился той всеильной любовью, которую в нем сумел поселить отец.

Про Леонова, как человека знаменитого, ходили немыслимые слухи и сплетни. Сам актер по этому поводу вспоминал: «Как-то Ванда села в такси, и таксист говорит, не подозревая, что везет знакомого мне человека: «Женька Леонов здесь живет». Ванда спрашивает: «Откуда вы знаете?» – «Мы всю жизнь вместе. Вот пьянь беспробудная, каждый день приходит и просит у меня трешку». Ванда: «Даєте?». Он говорит: «Даю. Я люблю, он хороший артист. Вот в этой парикмахерской мы с ним бреемся вместе». Ванда выслушала, а потом говорит: «Как вам не стыдно! Я его жена – он не пьет!»...

Александр Абдулов рассказывал: «Однажды за кулисами театра я увидел парадоксальную картину: совершенно не пьющий Леонов перед выходом на сцену достал из кармана пиджака бутылку водки и из горла жадно осушил почти половину емкости. Из остатка щедро плеснул на ладонь и интенсивно втер водку в волосы, взлохматив их в разные стороны. От небывалого зрелища я остолбенел. Леонов поставил на пол четким движением бутылку и на моих глазах мгновенно превратился в испитого пьяницу, не вяжущего лыка. На вдруг бессмысленном лице появилась блуждающая улыбка, он медленно облизал губы и заплетающейся неуверенной походкой поплелся на сцену.

Я быстро подошел к бутылке, открыл пробку и понюхал – никакого запаха. Налил на ладонь и попробовал на язык – вода! Обыкновенная вода! До меня донесся гром аплодисментов десятитысячного зала, где в это время Евгений Павлович играл вдрызг пьяного человека».

Один писатель советского периода, не очень значительный, пригнал машину на профилактику.

Механик ему и говорит:

– К нам Леонов ездит.

– Леонов? Какой Леонов?..

– Артист.

– А, клоун... – он произнес это определение с пренебрежением и превосходством большого русского писателя. Механики начали переубеждать, возражать, рассказывать, как они любят и уважают знаменитого артиста. А писатель, чьи тиражи обеспечивались идеологическим заказом, свысока завершил беседу словами:

– Вы еще не доросли до серьезного искусства! Вкус надо развивать!

Этот случай Евгению Павловичу рассказали его преданные поклонники на автостанции, куда он часто приезжал чинить машину. Артист выслушал с интересом, ничего не ответил и грустно улыбнулся своей доброй снисходительной улыбкой.

Георгий Данелия вспоминает работу над фильмом «Афоня»: «Штукатур Колю сыграл Евгений Леонов. В противовес разгильдяю Афоне, Коля считался у нас фигурой положительной: он аккуратный, здраво рассуждает, интересуется международной политикой и мечтает о всеобщей коммуникабельности.

А Леонов своего героя не уважал, говорил, что Коля эгоист еще хуже, чем Афоня. И все время ворчал, что этот штукатур у него получается плоский, как блин. И только когда сняли сцену «уход Коли домой», он успокоился. В этой сцене Коля, который помирился с женой, уходя от Афони, оставляет ему листок со своим телефоном. На репетиции Леонов вынул из кармана бумажку с телефоном, и из нее на стол случайно выпали несколько монет. Он убрал монетки и записку в карман и сказал:

– Смотри.

Он снова достал бумажку из кармана, из нее снова высыпались монетки. Он снова аккуратно их собрал и положил в карман.

– Понял? – спросил он меня.

– Что?

– Какой говнюк твой штукатур! Две недели прожил у человека, пил, ел, а самому жалко три гроша оставить!

Женя всегда искал в своих героях отрицательные черты: считал, что так образ объемнее».

А в критике советского периода о герое Леонова в фильме «Афоня» высказывали совсем иное мнение:

«Самостоятельность Коли оттеняет безответственность Афони, а то, что Коля не герой в латах, а человек из круга Афони, говорит о том, что и для Афони настанет пора перемен. Возможность таких перемен и утверждает образ Коли. Собственно, ничего особенного не произошло, просто поселился немолодой семейный человек в холостяцкой квартире Афанасия Борщова, и неувовимо изменилась культура существования, он внес какие-то элементы уюта, заботы, а может, и человеческого тепла. А чего стоят ночные философствования о том, что «нет у нас еще всеобщей коммуникабельности», и о том, как хотелось бы Коле, чтобы «люди не обижали друг друга по пустякам». Без каких-либо специальных усилий Коля удерживает Афоню от «дружков», заставляет вспомнить о тете Фросе».

У Евгения Павловича была собака Донни самого дворового происхождения, в ее маргинальной родословной не содержалось даже легкого намека на высокую породу. Ни одной ее бабушке и прапрабабушке даже хвостом не вильнул ни один кобель с официальным собачьим паспортом. Донни же была предана своему хозяину всем своим шерстяным телом и бесхитростно открытой душой до такой степени, что внешне стала невероятно похожа на Леонова. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, как ее фамилия по хозяину. Походка, поворот головы, выражение глаз собаки неувовимо напоминали Евгения Павловича. На гастроли в Ригу пришлось взять ее с собой: она плохо переносила разлуку с хозяином.

– Пойдем, погуляем, – звал Евгений Павлович Донни и шел вместе с ней к подоконнику, ложился на него на скрещенные руки и смотрел вниз на оживленную улицу. Собака, точь-в-точь повторив позу хозяина, устраивалась рядом. «Гуляли».

Из письма к сыну в армию: «Я теперь часто остаюсь один, маманя наша каждую неделю почти, как свободный день, мчится в Белгород: бабушка болеет. Вот и сегодня один я как сыч. Ну, конечно, с Донечкой твоей, но тоже, скажу, собачка твоя без человечности. Как пришел я, так она и визжит, и хвостом виляет, и лижется, а погуляли, поели и, пожалуйста, дрыхнет без задних ног, никакого участия в моей внутренней жизни не принимает».

В Москве шла Олимпиада-80, соответствующие службы несли повышенную нагрузку, обеспечивая спокойствие и безопасность столицы и ее многочисленных гостей. В это же самое время планировалась съемка эпизода с участием Леонова из фильма «О бедном гусаре замолвите слово». Должны были снять сцену с инсценировкой расстрела героя Евгения Павловича – актера Бубенцова на Ленинских горах. Однако объект объявили стратегическим, так как там пролегалла главная трасса олимпийского состязания – марафона, и съемку запретили. Авторитет Эльдара Рязанова в разрешении довольно длительной заминки не помог. Срывался график съемок. И тогда директор картины Борис Криштул принимает неожиданное тактическое решение. Он везет Евгения Павловича Леонова в строгое и неприступное здание КГБ. Лицо Леонова – пропуск. Зашли без предварительной записи в кабинет высокого начальства госбезопасности. В помещении находились несколько человек в штатском и один в форме с генеральскими погонами, при виде Леонова все без исключения лишились дара речи. Евгений Павлович, воспользовавшись паузой, бесхитростно объяснил проблему, завершив свой рассказ словами:

– Надо, чтобы меня расстреляли!

– Нашли, у кого просить санкции на высшую меру. Мы не прокуратура, но для такого актера сделаем исключение. Расстреливайте на здоровье! – пришли в себя и подыграли Леонову высокие чины, освоившись с его внезапным появлением. И как простые поклонники стали просить Евгения Павловича оставить автограф. По мановению волшебной палочки спецслужб появилась фотография артиста, и Леонов размашисто прямо на фотографии написал: «Спасибо, что вы разрешили меня расстрелять!».

В конце семидесятых – начале восьмидесятых артист писал: «Последние год-полтора у меня в кино не было настоящей работы: «За спичками», как я предполагал, – мимо; «О бедном гусаре замолвите слово» – тоже полного удовлетворения не принес. Я старался хорошо сыграть, чувствовал трагикомическую ситуацию, но оказалось – уж не знаю, кто виноват, – что эта моя интонация не соединялась с другими сценами и я был в фильме сам по себе и не очень убедительным. Даже получил письмо из Ленинграда: “Доложите своему начальству: как это можно было под Новый год испортить застолье всему советскому народу, направив ружье на нашего любимого актера?! Пенсионер Иванов”».

Съемки картины «Кин-дза-дза» шли с большим трудом, поскольку проходили в пустыне Каракумы, в очень неблагоприятных погодных условиях. При температуре 50–60 градусов снимать можно было только рано утром и вечером. Георгий Данелия вспоминал: «Картина была очень трудной. К 12 часам дня все почему-то начинали ссориться. Однажды я даже поссорился с Леоновым, которого снимал всегда на протяжении двадцати лет, и никаких конфликтов никогда не было. А, оказывается, в Каракумах с двенадцати до двух никто не работает, в это время происходят какие-то излучения, вредные для нервной системы. Мы выезжали рано утром: ехать было довольно далеко, снимали до 12, с 12 до полвторого ругались и с полвторого до вечера снимали. Костюмы создавались на ходу из подручных средств. Так, например, на Леонове – ботинки из «Легенды о Тиле», матросские брюки, майка с ворсом, которую мы покрасили, а потом прожгли дыры. Я нашел очень красивый кусок какого-то материала, и его пришили на зад штанов. А то, что у него на голове... Летчики подарили нам списанные летные костюмы и каркас от бандажа промежности из брюк – это и есть головной убор Леонова».

В 90-е годы творческая активность Леонова заметно снизилась: пережитый инфаркт и тяжелейшая операция давали о себе знать. Он снялся только в двух комедиях: у Г. Данелия в «Паспорте» и у И. Щеголева в «Американском дедушке». От «заманчивых» предложений поучаствовать в эротических и других кассовых фильмах Евгений Павлович отказывался. В 1993 году он стал сниматься в телевизионной рекламе. Многих это возмутило, Леонов рассказывал: «Я появился в рекламе, и тут посыпались письма в

газеты: «Как не стыдно Леонову, Вицину, Глебову сниматься в рекламе.» Поэтому, я думаю, лучше уж умереть и чтобы тебя в рамочке сохранили: «Вот это был Леонов. Он никогда не снимался в рекламе, а только играл в «Донской повести» и в «Белорусском вокзале». Но такую литературу мне сейчас не предлагают...»

29 января 1994 года по срочному вызову выехала бригада интенсивной терапии Киевской районной подстанции во главе с опытным доктором, 41-летним Станиславом Романюком. Ни он, ни фельдшер Владимир Бельченко не знали, к кому они направляются, – в их наряде значилось просто: «Леонов, мужчина».

На месте они были уже через пять минут. В 17.35 врачи зафиксировали смерть пациента – Евгения Павловича Леонова. Этим вечером в Лейкоме должен был состояться спектакль «Поминальная молитва», на который актер и собирался. Спектакль знаковый для актера, спектакль, в который он вложил все свое многострадальное сердце и израненную душу трагика. Спектакль, где зрители смеялись, но сквозь этот смех на глаза наворачивались слезы. Слезы любви, сострадания и милосердия, очищающие и возрождающие душу. Евгений Павлович должен был играть как всегда главную роль – Тевье-молочника. Зрителям объявили, что спектакль не состоится из-за смерти актера. Ни один человек из зала не сдал свой билет. Из ближайшего храма принесли свечи, и народ весь вечер простоял с ними у театра. На похороны Евгения Павловича Леонова пришли тысячи людей. Они шли в театр от Садового кольца через всю улицу Чехова в течение четырех часов.

Комический талант Евгения Павловича искрился и переливался всеми оттенками смешного, сохраняя в глубине магический свет пронзительной, щемящей трагичности. Всякий раз, когда мы готовы были принять его за личность из анекдота, он играл всерьез, и как только мы относились к нему серьезно, он опрокидывался в анекдот. Он был и останется в нашей памяти великим актером.

Григорий Горин рассказывал, что в день смерти артиста он услышал разговор двух мальчишек, один сказал другому:

- Слышал? Винни-Пух умер.
- Врешь! Он сегодня вечером пойдет в гости.

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО

Актер должен играть душой и сердцем своим. Для этого нужно развиваться. На это раньше уходило четверть жизни. Развить свою психотехнику так, чтобы в предлагаемые обстоятельства впригивать.

Какой бы жанр ни был, но правда-то должна быть, потом доведем до гротеска.

Разум без чувства не поможет срепетировать роль, не осилит ее. Без чувства не сыграешь.

Искусство – способ познания, только окрашенный чувством, страстью.

Все становится искусством при прикосновении таланта.

Не Яншиным придумано: ищи доброго, где играешь злого, ищи глупого, где играешь умного. И все же от него усвоены эти аксиомы, известные целому миру.

Никогда не был очень стройным и вообще красивым, ну, если только издалека на меня смотреть... Выходит, я комик. А не инерция ли тут привычки?! Должно быть, и вправду смешной. Жизнь научила: лучше об этом не думать!

Меня жизнь здорово колотила, и не раз, но это не страшно. Страшно, если ты озлобишься. Злой человек ничего не может сделать в искусстве.

Хороший актер может все сыграть. Внешние данные, конечно, диктуют свои ограничения. Я и

Отелло... Может, это будет смешно и будет выглядеть издевательством над Шекспиром?.. Может быть.

Клоуны – они умные, они умеют не только смешить. А уж наши паяцы, как и русские писатели-сатирики, всегда были врачевателями общества.

Гоголь и Чехов никогда не издевались над героями, они сопереживают им и если смеялись, то «сквозь невидимые миру слезы».

«Неси свой крест и веру» – эта чеховская фраза в свое время ошеломила меня, и я понял, что так и нужно жить.

Нести свой крест и веровать в свой труд хотя бы. А может, потом и воздастся. Быть может.

(Из выступления на юбилее театра «Современник»)

– Какое человеческое качество, одно единственное, – самое главное для вас?

– Стеснительность!

(Из ответа на вопрос корреспонденту журнала «Огонек»)

Многие говорят, что меня спас Бог. Может быть так. Я теперь стал верить не в Бога – я так быстро переделаться не могу, – а в то, что Любовь может быть выше закона. Выше права – Любовь. Выше справедливости – Прощение.

Взрослые говорят ребенку: «Вот вырастешь и узнаешь, что такое любовь!». Мне кажется, что это ошибка, пока человек вырастет, сердце его может превратиться в камень или в лед. По-моему, любовь – это душевное вдохновение, которое посещает всех – и старых, и молодых! Попробуй быть внимательным и помнить о сердце, которое волнуется, которое болит. И тогда все вокруг, поверь, меняется!

Я стану за твоей спиной, как живой лес вместо рисованного задника; как старый дуб раскину руки; как орел подставлю крылья тебе – ничего не бойся, сынок! Андрюша, комик произносит патетические слова. Что делают зрители? Они хохочут!

(Из книги «Письма к сыну»)

Анекдоты и шутки из жизни Георгия Милляра

Георгий Францевич Милляр (7 ноября 1908, Москва, Российская империя – 4 июня 1993, Москва, Российская Федерация) – выдающийся советский, российский актер театра и кино. Народный артист РСФСР (1988). Снялся в более чем 100 фильмах, среди которых: «По щучьему велению», «Василиса Прекрасная», «Кощей Бессмертный», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Королевство кривых зеркал» и многих-многих других.

Юрочку (так называла Георгия Милляра мама) возили в театр и в оперу. Мальчик всем говорил, что, когда вырастет, будет актером. И изо всех сил растил в себе актера. Измажет себе лицо химическим карандашом и объявляет, что он больше никакой не Юрочка, а теперь он Мефистофель из пьесы «Фауст» сочинителя Иоганна Гете. Бонны всплескивали руками и говорили: «Господин Мефистофель, а вы нашего Юрочку не видели? Только что был тут».

«...А началось все в городе Геленджике, – вспоминал Александр Роу, главный режиссер-«сказочник» Советского Союза. – В труппе местного театра заболел актер – в пору отменять спектакль. Вспомнили о молодом бутафоре, знающем наизусть все роли (женские включительно). Одели, загримировали и вытолкнули на сцену. Необычный дебют прошел удачно. И вскоре профессия бутафора стала для него второстепенной...» Александр Роу тогда деликатно умолчал, что дебютом Милляра в театре была... Золушка. И ни один зритель не заподозрил в нарумяненной, напудренной красавице бывшего дворянина, воспитанного няньками и боннами, Юру де Милье. Георгий Францевич о своем дворянском происхождении скромно умалчивал, а фамилию сменил, чтобы не вызывать лишних вопросов в соответствующих инстанциях.

«Революция – молодая девка по сравнению со мной»? – любил говорить близким Георгий Францевич. О Милляре известно немного? и причин тут несколько, главная из которых – его происхождение. Состоятельные родители готовили сыну блестящее будущее, у них имелись и средства? и возможности, роскошная собственность в Москве и Геленджике. Однако Великая Октябрьская революция превратила будущее единственного отпрыска в ностальгический пепел прошлого – Юрий де Милье стал Георгием Милляром. По грустной иронии дата Октябрьской революции и день его рождения совпадали. «Я родился в день не той революции»? – с печальной иронией произносил он сакраментальную фразу.

Известно, что после 1917 года Милляр жил в Геленджике. После роли Золушки и небольшой актерской практики Георгию захотелось большего. Он приехал в Москву и поступил в Школу юниоров при Театре революции. Мастера театральной школы, глядя на странного молодого человека с ужасной дикцией,

беспомощно разводили руками.

«Многие преподаватели бросили бы меня, если бы не чувство профессиональной любознательности, «Консилиум» педагогов долго не мог предрешисть исхода ни за, ни против, и поэтому меня не выгоняли...» – вспоминал Георгий Францевич.

Каким-то чудесным образом из всей огромной принадлежащей им до революции квартиры Милляр с матерью смогли вернуть себе одну комнатку. В 1924 году Георгий Францевич был принят в основанный Мейерхольдом Театр Революции, ныне имени Маяковского. «По своим психологическим данным я был тяжелым учеником». Попытки мэтров научить его азам театральной профессии были не слишком эффективны. Поистине уникальным для актерского мастерства было его лицо: оно в буквальном смысле обладало резиновым потенциалом. Критики отмечали: «Крупные способности Милляра в области мимики, жеста и пластики, пожалуй, имели бы большее применение в кино». Однако в театре мало-помалу у Милляра сложилось амплуа. Происхождение и образование позволяли с легкостью играть графов, герцогов, иностранных дипломатов и... камердинеров.

Постепенно Милляр стал сниматься в кино. Роли были маленькими, эпизодическими, в картине «Рваные башмаки» актера даже не упомянули в титрах. Судьбоносной в жизни актера оказалась встреча с молодым режиссером Александром Роу, пригласившим Милляра на роль царя Гороха в фильме-сказке «По щучьему велению». Их связывало не только «сказочное» настоящее, но и иностранное прошлое: отцом Александра Роу был ирландский инженер Артур Роу. Находки Георгия в ходе съемок смогли создать выпуклый сказочный персонаж, потому что в то время считалось, что настоящую сказку можно сыграть лишь с помощью кукол. Персонаж получился яркий, запоминающийся. Милляр гениально изобразил не просто дурака на троне, Милляр сыграл злого и опасного дурака у власти.

Для роли Бабы-яги в новом фильме «Василиса Прекрасная» режиссер никак не мог найти подходящую исполнительницу.

Даже гениальная Фаина Раневская не смогла создать достаточно убедительный для Роу образ лесной нечисти. Милляр без колебаний предложил свою кандидатуру.

– Не женская это роль. Ну скажи, какая актриса захочет показать себя такой страшной на экране? А я все стерплю! – убеждал он Александра.

Подсказку для создания неповторимой сказочной старушки Милляр взял из жизни: «Обильный материал мне дала соседка по коммуналке. Характер у нее был ужасный, склочница, ей надо было обязательно кого-нибудь поссорить», – раскрывал актерские секреты Георгий Францевич.

«Однажды перед съемками ко мне подошел художник Соколовский.

– Я такую старушку видел в Ялте, – сказал он. – Коз пасла на Чайной горке. На Бабу Ягу похожа удивительно. Она тебе поможет... Вскоре ее увидел: старая-престарая гречанка, сгорбленная, нос крючком, недобрый взгляд, в руках короткая палочка. Позже на съемках мы завершили портрет моей зловещей «героини», облачив ее в жуткие лохмотья, повязав на голову черный платок, наградив ее звериной походкой. Я наложил на образ гречанки повадки соседки по коммуналке, и образ получился неповторимым», – вспоминал спустя годы Георгий Францевич.

Колоритная Баба Яга в исполнении Милляра на экране появлялась около десяти раз, и каждый раз актер обогащал образ новыми комичными деталями. Со временем его героиня из злобного врага превратилась в старушку-сплетницу, измученную радикулитом и не лишенную человеческих слабостей. Сам Георгий Милляр так говорил о своем любимом персонаже: «В «Василисе Прекрасной» моя бабуля – такая дачница с повязочкой на голове, а в «Морозко» она уже одряхла, ослабла, да и радикулит ее, бедную, замучил».

Георгий Францевич, как глубокая творческая и артистическая натура, при выборе ролей впадал в две крайности: либо он напрашивался сам, либо его долго уговаривали. На роль Бабы-яги Милляр именно «нахально» напросился и сыграл три роли в одном фильме. Необходимо отметить, что они были сыграны

столь филигранно, что ничего не подозревающим зрителям было совершенно невозможно заподозрить участие лишь одного актера в трех совершенно разных образах. В титрах его имя указали только раз. В рецензиях авторы недоумевали, почему в титрах не указана фамилия актрисы? «Актриса» и озвучивала роль «сама».

«Бывают такие старушки с прокуренными голосами», – со знанием дела утверждал Милляр.

Георгий Милляр стал самым сказочным мужчиной советского кино. Он и сам нередко говорил: «Я работаю в области сказок» или «я представляю всю нечистую силу в советском кинематографе». Таким волшебным образом сын французского инженера Франца де Милье, приехавшего в Россию консультировать русских в области мостостроения и женившегося на дочери иркутского золотопромышленника Елизавете Журавлевой, взял на себя ответственность за все бесовское сословие страны. Причем сам Милляр любил, чтобы образ выглядел пострашнее. За творческую импровизацию и глубокую работу над женским образом коллеги нескольких поколений звали его: «Народная Баба Яга Советского союза». Квартира Милляра была увешана зеркалами. Здесь он отрабатывал свои роли. «Зеркало – мой друг. Никто не даст мне возможности посмотреть на себя сзади».

«Я вас узнала: вы с мамой одну роль напололам играли», – радостно встретила однажды Милляра маленькая девочка Настя Вертинская. Настя не ошиблась. В фильме «Новые похождения Кота в сапогах» актриса Лидия Вертинская и Георгий Милляр играли одну и ту же роль – карточную колдунью даму пик. Их героиня то превращалась в юную красавицу (Лидия Вертинская), беспрепятственно проникающую на придворный карнавал, то в одинокую обительницу мрачного замка – полупомешанную, вздорную, зловещую старуху (ее играл Милляр). Сам Георгий Францевич о блестяще сыгранной старухе говорил: «Если бы Мария Стюарт дожила до трехсотлетнего возраста, она бы выглядела примерно так же». В этой сказке Милляр исполнил и свою вторую роль – шута. В королевстве, где больна принцесса, перестали звенеть его бубенчики. Сам он разучился улыбаться и веселить людей, он вынужден день и ночь читать чудовищно грустные сказки. Это один из прекраснейших трагических образов, созданных Милляром.

«Если хочешь быть модным мужчиной, надевай на себя все дамское», – говорил Милляр. Уговаривать актера сниматься приходилось гораздо чаще. В 1941 году на «Союздетфильме» решено было поставить патриотическую сказку «Конец Кощея Бессмертного». На вопрос, кто будет играть Кощея, драматург Владимир Швейцер и режиссер Александр Роу в один голос ответили: «Конечно, Георгий Францевич!». Милляр «закапризничал»: «Не могу! Таланта не хватит!». Но опыт «уговоров» актера уже был: Милляра часто приглашали на студию обсуждать отдельные эпизоды фильма. И вот однажды на обсуждение он пришел с наголо обритой головой и бровями (это он делал всегда, чтобы облегчить работу гримеров). Все поняли: Милляр решил сниматься. «Грим, как и костюм, надо уметь носить. Он сам по себе не сыграет. Им надо уметь управлять», – утверждал актер.

«Работая над ролью Кощея, мы обратились к тевтонскому эпосу, сознательно пародируя «Нибелунгов». Аскетизм, неумолимость, озлобленность «рыцарей» средневековья – все вобрал этот образ. Вид у меня был отвратителен, страшен. Во время съемок лошадь меня не подпускала. Завидев даже издали – шарахалась», – вспоминал актер. Ассистенты завязывали лошади глаза, Милляр садился верхом, глаза развязывали, лошадь вновь сбрасывала седока. Так Кощей падаль оземь не раз и вопреки сказочным традициям ни в кого не обращался. Пластмассовый корпус трещал, но держал удар.

«Поиски костюма и грима были мучительны. «Кощей без бороды – это не Кощей», – говорили мне. У моего Кощея были голый череп, сзади прямые волосы, переломленный нос и тупой выдающийся вперед подбородок, он был в пластмассовом панцире, из которого росли острые костяные крылья. Был я и в молодости худым, но во время эвакуации среднеазиатская малярия иссушила меня до предела. Я стал «живым» скелетом, и оператору было со мной легко работать. Он снимал меня снизу, чтобы Кощей казался еще выше. Для меня роль Кощея наиболее выстраданная. В ней след не только творческих мук, но и память о тех тяжелых годах, когда мы все жили жгучей ненавистью к фашистским завоевателям и жаждали дня победы», – продолжал свои воспоминания Георгий Францевич. И шутил: «Искусство создается не только

кровью сердца, но и желчью печени!».

Кошея Милляр сыграл дважды и обе роли были сыграны совершенно по-разному. Первый Кошей страшен, воплощение фашизма, чистое зло. Второй образ – злобный эгоист, затянутый в мундир, местами даже обаятелен. «Каждой эпохе – свой Кошей», – комментировал Милляр. «Я начал сниматься в кино, когда там не было ни цвета, ни звука, так что считаю себя ископаемым кинематографом», – любил говорить Милляр молодым актерам при знакомстве на съемочной площадке.

Роль Кошея окончательно закрепила за ним роли чертей и прочей нечисти. Маска приросла к лицу навсегда... Милляр в своей манере на очередной удар судьбы ответил шуткой. У него в доме на видном месте стоял бюст Вольтера. Милляр торжественно повязал мыслителю пионерский галстук, и он превратился в комическую, шутовскую фигуру. С тех пор воплощенный символ свободомыслия в комнате Милляра оставался в пионерах...

А в дневнике Георгий Францевич записал остроумный афоризм: «Актер – это кладбище несыгранных образов». Тема Вольтера и несыгранного великого полководца Суворова в его жизни была закрыта.

К новым ролям Георгий Францевич подходил с потрясающей самоотверженностью. На территории Ялтинской киностудии, где Александр Роу снимал почти все свои сказки, был заброшенный бассейн. Там Георгий Францевич каждое утро занимался гимнастикой: подолгу крутил длинную палку вокруг шеи, пояса и ног. «Францыч, что ты делаешь?» – спросил как-то один из актеров. «Полезно для уравнивания мозгов», – отшутился Милляр. А потом зрители увидели, как лихо Баба Яга в фильме «Морозко» орудовала метлой.

В Ялте часто снимали сказочные фильмы. Приехали артисты, высыпали на берег, любуются морем в лучах заката. Ранняя весна. Прохладно. Георгий Францевич подходит к самой воде, пробует рукой воду и восклицает:

– Ой, какой большой вытрезвитель!

«В подмосковную деревню Зеленую, где снималась очередная сказка, приезжала автолавка, – вспоминал актер и режиссер Юрий Сорокин, снявший о Георгии Францевиче документальный фильм «Юбилей Милляра». – Роу запретил продавать Милляру спиртное, так знаете, что придумал Георгий Францевич? Милляр на виду у всей съемочной группы шел к машине с бидончиком: «О, о, о, я за молочком», – возвращался и через пять минут был уже пьяненьким. Он заранее договаривался с продавщицей, та ставила в бидон бутылку, а сверху наливала молоко».

До 65 лет Милляр ходил в холостяках, жил вместе с мамой в одной комнате в коммуналке (она скончалась в 1971 году), и Александр Роу, когда хотел его наказать, кричал: «Вот смотри у меня! Все маме расскажу!». Георгий Францевич очень любил и беспрекословно слушался маму до старости. Называл ее: «Мамочка», а она его строго: «Юра». В их комнате стояла старинная дорогая мебель и висел дореволюционный круглый уютный абажур. Мама часто сидела за круглым столом, накрытым скатертью, и раскладывала пасьянс.

Милляр любил похулиганить. Его искрометный талант с лихвой проявлялся в особом озорном чувстве юмора, в виртуозной игре словами и смыслами. Сам себя он называл Стариком Похабычем, актера Анатолия Кубацкого, игравшего Панаса в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», прозвал Поносом и придумывал такие афоризмы, от которых юные костюмерши заливались краской. Сергея Мартинсона называл Матерсон. Но на Георгия Францевича никто не обижался: его просто не воспринимали всерьез. Но не все. Фаина Георгиевна Раневская, гениальная актриса эпизодических ролей, одаренная уникальным исполнительским даром филигранно оттачивать мельчайшие детали своих образов, высоко ценила Георгия Францевича. В чем-то очень глубоком они были родственными душами: созданные ими герои не забывались, сказанное ими становилось крылатыми фразами. Она всегда приглашала его на свои премьеры

и спектакли, а Милляр всегда считал Раневскую «самой великой актрисой мира». По словам Александра Кавалерова, «он ее просто обожал». У них была долгая и преданная дружба по телефону. Он любил ей повторять фразу Эраста Гарина: «Мы еще погнем в кинематографе!».

Сказку «Пока бьют часы» снимали в Польше. Когда съемочную группу выпускали за границу, партийная комиссия спросила у Милляра, кто в Польше президент. Георгий Францевич, не задумываясь, ответил: «Съезжу – посмотрю, узнаю – расскажу». И ушел. К нему серьезно не относились, поэтому многое прощали, а он умел в роли шута высказывать очень мудрые и дерзкие мысли. Мало кто из зрителей знал, что Георгий Францевич писал сказки, басни, былины, в которых остроумно высмеивал и пародировал перекосы соцреализма в кино и в окружающей жизни. Кирилл Столяров приводит строки по памяти басни Милляра, посвященной бесталанным сценариям и трудной судьбе актеров:

Испекла Баба Яга
Из дерьма блин пирога
Весь вопрос: с каким вином
Бабе есть пирог с дерьмом?

И мораль басни:

Помни каждый чудодень.
Чем меньше в воздухе идей,
Тем чище совесть у людей!

Александр Кавалеров, названный Георгием Милляром, не имевшим своих детей, «внучком», вспоминает: «Была знаменитая тетрадь афоризмов – всего 384 штуки от «А» до «Я». На ней надпись – «Переписи и перепечатке не подлежит». Милляр сделал таких три. Первая посвящена Александру Рю. Вторая – Сергею Николаеву, который играл «упитанного, но невоспитанного» царского сына в «Варваре-красе». Третья с шаржами – мне. 96 листов большущим почерком. Начиналась так: «А» – актер, «Б» – актриса, «Г» – режиссер, «Д» – зритель. Понимайте как хотите».

Во время длительных поездок к месту съемок, чтобы скоротать утомительную дорогу, коллеги часто просили Георгия Францевича почитать что-нибудь из своего неизданного. Он недолго сопротивлялся и перед авторским исполнением честно предупредил, что женщинам будет непросто, а выйти некуда. Женщины соглашались пройти испытание талантливими непристойностями. И непревзойденный Милляр начинал на память читать свои шедевры. Реакция творческой аудитории включала множество разных оттенков: изумление, стыд, смех, восторг и, наконец, хохот. Женщины, конечно, смущались, краснели, но смеялись громко и заразительно. Мужская часть не отставала. В момент приезда все пассажиры выглядели одинаково – вспотевшие, красные, с опухшими и натертыми от слез глазами. Встречающие изумлялись странному виду и высказывали разные предположения, среди которых самыми популярными были два варианта: «отметили приезд заранее», «заехали по дороге в баню». Сам Милляр повторял: «Я доктор сквернословия и противоестественных наук!».

После смерти мамы актеру стало особенно одиноко. Георгию Францевичу было 65 лет, в 1968 году, когда в его жизни появилась своя Марья-искусница, которая сумела расколдовать его одиночество, стать ему близким человеком и настоящим другом. Милляр однажды увидел новую соседку по коммуналке, и она ему понравилась. Вначале он проходил мимо, косился на ее дверь, останавливался, не решаясь переступить порог. Затем он стал стучаться, заходить и просто говорить: «Здравствуйте!», приносил ей цветочек. Спустя время он приходил уже попить чайку с тортиком и вареньем.

И наконец, когда ему предстояла длительная командировка, Георгий Францевич набрался смелости и сделал ей предложение. Марья Васильевна Кузнецова была пятью годами моложе Георгия Францевича, ей было шестьдесят. «Что вы, – смутилась она, – да разве в моем возрасте нужны мужчины?». «А я и не

мужчина, – нахально ответил Милляр. – Я Баба Яга»... Свадьбу играли в первый день съемок картины «Варвара-краса – длинная коса». Последующие годы совместной жизни жена ласково называла Георгия Францевича Кошей – уменьшительно от Кощей.

«Деду стукнуло тогда 65. Я спрашивал: “Чего ты женился?”

“Она меня закусывать заставляет”», – вспоминал давний откровенный разговор Александр Кавалеров.

Тем не менее к концу жизни Милляр и его жена стали удивительно похожи друг на друга, как редкие счастливые пары, долго прожившие в браке. Марья Васильевна по свидетельству всех, кто имел счастье с ними общаться, хорошо относилась к Георгию Францевичу и всегда поддерживала во всех его начинаниях.

После его смерти среди небольшой стопки документов, наград и фотографий обнаружили пожелтевший листочек со стихами, которые Милляр написал накануне своего ухода:

Появился в начале века
И уйду под конец его
В те края, где чужая аптека
Вряд ли нальет чего.
Кто расписался в моей бесполезности?
Рано мне выдали этот диплом!
Сгорел от безделья и умер от трезвости –
Вот что пишете на гробе моем,
А сниматься? Когда же? Скорее же!
Впереди – только темный лес.
Сыграть бы хоть пьяного сторожа,
На березу который полез.
Не нужна мне жена чужая
И ролей чужих не хочу,
Но найдется же роль такая,
Чтобы мне пришлось по плечу...
А, наверное, было бы здорово
Под финал, под конец пути
Напоследок сыграть Суворова
И тогда уж спокойно уйти...

Георгий Францевич Милляр прожил долгую и счастливую жизнь. Счастливую, несмотря на то что долгое время прожил в коммуналке и получил отдельную квартиру в 80 лет. Несмотря на то что не накопил ни на дачу, ни на машину, несмотря на несыгранные роли в кино, несмотря на то что официально стал народным артистом лишь в 85 лет. Актера окружала огромная народная любовь. До сегодняшнего дня в нашем кино нет и вряд ли будет актер такой сказочной величины и волшебной доброты. Его постоянно приглашали на встречи в школы и предприятия, пионерские лагеря и воинские части, и он никогда никому не отказывал. Он вообще не мог отказывать. Однажды к нему зашла соседская девочка и стала рассматривать его рисунки. Георгий Францевич разрешил ей взять самый понравившийся. «А можно я возьму все?» – попросила девочка, и он отдал все.

«Он был кавалером, светлым рыцарем кинематографа, очень добрым и ранимым человеком. И свою раненную душу он закрывал колючими афоризмами, остроумными сказками и баснями», – сказал о нем Кирилл Столяров, сын его давнего партнера по сказкам Сергея Столярова.

Шутки и афоризмы Милляра нисколько не уступают остротам его знаменитого соотечественника Вольтера, которого он так мечтал сыграть. «Алфавит Милляра» – своего рода литературно-кинематографический раритет. Исходные три экземпляра, о которых говорил А. Кавалеров, послужили дальнейшему распространению афоризмов, сначала в артистической среде их терпеливо

переписывали, а потом и перепечатывали. Так, в самиздате ходили по рукам крылатые фразы «доктора сквернословия и противоестественных наук». Георгий Францевич постоянно добавлял что-нибудь новое, вплоть до своей кончины. Некоторое количество определений за употребление ярких элементов народной лексики невозможно воспроизвести без применения цензуры, поэтому «Алфавит» приводится в некотором шадющем сокращении.

«АЛФАВИТ МИЛЛЯРА»

А

Авторитет в искусстве – понятие чисто административное.
Актер – кладбище несыгранных образов.
Алфавит – предлог для составления словаря.
Алкоголь – средство примирения человека с действительностью.
Анахронизм – от анахронизма до эклектики один шаг.
Анкета – нездоровый интерес к чужим биографиям.

Б

Баланс – одна утренняя рюмка нужнее двух вечерних.
Балет без ног. Когда его демонстрируют по телевизору.
Баня – культурный отдых.
Бахус – во все времена лучший министр финансов.
Богема – интеллигентная шпана.
Брюки – лакировка действительности.
Безвыходное положение – зачем исправлять ошибки, если они для нас нетипичны?
Быстрота. Что быстрее мысли? – рефлекс.
Бюрократизм в искусстве. Когда надслойка тормозит надстройку.
Бюрократический фронт – давно осознанная непроходимость.

В

Валидол – аристократическая закуска к коньяку.
Вежливость – героическое напряжение моральных и физических сил.
Винотерапия помогает от всех болезней.
Водочная клизма – тоже красиво, но как быть с закуской?
Вокруг кинематографа сплетни заменяют прессу, славу и рекламу.
Воры и проститутки. У нас таких профессий нет – это хобби.
Вундеркинд – насильно мал не будешь.

Г

Галантность – пробуждается после третьей рюмки, исчезает после восьмой.
Гениальность. Редкое совпадение в природе, когда бодливой корове бог дает рога.
Геморрой – то, что в старости заменяет менструацию.
Св. Георгий – бывший кавалерист. Занял первое место по борьбе с зеленым змеем.
Гермафродит – античный идеал совместительства.
Опять-Гермафродит – он один и Дед-мороз, и Снегурочка.
Герой нашего времени. Если хочешь быть модным мужчиной, надевай на себя все дамское.
Главное в жизни – с утра поужинать и днем переночевать.
Губная помада. Зачем ждать милости от природы, когда все находится под рукой?!Гусь – ночной сторож, по чуткости слуха превосходящий собаку.

Д

Даже так! Плохой человек с юмором интересней, чем хороший без юмора.

Дания когда-то называлась «худшим отделением».

Девиз: «Имей все в виду и ничего на виду!»

Деликатное пожелание. В искусстве хотелось бы иметь не только сослуживцев, но и единомышленников.

Дефицит. Когда человек выбалтывает больше, чем остается у него в голове.

Дисциплинированный человек – сам себе вырезатель.

Два социальных зла: семья и пьянство.

Добропорядочность и благопристойность – пошлость в искусстве.

Долголетие. Если люди будут жить по 150 лет, воображаю, как они забюрократятся.

«Дурак». Каким исключительным умом надо обладать, чтобы сочинить величайшую глупость!

Дым без огня? – Бывает. Он-то и есть самый вонючий.

Е

Евангелие учит любить врагов (если друзья вышли из доверия).

Единственная привилегия старости – право на старомодность.

Если человек очень много говорит, когда же он думает?

Если шахматы – спорт, то как быть с преферансом?

Ж

Жареный петух периодически клюет артистов.

Железное нахальство быстрее ржавеет.

Женские брюки. Придуманы для экономии чулок.

Журналистика – тридцать сребреников на улице не валяются.

З

Забота о завтрашнем дне. Садясь за стол вечером, подумай о том, каково тебе будет завтра утром.

Зависть. Никогда не завидуйте людям счастливым – завидуйте самодовольным: счастье временно, самодовольство постоянно!

Законный брак – это когда права превращаются в обязанности.

Закрой поддувало!.. (на всякий случай...)

Закрытый просмотр – видеть повторно один и тот же сон.

Закон «типичности» удобен для всех!

Зеленый змей постоянно путается в ногах.

И

Интеллигенция – это страшнее, чем класс, ибо класс уничтожается, а интеллигенция остается.

Искусство – праздник (выходной день творческой мысли).

Искусство всегда зависело от того, что скажут во дворце.

Искусствовед – теоретик, научившийся различать музыку для планетария, для кафетерия, для крематория, и для этого он кончал консерваторию.

История. Когда открывали Америку, никому, однако, не приходило в голову закрывать Европу...

История кинематографа. Хотел бы посмотреть, как вы вычеркните из нее сказки Роу!..

Й

Й – третья буква.

К

Каждому свое. Умеющий делает, знающий преподает, остальные «осуществляют руководство».

Каждый Кощей думает, что он бессмертен.

Каждый, кто носит перчатки в руке, воображает, что он Евгений Онегин.

Кальсоны – патриархальный вид одежды. Сильнейшее впечатление производят на пляже.

Кантата – наиболее лауреатская форма музыкальных произведений.

Кино – дело, поставленное на среднюю ногу.

Когда слышите плохую музыку, не спешите с оценкой автора: иногда и хорошие композиторы сознательно пишут плохую музыку, чтобы их не упрекнули в старомодности.

Колесо истории никогда не поворачивает вспять. Либо буксует на месте, либо его волокут юзом вперед.

Конному всаднику. С лошастью следует обращаться как с женой: надо делать вид, что ты ей доверяешь.

Корявый комплимент похож на поцелуй небритого человека.

Культ личности существует наряду с другими культурами, как то: культ безличности, двуличности, неприличности, а также безразличности.

Культура – если у зрителя нет вкуса, в этом виноваты мы – работники искусства.

Куплет:

Королям свои законы,
что им радость и печаль?
Говорили же Бурбоны:
«После нас хоть фестиваль!»

Курительная комната – нечто среднее между буфетом и клозетом.

Л

Лауреатство (красивое слово). Иногда оно заменяет успех произведения.

Легенда – сплетня, возведенная в степень эпоса.

Литература – духовная пища – Пушкин вместо масла.

Ложка дегтя. Роза с шипами, а рыба с костями.

Ложная математика. Когда статистику превращают в схоластику.

Ложь. Все люди врут, когда им нужно. Причем женщины врут даже тогда, когда им это и не нужно.

«Лучше поздно, чем никогда...» – думает умерший артист, жмурясь на букет цветов.

Лучше постареть, чем устареть!

Любовь не роскошь, а гигиена.

М

Малярия возникает и распространяется в тех случаях, когда больные люди заражают местных комаров.

Мемуары может писать всякий, у кого не очень трясется рука.

Милляр – единственный Кощей, который не считает себя бессмертным.

Милляр Г. Ф. – культ неприличности.

Многообразие жанров – каждый ларчик открывается просто, если не перепутать ключи.

Модернизация быта. Раньше на свадьбах били горшки, теперь раскалывают патефонные пластинки.

Молодость – нет такого генерала, который не хотел бы стать солдатом.

Мораль – это кодекс ханжества, сборник рецептов, как казаться лучше, чем ты есть, и тем самым обманывать окружающих. Мораль – настольный справочник для тех, кто не имеет собственной совести.

Москва слезам не верит, но и шуток не понимает.

Н

На всякий случай: закрой подувало!

Наглость – отсутствие дальновидности.

Наиболее откровенен бывает человек скрытный, дабы поверили, что он все сказал.

Надписи: столовая закрыта на обед, уборная – на учет.

Надпись на воротах диспансера: «Кто к нам с мочой придет, тот от мочи и погибнет!».

Наибольшая пошлость – это благопристойная пошлость.

Напрасный труд – искать логику там, где ее нет.

Наследственность – далеко не лучший вид плагиата.
Начальство не профессия, это каста.
Нафталин иногда лучше, чем формалин.
Невинность – причина для удивления жениха.
Недоверие недолго остается без взаимности.
Некритический реализм – ложный реализм, подобный ложному классицизму.
Неожиданность. Ничего смешного: может случиться со всяким.
Непристойность – то, что реже всего бывает пошлостью.
«Нет дыма без огня» – логика клеветников.
Нецелесообразность. Применять визитные карточки вместо туалетной бумаги.

О

Обувь – не только одежда, но и средство для передвижения.
Общественное мнение. Окружающим не важно, чтобы вы жили честно. Им хочется, чтобы вы жили скучно. Тогда общественное мнение будет удовлетворено.
Объективный критерий – не пустили в метро.
Объявление, которого не прочтете ни на одних воротах: «Требуются актеры».
Одиночество – суррогат свободы.
Одно из двух. Либо говорить о демократии, либо плевать на интересы зрителя.
Опять о новаторстве. Не путайте моду с прогрессом.
Отсутствие криминала – повод для всеобщего разочарования. Никому не прощается.
Охлаждение земной коры. Холодная война, полемика и холодные костры для еретиков.
Ощущение независимости. Когда имеешь 40 копеек на кружку пива.

П

Панихида – беседа в присутствии отсутствующего.
Пантомима – зрелище, говорящее языком искусства.
Пасхальная вежливость – благодарю вас, у меня есть свои.
Первая рюмка рекомендуется для того, чтобы вторая не дрожала в руке.
Переводчик в кино – человек, почти всегда плохо знающий оба языка.
Перестраховка – путь к саботажу.
Пиво – успокаивает, создает пластичность мышления. А также имеет сквозное действие (опять же по Станиславскому).
Пижоны. Каждый воробей, заскочивший на вершок сверх моды, воображает себя шагающим впереди эпохи.
Писатель – изобретатель человеческих душ.
Поворот. Если гора не идет к Магомету, Магомет пойдет к другой горе.
Погода. Чиновники думают, что они делают ее и в природе.
Половой акт – действие при количестве участников не менее одного.
Популярность. От популяризации до вульгаризации один шаг.
Потеря юмора равна потере сознания.
Правда редко бывает правдоподобной.
Практичность общепризнана как главное качество в любви. Все остальное считается развратом.
Прибор, предвещающий баранство, – барометр.
Причинное место – голова: без причины болит.
Проститутка – самая честная женщина: она никого не обманывает.
Психологический театр. Где тонко, там и рвется.
Психология человека. Многие думают, что, осуждая другого, они этим возвышают себя.
Пьянство – один из способов заглушить в себе все человеческое, когда таковое не находит применения.
«Публичное одиночество» – когда одинходишь в ресторан.
Пугливая верховая лошадь – конь-самосвал.

Р

Разгрузочный день. Когда сдаешь посуду.

Реализм – здоровое начало в искусстве.

Ревность – физиологическая зависть.

Режиссеры как женщины: один о другом редко когда скажет доброе слово. Наиболее тактичные просто молчат.

Ресторан «Пекин» – Буддийский храм, подавляющий психику посетителя.

Рецензент – механический автомат кнута и пряника.

Рифма. Дайте мне стакан сиропу, поцелуйте меня в глаз!

С

Сам не рад: отягощен юмором.

Самая неприятная надпись – «Засор!».

Самообольщение – головокружение от неудач.

Самоубийство. Борьба с кинематографом в кинематографе.

Самый справедливый тост – за здоровье зрителей! Они ни в чем не виноваты!

Симуляция. Когда сумасшедший притворяется нормальным человеком.

Синкоп – удар по неударной ноте.

Система Станиславского – то, о чем в Священном писании сказано: не засоряй мозги ближнего своего.

Сказка. Чего недостает Бабе-Яге? – Коммунальной квартиры.

Смех. Лучше всех смеется тот, кто не расслышал анекдота: он смеется последний.

Снобизм – кастовый признак бюрократов.

Собственный взгляд на искусство. Слава богу, что костры для сжигания еретиков отошли в область прошлого.

Современность в искусстве. Современно то, что своевременно.

Солидность. Носить одновременно ремень и подтяжки – двойная гарантия, чтобы не упал авторитет.

Социалистическая сатира. Настоящее искусство создается не кровью сердца, а желчью печени.

Союз Писателей гораздо обширней, чем союз читателей.

Союз читателей гораздо меньше и скромнее, чем Союз Писателей.

Спекуляция – продажа водки по коньячной цене.

Специфика – слово, которое оправдывает бардак в кинематографе.

Стихи – формалистическая речь. В этом их преимущество над прозой.

Стоматологический кабинет выпускает сто матов в минуту.

Субординация – никогда не напоминай слону, что его сделали из мухи.

Сходство между милиционером и режиссером – с ними нельзя спорить: они всегда правы.

Сценический темперамент – дело техническое: что срепетировешь, то и сыграешь.

Счастье – в чем хотите, только не в долголетьи. Когда юбиляру говорят: «Проживите еще 70», это плохое пожелание.

Т

Тактичность. Ввиду недопустимости исполнения на территории больницы похоронных маршей рекомендуется играть «Подмосковные вечера».

«Теория относительности». Тот, кто каждый день обедает, – еще не обжора.

Терпение. Искусство не преступление, но амнистии ждет.

Технические вопросы. Может ли бездушный чиновник заменить кибернетику? Или она равноценно заменит его?..

Торговая сеть. Гениальный Вольтер обмолвился прогнозом: «Если очереди нет, ее надо уметь создать...»

Трезвость. Каждый непьющий думает, что он перехитрил весь мир.

Трезвый взгляд на вещи часто можно почерпнуть из высказываний пьяного человека.

Тюрьма – мои университеты.

Туалетная бумага рекомендована в целях разгрузить периодическую печать от нетактичного применения.

У

У – средняя буква.

Уважение к старшим. Отдай гитару дяде, а сам иди плясать!..

Уверенность в себе: «Дайте мне бочку кагора, и я переверну земной шар!».

Удивительное не рядом – оно внутри нас!..

Указатель имен – принадлежность разного рода литературы. Список фамилий, прилагаемый к историческим романам и анонимным доносам.

Умеренность. Трезвость тоже имеет свои границы.

Умирать рановато: еще не сконструирован тот забор, под которым стоило бы подохнуть.

Условность. Про загорелого человека никогда не скажут, что он ходит голый.

Ф

Факты – воск в руках интерпретатора.

Фальцет при ловком применении спасает всю оперу.

Фарисеи – родоначальники всего оппортунизма.

Фемида – богиня с завязанными глазами. Спокон веков не видела, что творит. Этим-то и оправдывали ее несправедливость.

Флотскую улицу переименовывают в Проспект Кошечья Бессмертного, как только будет готова мемориальная доска, (На этой улице жил Г. Милляр, – прим. составителя)

Формализм (в искусстве) – забота о форме. А забота о форме есть забота о зрителе.

Х

Хамство. Это слово (см. Библию) ведет свое начало с того дня, когда молодой человек посмеялся над пьяным стариком.

Ханжа – любой засранец, называющий Мопассана порнографическим писателем.

Хозяйство – за любой продукт спасибо, но зачем же выпекать черный хлеб из белой муки.

Хороший тон – чтобы казаться умным, делай вид, что ничего не понимаешь.

Хорошо быть примитивным человеком: про таких говорят: «какая цельная натура!».

Хранение под чехлом. Когда автомобиль превращается в недвижимое имущество.

Хризантемы весьма идут к белым тапочкам.

Христос никогда не говорил столько слов о гуманности, сколько говорили о ней Сталин и Гитлер.

Ц

Целеустремленность – смотря куда!

Цензура. Не место красит человека, а человек красит место. Но иногда место делает человека дураком.

Централизация – тоже сеть. Нечто вроде подземной канализации.

Цепи – предмет, утрата которого вызывает растерянность.

Цифры – упрямая вещь: часто расходятся с фактами.

Ч

Человек – существо творческое: переделывает хлеб на дерьмо. Некоторые даже находят, что это звучит гордо!

Четвертый лишний, когда скидываются на троих.

Чехов А. П. – юмор сквозь пенсне.

Ш

Шестидесятилетие. Одному много. Легче бы на троих.

Шизофрения – раздвоение личности. А как же ей не раздваиваться, когда половина жизненной борьбы есть борьба с самим собой?!

Шкалик – сувенир с проглотом.

Шумел, как мыш. Посетитель, убежденный в том, что, опрокинув мраморный столик, он потрясет весь мир.

«Шумел камыш» полностью заменен «Подмосковными вечерами».

Шут имеет право говорить дерзости даже королю.

Щ

Щекотливый. Вопрос тарификации.

Щетина – то, чем на Мосфильме встречают нового режиссера.

Ы

Ы – отрывка. Говорят, что отрывка от вчерашнего есть основная отрывка прошлого.

Ы – слов не начинается.

Э

Эгоцентризм – отравление самим собою.

Эклектика – ерш трезвенников (не хмельно, но тошнит).

Экспромт возникает в порядке импровизации.

Энергия – один пытается быть подхалимом в городе, другой – нахалом в деревне. Про остальных говорят: неэнергичные люди.

Энтузиазм – искусственное возбуждение, к которому люди, не любящие свою профессию, прибегают в целях преодоления их творческой импотенции.

Энтузиазм – «опиум» для народа, ибо нет вспышки без угасания.

Энтузиазм – штурмовщина на производстве. Нездоровое явление лихорадит коллектив. Существует для людей, не приспособленных к систематическому труду.

Эпос – много людей, лошадей. Рекомендуются для широкого экрана и узкого круга посетителей.

Эстетика. Перестраховка – эстетика бюрократов.

Эфир снабжается хорошей музыкой в двух случаях: урок гимнастики и гражданская панихида.

Анекдоты и шутки из жизни Евгения Моргунова

Евгений Александрович Моргунов (27 апреля 1927 – 25 июня 1999) – советский и российский актер, заслуженный артист РСФСР (1978). Снимался в таких кинофильмах как: «В шесть часов вечера после войны», «Молодая гвардия», «Самогонщики», «Операция «Б!», «Кавказская пленница», «Три толстяка», «Семь стариков и одна девушка», «Покровские ворота» и многих других.

«Меня поставили в ворота, так как я занимал в них значительное место, к тому же был очень подвижным, ведь у меня не всегда был такой живот, с каким я снимался в кино. Кроме футбола, моей радостью была почетная грамота, которую я получил «за самоотверженный труд» на заводе, хотя и не подозревал, что тружусь так здорово, просто работал, как и все, по двенадцать часов в сутки. В общем-то, счастливое детство обошло меня стороной. Я стал бы Утесовым, если бы родился раньше него. Играя на сцене клуба, увлекался самодеятельностью и вообще хотел посвятить жизнь искусству. В кино ходил часто, но только на утренние сеансы, легче было купить билет за двадцать копеек. Для этого прогуливал школу. Я и стал артистом из-за того, что учился неважно. И еще, наверное, потому, что жил без отца. Не было человека, который мог бы хорошенько выпороть меня и поставить на правильный путь?» – вспоминал с иронией свое детство Евгений Моргунов.

Моргунова воспитывала одна мама, семья жила бедно. В годы войны четырнадцатилетний Евгений обтачивал болванки для артиллерийских снарядов на заводе «Фрезер». Будущий артист всегда был неожиданным и непредсказуемым в своих поступках и в 1943 году написал письмо Сталину, в котором сообщил, что хочет стать актером: «Уважаемый Иосиф Виссарионович, примите меня в искусство. Я рабочий Сокольнического вагоноремонтного завода СВАРЗ, болваночник, хочу быть в искусстве, участвовал в самодеятельности, работал в массовке на «Мосфильме». Но директор нашего завода препятствует этому стремлению. Я хочу быть как Станиславский, Немирович-Данченко». В ответ на свое письмо в стиле «Вани Жукова» Евгений получил чудо. Директору завода был адресован из Кремля ответ с указанием: «Направить товарища Моргунова Е. А. для поступления в театр имени Таирова в качестве актера вспомогательного состава. Сталин».

На герасимовском курсе Евгений Моргунов был самым молодым. Фронтовик Сергей Бондарчук был старше его на семь лет. В то время еще стройный, подтянутый, славянской внешности, с открытой обезоруживающей улыбкой, Моргунов всегда имел наготове анекдот или свежую шутку. И, конечно,

любимые розыгрыши, например, он шел под руки с Лялей Шагаловой и Музой Крепкогорской в кино или театр, а вперед выталкивал узбека Акмаля и заявлял билетеру:

«Это сын Хачатуряна. А остальные – со мной».

В годы молодости Моргунова было невозможно втолкнуться в городской транспорт без материальных потерь и грубого членовредительства. Час пик испытывал людей на прочность и тестировал на сообразительность. На остановках стояли переносные тумбы с надписью «Остановка», и на ней указывались номера маршрутов для точной навигации пассажиров. Моргунов брал тумбу и относил ее метров на сорок по ходу маршрута. Тут же у тумбы выстраивалась очередь введенных в заблуждение граждан. Водитель автобуса останавливался как обычно, на прежнем месте, где его и ожидал находчивый Моргунов в одиночестве. Через секунду он уже входил первым и занимал самое удобное место в салоне. А обведенные вокруг пальца наивные горожане совершали бодрую утреннюю пробежку с громкими криками возмущения и негодования в попытках вскочить на отходящий от остановки автобус.

После окончания ВГИКа, а точнее мастерской Сергея Герасимова, где его однокурсниками были В. Тихонов, С. Бондарчук, Н. Мордюкова и С. Гурзо, Моргунов с 1948 года работал в Театре-студии киноактера, где считался средним актером. В отсутствие ролей актерское дарование Моргунова проявлялось за кулисами театра в организации и исполнении всевозможных розыгрышей, которые потом, обрастая подробностями, смешили актерскую братию. Его имя обрастало легендами. Среди молодых актеров ходила байка о проделках молодого короля розыгрышей, не нашедшая документального подтверждения, но, однако, и опровержения.

Однажды Театр-студию посетили партийные лидеры того времени Молотов и Каганович, где их встретил высокий худощавый художественный руководитель театра. Он был остроумен, обходителен и настоятельно просил партийных вождей поднять зарплату талантливым и одаренным актерам театра. Гости прониклись финансовыми проблемами служителей Мельпомены и повысили ставки. «Художественным руководителем» представился не кто иной, как Моргунов.

Свои недюжинные актерские способности Евгений оттачивал и во время поездок на общественном транспорте. Чтобы бесплатно доехать до нужной остановки, он мог войти в автобус и строго сказать: «Граждане пассажиры, приготовьте билеты!». Пассажиры послушно протягивали билеты, Моргунов, не торопясь, строго нахмутив брови, проверял салон и выходил через несколько остановок для пересадки на другой автобус.

Талант «сам себе режиссер и актер» продолжал набирать обороты и расширять горизонты. В вагоне метро, собираясь выходить на своей остановке, Моргунов мог подойти к какому-нибудь мужчине, достать красную книжечку и требовательно сказать: «Пройдемте». Он вел «жертву» в сторону своего дома. Когда спутник актера уже был готов упасть в обморок от страшных, томительных предчувствий, Моргунов нарушал молчание: «Как жизнь? Как настроение?». Человек, теряясь и заикаясь, спрашивал: «За что вы меня задержали?». «Я вас задержал?! – искренне удивлялся Моргунов. – Просто вы мне показались симпатичным человеком. Я бы с вами в разведку пошел. Вот и захотелось поговорить, узнать, как дела... Пожалуйста, вы свободны. Можете идти!». И проводив безропотного гражданина немного по улице, Моргунов великодушно отпускал его восвояси.

Общественный транспорт часто выступал импровизированной сценой для блестящего экспромта, например на троллейбусной остановке артист мог оттянуть рога троллейбуса, попросить прохожего, принявшего Моргунова за водителя, поддержать их и с интересом наблюдать за дальнейшим драматическим развитием событий.

Евгений Александрович также славился умением с помощью красной книжечки, похожей на служебное удостоверение, и при помощи нехитрых, но убедительных актерских навыков бесплатно проходить в баню и ездить на такси. Таксисту предлагались обстоятельства слежки за автомобилем, и при

выходе из машины Моргунов торжественно произносил адресованные водителю слова: «Спасибо, сегодня вы выполнили свой долг перед Родиной!».

В ресторане Моргунов мог подойти к метрдотелю, стремительным движением показать красную книжечку под нос и тоном, не терпящим возражений, таинственно прошептать: «Поставьте мой столик так, чтобы я мог видеть тех двоих, а они меня – нет». Через минуту Евгений Александрович уже сидел за сервированным столиком с хорошей видимостью указанных объектов. Артист доставал из кармана небольшой блокнот и время от времени что-то туда сосредоточенно записывал. Испуганный официант на вопрос, что принести из меню, получал строгий ответ Моргунова: «Что посчитаете нужным, я сюда не есть пришел». Работники общепита гостя «при исполнении» ассортиментом блюд не обижали и просьбами оплатить счет не докучали.

Как-то дружеская компания подгулявших актеров вечером шла по Крещатику, отметив начало гастролей в Киеве. Расшумелись не на шутку, прохожие старались обойти их стороной. Закономерно, что через какое-то время перед московскими гостями возник милицейский патруль и актеры притихли. Нашелся мгновенно самый крупный из актеров, лысеющий блондин, и грозным голосом спросил: «В чем дело, какие претензии? Я внук пионера Павлика Морозова!».

Милиционеры от неожиданности и нестандартности ситуации растерянно ретировались. Компания продолжила прогулку.

Официально рождение знаменитой троицы, которая прославила каждого из них, в том числе Евгения Моргунова, произошло 27 декабря 1960 года в 17 часов 30 минут московского времени. В это самое мгновение худсовет студии «Мосфильм» утвердил состав исполнителей «Пес Барбос». Актеры подобрались не случайно, хотя и случайности имели место быть. Георгия Вицина режиссер и сценарист фильма Леонид Гайдай знал по предыдущей работе в кино, где его роль была близка по внутреннему содержанию к образу Труса. На роль Балбеса пробовались Борис Новиков и другие комедийные актеры, но Юрий Никулин всех затмил. Леониду Гайдаю понравились его грустные выразительные глаза и способность подлинного комика смешить с совершенно серьезным лицом. На роль Бывалого намечался Игорь Ильинский, но по уважительным причинам его участие не состоялось, прошел пробы еще актер И. Любезнов, но не потянул физическую нагрузку роли. М. Жаров всерьез не заинтересовался столь коротким фильмом.

Так в троице появился Евгений Моргунов.

Гайдай небольшую картину «Пес Барбос» делал месяц. Каждый день, кроме воскресенья, троица изнурительно бегала. По материалу было отснято две картины – 560 полезных метров. И это было необходимо, потому что снималась гениальная комедия. Расход пленки на комедию положен был один к трем и даже к четырем. Снимали, переснимали, искали лучшие эксцентричные эпизоды, Гайдай просматривал материал в зале, где присутствовали механики, и, если они смеялись, в то время как он сохранял абсолютную серьезность, вариант оставался. В фильме был эпизод, где троица спускается с огромной горы и через секунду оказывается уже далеко внизу, где врзается в огромное стадо. Их снимали на быке, на свинье. Никулин бегал от козла. Стадо их безжалостно топтало, мяло, сбивало с ног. Все это во время просмотра Гайдай вырезал. Причина: стадо сбивало ритм погони.

Основной работой всех троих актеров в фильме «Пес Барбос» был бег. Каждый дубль, каждую минуту, каждую секунду, в одном ритме. Не один и не два раза хорошо набравшая скорость тройка влетала в кадр и неслась дальше на всех парах в заданном направлении, вдруг была остановлена резким режиссерским: «Стоп! Все сначала!» – «Почему?» – восклицали изрядно вспотевшие исполнители. Оказывалось, что Брех (так звали Пса Барбоса в реальной жизни) нечаянно выронил заветную коробочку с надписью «Динамит». Дружная троица возвращалась на стартовую позицию, бежала снова, пробегала значительное расстояние... И снова микрофон давал не оставляющую надежды на скорый финал съемки команду «Назад!». Жизнерадостный и опьяненный коллективной прогулкой Брех вдруг припустил в сторону заманчивого

леса!..

Главный исполнитель фильма «Пса Барбоса» – собака по кличке Брех – чувствовал себя на съемках фильма не в своей тарелке: много тревожного и пугающего происходило вокруг, незнакомые запахи, люди вносили сумятицу и давали, с точки зрения пса, взаимоисключающие команды... Не находя выхода из собачьего стресса, Брех тихо подошел к самому толстому представителю человеческой команды Бывалому и больно тяпнул его за ногу.

Моргунов в сердцах хотел пнуть в ответ «хищное животное», но сдержался и пригрозил:

– Только бы съемки кончились! Я эту псину чертову по-тихому придушу!

Так сложились их особые отношения... До окончания съемок он стал, несмотря на вес, бегать от собаки быстрее всех, обгоняя Труса и Балбеса, даже когда требовалось наоборот. В какой-то момент вперед должен был вырваться Трус. Он обогнал Балбеса, честно постарался обогнать упитанного Бывалого, но не смог. Снова пришлось остановить камеру. Вицин, который был тренирован гимнастикой и вооружен толерантной философией йогов, тут не выдержал:

– Ну ты чего, не можешь помедленнее? Почему?! – отдуваясь, с возмущением спросил он.

– Живот меня несет! – мрачно подвел черту Моргунов.

Дубли с участием Бреха часто срывались из-за неконтролируемых рефлексов животного. У Моргунова на одном из холостых эпизодов сдали нервы, и он рявкнул на собаку, а заодно и на его хозяина. Пес с этого момента стал на Моргунова рычать. Их отношения вконец расстроились.

Герою Моргунова на съемках пришлось, наверное, тяжелее всех остальных исполнителей в силу его выразительной комплекции. Мало того, что постоянный бег, четко направленная агрессия пса, да еще специально для него придуманные трюки. Один из которых заключался в длительном зависании на суку примерно на уровне пяти метров над землей. И все бы кончилось благополучно, да солнце не вовремя зашло за облака, и съемка была прекращена. Пришлось Моргунову ждать в исходной позиции. Натура висит. Солнце не торопится. Минуты тянулись как часы. Вдруг, о чудо – выглянули долгожданные лучи, камера заработала...

И тут форс-мажор, сук не выдержал веса героя и с треском обломился. Моргунов тяжело рухнул на землю. Драматический и одновременно комический эпизод так и не был снят – технические неполадки!

На съемках «Пса Барбоса» готовился эпизод взрыва дерева. Гример работал с Никулиным, старательно мазал его сажей. Моргунов ждал своей очереди. А Вицин был уже загримирован и облачен в обгорелые лохмотья, прохаживался в сторонке. И пел. Он любил расслабиться подобным образом: побродить по травке, размышляя о чем-то своем и иногда напевая. На этот раз он пел романс «Пльиви, мой челн, по воле волн», один из коронных номеров репертуара знаменитого тенора Ивана Козловского. Мимо шли несколько одутловатых мужичков, местных жителей. Из съемочной группы они увидели только Моргунова, еще в приличном виде, т. е. без грима, и Вицина, который мечтательно бродил, распевая классический репертуар, чумазый и оборванный.

– Погорелец, что ли? Откуда это он? – сочувственно спросили жители у Моргунова.

– Сами разве не видите? Это же Козловский, Иван Семенович. Спьяну вчера спалил дачу соседа. А сегодня свою. Ну и сдвинулся... Ждем вот, за ним уже скорая из психушки выехала. Мужики поверили, дача действительно располагалась неподалеку, и искренне стали сопереживать:

– Жалко человека! И дачу жалко.

А Моргунов продолжал беседу:

– Ничего, он богатый же! Новую построит. Если, конечно, в себя придет... И в подтверждение своих слов крикнул Вицину:

– Ты пой, пой еще! Погуляй! Время есть еще!

Георгий Михайлович, ничего не подозревая, продолжил пение с прежним вдохновением, кивая согласно головой. Мужики горестно вздохнули, и группа медленно удалилась, поглядывая в сторону «Ивана Козловского», с жалостью и состраданием родственных душ.

На съемки нового фильма «Самогонщики» снова пригласили Игоря Брейтцера с хорошо знакомым Брехом. Пес, увидев Моргунова, грозно залаял.

– Вот гад какой, – отметил с горечью Моргунов, – все помнит!

С собакой возникли серьезные трудности. Змеевик самогонного аппарата был слишком тяжел для Бреха, он с трудом его приподнимал и ни за что не хотел идти в кадр сниматься. Дрессировщик чуть не плакал, но никакими средствами не смог привлечь собаку к съемке. Пришлось срочно искать замену. Нашли овчарку физически сильную и с хорошей дрессировкой. Собаку звали Рекс.

Первое, что сделал Рекс, когда появился на съемочной площадке, – зло кинулся на Моргунова. Что произошло с собакой, никто объяснить не мог. Моргунов обиделся и сделал неожиданный вывод:

– Рекса против меня настроил Брех.

На площадке установилась привычная атмосфера: как только Рекс видел Моргунова, он мгновенно ощеривался, а Евгений Александрович не терялся и отвечал ему своим неповторимым рычанием. Так они и снимались.

За неделю до окончания съемок фильма произошло ЧП: Рекс пропал без следа. Никто не видел и не слышал. Повсюду расклеили объявления, обещали солидное вознаграждение. Все безуспешно. Уходили государственные деньги на содержание съемочной группы, а снимать было некого: во всех эпизодах была задействована пропавшая собака. Местная милиция проявляла чудеса сыскальной деятельности: на мотоциклах регулярно привозили бродячих собак всех мастей и размеров. Вездесущие местные мальчишки волокли упирившихся одичавших псов. Группа пребывала в простое и унынии. Гайдай принял тактическое решение снять крупные планы троицы. Только приготовились к съемке, как кто-то крикнул:

– Смотрите...

И все вдруг увидели ослабевшего Рекса. Истощенный, облезлый, он из последних сил торопился на площадку. От радости хозяин Рекса заплакал. Все участники съемок начали скармливать свои съестные припасы несчастной собаке. Он жадно заглатывал не жуя. Один Моргунов не отдал блудному псу ни куска своей курицы.

– Ему и так хватит, – сурово отрезал он.

Студентка Московского авиационно-технического института Наталья перед Новым годом не сдала один зачет и ее не допустили к сессии. Настроение было не праздничное. Проблему нужно было решать безотлагательно. Девушка начала набирать телефонный номер кафедры института: К-7-16-71. Занято. К-7-16-71. Опять занято. И так в течение двух часов. Наконец на другом конце провода отозвался представительный мужской голос.

– Кафедра? – уточнила девушка.

– Кафедра, – утвердительно ответил голос.

– Я могу сдать зачет?

– Можете, конечно – сердечно согласился голос.

– А когда мне подъехать?

– Оставьте номер вашего телефона, я найду окно в расписании и перезвоню.

Через несколько дней раздался звонок и Наташе был назначен определенный день для пересдачи. Однако подготовленной студентке не суждено было сдать зачет, потому что на кафедре ее никто не ждал. Все сотрудники в один голос отказались от разговора с Натальей по телефону и пояснили, что никогда не перезванивают студентам. До девушки медленно начало доходить, что, видимо, часто набирая номер, она попала не туда.

Вечером того же дня в квартире пострадавшей прозвенел телефон, и тот же представительный голос принес извинения за жестокий розыгрыш и представился Евгением Моргуновым, известным артистом кино. Наташа, к огорчению насмешника, совершенно не знала артиста Моргунова. И даже после всех названных фильмов, в которых он снимался, она не смогла его вспомнить! Самолюбие Евгения Александровича было чувствительно задето, и телефонное знакомство имело продолжение. Через год Наташа вышла замуж за шутника и стала Натальей Моргуновой.

Забавный случай во время съемок «Кавказской пленницы» вспоминает Наталья Варлей: «Когда снимали мою сцену с Александром Демьяненко и спальным мешком, мне надо было расхохотаться, увидев, как он упаковался в спальник:

– А спать вы стоя будете?

Вроде бы ничего тут трудного не было – смейся себе... И я смеялась от души, когда мне рассказывали анекдоты, готовя камеру. А вот в кадре – хоть убей, веселого заразительного смеха не получалось. Чем больше делали дублей – тем хуже. И тут Гайдай придумал... Он потихоньку отозвал в сторону Моргунова. Никто и внимания не обратил. Потом они вернулись и встали оба рядом с оператором. Меня «подогрели» новой порцией анекдотов (увы, с прежним успехом). Потом раздалась команда «Мотор!», и одновременно с ней Гайдай и Моргунов, задрав майки... почесали свои животы! Это было так уморительно, что дублей больше не потребовалось. С меня, как с царевны Несмеяны, мигом спало заклятье!».

На «Мосфильме» в одном из демонстрационных залов режиссерская группа просматривала отснятый материал «Кавказской пленницы». С большим опозданием появился Моргунов с молодыми поклонницами. Заняли места, немного посмотрели, и Евгений Александрович, комментируя увиденное, громко, небрежным тоном заявил:

– Ну, Гайдай... Ты что-то совсем мышей не ловишь...

Данный выпад, по мнению присутствующих, был организован Моргуновым в желании произвести впечатление на своих спутниц. Гайдай задело вызывающее поведение Евгения Александровича, он приказал включить свет и строго поинтересовался:

– Почему в зале посторонние?

Получив такой отпор, Моргунов попытался превратить все в банальную ссору. Последствия этой неудачной шутки печальны: Леонид Гайдай вычеркнул из сценария все сцены с участием Бывалого, что автоматически сократило присутствие в фильме всей незабываемой тройки.

После выхода серии фильмов Леонида Гайдая Моргунов стал не просто узнаваемым человеком, а превратился почти в национального героя. Увидев его, контролеры на стадионе улыбались, забывая про свои обязанности, а Моргунов мог взять с собой с десятков знакомых, небрежно кивнув: «Это со мной». Однажды он прошел не просто на трибуну, а в ложу, где сидели высокопоставленные чиновники, и рядом с ним в ложе оказался генерал-лейтенант милиции. Моргунов во время матча попросил у него закурить, и генерал вытащил пачку «Казбека», чтобы угостить любимого актера. Моргунов в ответ взял папиросу, а когда генерал сделал движение, чтобы убрать пачку с сигаретами в карман, очень серьезно заметил: «Не надо прятать». И генерал держал папиросы в руках весь матч.

Розыгрыши и шутки Моргунова работали на очень тонкой грани между шуткой и злой шуткой, и он не всегда, к сожалению, чувствовал разницу – брала верх буффонада и эксцентрика.

Как-то Евгений Александрович надел депутатский значок и перед началом представления в цирке на Цветном бульваре пожимал руки направлявшимся в зал зрителям со словами:

– У вас есть какие-нибудь проблемы? Может быть, с жильем? Пишите сюда, в цирк, к Никулину. Разберемся, поможем обязательно.

Юрий Владимирович спустя некоторое время ошарашенно разбирал увесистые пачки писем людей, нуждающихся в жилье, жалующихся на соседей, на произвол начальства, с настоятельными просьбами персонально к нему урегулировать надлежащим образом все их проблемы.

После непродолжительных поисков был найден источник возмутительной провокации.

– Ближе сюда его не пускать! У нас своих клоунов хватает! – распорядился Юрий Никулин.

Мало кто знает, что Моргунов в 1964 году пробовал себя в режиссуре. По рассказу М. Шолохова «О Колчаке, крапиве и прочем» с его же одобрения Евгением Александровичем был написан сценарий комедии «Когда казаки плачут».

Фильм был о том, как бойкие казачки проучили своих неидеальных, грубых и неотесанных мужей. Артистам работалось легко и весело. По словам самого режиссера: «Но больше я за режиссуру не брался, потому что понял, какой это жуткий замкнутый круг. Какая ужасная финансовая надгробная плита висит

над каждой постановкой, как тяготит неизвестность – получится фильм или нет. Это не для меня...».

Евгений Александрович был человеком крайностей, в нем сочетались взаимоисключающие крайности: маска развязного и грубого Бывалого и восприимчивая, тонкая душа исполнителя второго концерта Рахманинова. По словам Натальи Крачковской, «иногда его хотелось убить», и данная фраза не была простым преувеличением, а иногда Моргунов мог открыть любую бюрократическую дверь, зайти в кабинет, как к своим давним знакомым, и за минуты решить давние проблемы своих друзей и просто знакомых. Устроить в хорошую больницу, организовать дежурство возле койки больного, броситься в суд защищать права ущемленного несправедливостью человека. И всегда был благодарен тому, кто когда-то выручил его самого. Людей, знавших Моргунова близко, не удивляла сцена, когда Моргунов внезапно останавливался посреди широкой улицы и, перекрикивая оживленное движение, кричал кому-то на другой стороне: «Я тебя люблю!».

Недаром известный и остроумный пародист Александр Иванов написал на Евгения Моргунова такую эпиграмму:

Хоть ярлык приклеился «Бывалый»
И весь имидж за собой ведет,
Видно по всему: он добрый малый,
А такой в беде не подведет!

В Севастополе за приехавшими на гастроли актерами присматривал инструктор горкома КПСС. Евгений Моргунов в доверительной беседе предложил ему: «Вы знаете, товарищ, наши артисты – Вицин, Санаев, Ладынина, Мартинсон – просто мечтают поехать на экскурсию на кладбище, чтобы поклониться могилам российских моряков. Только встаем мы все очень рано, поэтому давайте что-нибудь организуем часов эдак в семь утра». На следующий день в семь утра у гостиницы стоял автобус, а гид ходил по номерам, стучался к сонным артистам и зазывал на экскурсию. Но автобус так и остался пустым.

Большинство друзей прощали Моргунову его розыгрыши и порой беспощадные шутки, но некоторые обижались, и надолго. Наталья Крачковская однажды после очередной едкой шутки в свой адрес хлестко ударила Моргунова по щеке. На следующий день он пришел на съемочную площадку и извинился перед ней. Наталья Леонидовна – человек отходчивый и незлопамятный – ответила:

– Женя, ты тоже меня извини. Я не имела права...

И тут Моргунов перебил ее ответные извинения словами:

– Нет, что ты! Я бы еще и не так влепил на твоём месте.

Так они и помирились.

Зиновий Высоковский, Евгений Моргунов и группа актеров приехали на гастроли за рубеж. Для поселения в гостиницу им дали заполнить анкету, где имелся целый ряд граф обязательного заполнения. Высоковский, сидя рядом, из любопытства заглянул, что так бойко пишет коллега, и увидел, как в графе «Цель приезда» Моргунов, ни минуты не размышляя, размашисто вывел: шпионаж.

Евгений Моргунов неизменно отклонял все заманчивые предложения известных театральных режиссеров. Жесткая театральная дисциплина, график репетиций, актерская зависимость не прельщали актера, ограничивали его яркий талант театра в себе самом. Его стихия была в ином: импровизация, искренность, непосредственность, резкие переходы настроения. Даже для близких людей лицедейская натура Моргунова оставалась загадкой и серьезным испытанием на прочность.

Однажды Евгений Александрович пошел гулять со старшим сыном, была зима. Коляска низкая, ребенок был одет в зимний комбинезон и уже проявлял самостоятельную активность. Поскольку Моргунов никогда раньше не гулял один с ребенком, то коляску он толкал не перед собой, а волок позади. Шел торжественно, искоса поглядывая, как на него реагируют прохожие, узнают ли, провожают ли восхищенными взглядами знаменитого артиста?.. Казалось, прохожие пристально и немного изумленно

смотрели на гордого собой отца, а одна женщина громко и даже как-то осуждающе окликнула Моргунова: «Эй, мужчина, это не вы ребенка потеряли?!». Оказалось, уже метров тридцать как любознательный малыш вывалился из коляски и, сидя посреди тротуара, с любопытством оглядывал окрестности.

Наталья Моргунова отмечала и необычность поведения Евгения Александровича как деда. Важным он считал накормить, одеть и задать направления духовной жизни: искусство, литература, музыка. Задушевные беседы и нравоучения не признавал и любил повторять: «Все должны делать сами!». Сыновья рано женились, и он не препятствовал их решению, а когда появились внуки, он и с ними разговаривал очень серьезно. «Ну что, в поликлинике были?», «Что сказал доктор?», «А почему тебе мама новую рубашку не купит?» – и требовал взрослых ответов.

Внуки его побаивались.

Зарабатывал себе и семье на жизнь Моргунов тем, что ездил по стране с концертами. Поездки были настоящим испытанием, так как он с юности был болен прогрессирующим диабетом, имеющим множество болезненных проявлений, из которых полнота была самая безобидная. «В войну пайки были мизерные, мальчик часто жил впроголодь, – рассказывала Наталья Моргунова, вдова актера. – Мама как-то раздобыла пачку масла. Женя съел ее всю сразу, без хлеба. А вскоре его скрутило, едва удалось спасти. Вот и нарушился обмен веществ». Моргунов часто выходил во время своих выступлений на сцену в ботинках, разрезанных по бокам, чтобы не так сильно болели отекающие ноги. Жена вынуждена была даже рассекать резинки на носках, которые тоже вызывали нестерпимую боль. Актер никогда и никому не жаловался, и, даже хромя на сцене от боли, Евгений Моргунов шутил, что упал с лошади. Публика весело смеялась. Привычно маскировал свои проблемы со здоровьем эксцентричным поведением. Однажды вышел на сцену в валенках, и никто не догадался, что за этим псевдонеуважением к зрителю прятались отекающие донельзя ноги.

«Последние 15 лет жил, что называется, под ножом, ему по четыре раза в год врачи говорили: «Ампутуруем ноги!» – рассказывала Наталья Николаевна Моргунова. – Он стал очень вспыльчивым и даже просто невыносимым: грубым, озлобленным. Я прощала и терпела, понимая, что всему причиной болезнь». При сахарном диабете нельзя ничего: ни сладкого, ни пить, ни курить. Моргунов мало считался с ограничениями. Может быть, наоборот, чувствуя финал, хотел насладиться жизнью. После гибели младшего сына последовали два инфаркта, инсульт. Его положили в больницу на обследование, после которого врачи сообщили, что надежды на выздоровление практически нет. На что Евгений Александрович заявил: «Вы не вынесете меня отсюда, потому что я – не-вы-но-си-мый!». Заслуженный артист России Евгений Александрович Моргунов скончался после инсульта на 73-м году жизни в Москве в Центральной клинической больнице 25 июня 1999 года, по иронии судьбы в этот же день годом ранее ушел из жизни и его сын. Похоронен в Москве на Кунцевском кладбище вместе с сыном.

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО

Я человек скромный, несмотря на свою порядочность.

С молодых лет я всегда старался смешить людей. Не люблю кислых физиономий.

Я прожил, слава богу, прекрасную жизнь. Чем она была прекрасна? Тем, что в самом начале она была подкреплена изумительными учителями, которые дали мне основу умения наслаждаться жизнью. Наслаждаться музыкой, живописью, спектаклями, фигурным катанием. Я видел все постановки Таирова и Коонен, в театре которых начинал свою студенческую жизнь в 1943 году. Меня поражала эта сцена, эти люди, этот храм искусства.

Я видел на сцене Турчанинову, Гоголеву, прекрасную Яблочкину, знаменитого Царева, Мордвинова, который поражал меня своей эмоциональностью, обаянием, умением красиво носить костюм. Сейчас я

обращаю внимание на актеров, выходящих на сцену: у одного воротничок не выглажен, у другого рубашка без пуговицы. Все это маленькие детали, но они огорчают. Я помню иное отношение к публике. И мой зритель – это тот зритель, которого, к сожалению больше не будет...

Я никогда не был комедийным актером и относился к тому амплу не то что с нелюбовью... Скорее, самокритично. Ведь каждый актер старается быть немножечко выше, чем есть на самом деле, ему кажется, что он самый главный. Это порок многих актеров. Они забывают, что есть и другие люди, которым не дана звездная судьба, и они находятся в тени. А зрителям все равно, что о себе мнят звезды, зрители хотят видеть настоящее.

Я никогда ничего не коллекционировал. Цель не оправдывает средств, как я считаю. Самое главное, что надо делать в жизни, – это наблюдать. То есть не надо быть следователем, а просто наблюдать, познавать и отбирать все самое необходимое. А потом беречь. «Застегивать», как каждый день вы застегиваете пуговицы, на будущее, для красоты.

Я стал бы Утесовым, если бы родился раньше него.

Анекдоты и шутки из жизни Юрия Никулина

Юрий Владимирович Никулин (18 декабря 1921, Демидов – 21 августа 1997, Москва) – выдающийся советский и российский актер, артист цирка (клоун), телеведущий. Народный артист СССР (1978). Герой Социалистического Труда (1990).

«Из ситца с желтыми и красными цветами мама сшила мне клоунский костюм. Из гофрированной бумаги сделала воротник-жабо, из картона – маленькую шапочку с кисточкой, на тапочки пришила помпоны. В таком виде я пошел в гости к одной девочке из нашего двора, у которой устраивали костюмированный вечер. Кто-то из ребят оделся врачом, кто-то изображал подснежник, одна из девочек пришла в пачке и танцевала. А я – клоун и понял, что должен всех смешить. Вспомнив, что, когда клоуны в цирке падали, это вызывало смех у зрителей, я, как только вошел в комнату, тут же грохнулся на пол. Но никто не засмеялся. Я встал и снова упал. Довольно больно ударился, но, преодолев боль, снова поднялся и опять грохнулся на пол. Пал и все ждал смеха. Но никто не смеялся. Только одна женщина спросила

маму:

– Он у вас припадочный?» – рассказывал о своем первом клоунском опыте Юрий Никулин.

«Рождество. Запретное с детства слово. В то время было два страшных праздника для советской власти: Пасха и Рождество. С ними шла борьба. В школе всем мозги забивали: «Пасха – день драки и обжорства!» или «Как говорил нам вождь Ильич: «Не ешьте пасху и кулич!». На Рождество в школе висел лозунг:

Не руби леса без толку
Будет день угрюм и сер.
Если ты пошел на елку,
Значит, ты не пионер!

Елки были в домах, где жили верующие. И у наших соседей была елка. Я ходил к соседям, там было очень весело, я потом боялся, что все узнают. Это было нарушение», – с улыбкой вспоминал детство Юрий Владимирович.

«Кино – моя любовь с детства. Первый раз меня привели в 2,5 года. В городе Демидове моя бабушка работала кассиршей в кинотеатре. Мои тетки (лет по 11–15) пропадали там каждый сеанс. А им надо было за ними следить. Мама с папой часто уезжали на гастроли. Вот на одну хорошую картину они и решили меня взять с собой. Я такой крик поднял. Испугался темноты. Потом ничего, приучили.

Когда мне было 5 лет, уже в Москве отец меня повел в Политехнический музей. Там днем для детей кино показывали. Фильм зарубежный, под рояль, естественно, назывался «Охота на зверей»: как охотятся на слонов, на хищников – познавательный. А я любил в носу ковырять. На меня кричали, били по рукам. Мама возмущалась всегда: «Безобразие!». И вдруг я увидел на экране: стоят негры, и один ковыряет в носу. Как я заорал на весь зал: «Мама! Ковыряет в носу!» – восторженно, что не я один такой», – откровенно делился впечатлениями Юрий Никулин о своей первой встрече с волшебным миром кино.

Отец Никулина, Владимир Андреевич, известный цирковой и эстрадный драматург, поддерживал и развивал актерские способности сына, занимался с ним этюдами, художественным чтением и хотел, чтобы Юрий стал актером. В школьные годы мальчик посещал два кружка: драматический и хоровой.

О первых актерских открытиях Никулин рассказывал в своей книге «Почти серьезно»: «Первая роль – Горошек. С большим куском картона, на котором нарисовали зеленый горошек, я участвовал в сценке «Огород». Нас, десятерых мальчиков, поставили в ряд на сцене, и каждый по очереди, сделав шаг вперед, должен был произнести несколько стихотворных строчек об овоще, который он изображал. Мне велели выучить такие строчки:

Вот горошек сладкий
Зерна, как в кровати,
Спят в стручках усатых.

Последним в строю – возможно, из-за маленького роста – поставили меня. Все ребята быстро прочли стихи. Настала моя очередь. Я делаю шаг вперед и от волнения вместо стихов произношу:

– А вот и репка!

После этого я промолчал и встал на свое место.

Зал засмеялся, ибо получилось неожиданно: все читали стихи, а один просто назвал овощ, при этом перепутав горох с репкой. Посрамленный, я ушел со сцены. За кулисами учительница, посмотрев на меня строго, сказала:

– А ты, Никулин, у нас, оказывается, комик!

После концерта я сделал два вывода: первый – быть артистом страшно и трудно, второй – в школе комиков не любят».

Анекдоты стали страстным увлечением и частью профессии прославленного артиста. Слова самого Юрия Владимировича лучше всего передадут атмосферу первой, незабываемой встречи: «На всю жизнь сохранился у меня в памяти первый услышанный анекдот. Мне рассказал его Коля Душкин: «К одному офицеру приходит полковник и стучится в дверь. Открывает денщик, а полковник говорит: «Передай своему барину, что пришел полковник». Денщик вбегает бледный к офицеру и говорит: «Ой, барин, к вам пришел покойник». И барин от страха полез под кровать». Я долго смеялся. Подходил ко всем во дворе, рассказывал анекдот и обижался, если кто-то не смеялся».

Юрий Владимирович не снимал солдатской шинели в течение семи лет. Он был призван на действительную службу в армию в 1939 году, а демобилизовался после окончания Великой Отечественной войны. Это была уникальная школа жизни, где он столкнулся со всеми жестокостями войны, с огромным человеческим горем, но тем не менее комический талант Никулина и здесь проявлял себя во весь рост:

«Однажды со старослужащим Гусаровым мы поспорили на десять пачек папирос «Звездочка», кто больше из нас знает анекдотов. После отбоя легли на нары и начали рассказывать. Он начинает, я заканчиваю. Мол, знаю анекдот, слышал его. Он новый начинает – я опять говорю конец анекдота. Тогда Гусаров предложил:

– Давай ты начинай.

Выдаю первый анекдот. Он молчит. Не знает его. Рассказываю второй, третий, пятый... Все хохочут. А он не знает их. Выдаю анекдоты один за другим. Полчаса подряд. Час. Два. Смотрю, уже никто не смеется. Устали смеяться. Многие засыпают. В половине четвертого утра Гусаров сказал:

– Ладно, кончай травить, я проиграл.

– Подожди, – говорю, – есть еще анекдоты про пьяных, детские, иностранные.

– Нет, – отвечает Гусаров. – Не могу больше, спать хочу.

Так я выиграл спор. Но никто не знал, что в армию я взял с собой записную книжку, в которой было записано полторы тысячи анекдотов. Перед поединком, естественно, я их просмотрел».

Служил Никулин в войсках зенитной артиллерии под Ленинградом. Вспоминал он о тех давних временах так: «Ко мне поначалу некоторые относились с иронией. Больше всего доставалось во время строевой подготовки. Когда я маршировал отдельно, все со смеху покатывались. На моей нескладной фигуре шинель висела нелепо, сапоги смешно болтались на тонких ногах. Когда первый раз пошли всей батареей в баню, я разделся и все начали хохотать. Я всегда знал, что некрасивый. Глиста в обмороке. Худой, длинный и сутулый. Но я нисколько не обижался. Про себя я злился, но в то же время смеялся вместе со всеми. Что меня и спасало от дальнейших насмешек...».

Участие в армейской самодеятельности, организация концертов, самостоятельное сочинение веселых сенок, клоунад, текстов для конференсье, постановка реприз – все это придавало уверенности в желании стать артистом. Отец Никулина продолжал действительно поддерживать самореализацию сына: посылал актуальный репертуар для постановок в армейской среде. Так Юрий Владимирович пробовал свои силы и в режиссуре, и в драматургии, и в актерском ремесле. Вернувшись из армии, Никулин был полон решимости поступить в театральный институт. К экзаменам по мастерству актера он готовится под руководством отца. Подготовив специальную программу для конкурсных испытаний, Юрий пришел во Всесоюзный государственный институт кинематографии. Первый тур вступительных экзаменов – а их было три – Никулин выдержал успешно. А на втором его подозвали к столу, за которым восседала авторитетная комиссия, и сказали следующую фразу:

– Вы совершенно не подходите для кино!

Упорный Никулин попробовал свои силы в Щепкинское училище при Малом театре, в Государственный институт театрального искусства им. А. Луначарского, во вспомогательную группу Театра Моссовета, и везде вердикт признанных метров звучал примерно одинаково.

10 августа 1946 года отец и сын Никулины прочитали в газете «Вечерняя Москва» объявление. В нем

сообщалось о наборе в студию клоунады при Московском ордена Ленина государственном цирке. Вступительные экзамены Юрий выдержал с большим трудом. Волновался, был скован, производил впечатление человека малоспособного, непластичного, лишённого чувства юмора. Долговязая, нескладная фигура молодого человека и прочитанные стихи с мрачным выражением лица тем не менее вызвали интерес у комиссии, видимо, проглядывалась алогичность клоунского мышления экзаменуемого. Юрия Никулина приняли в студию при Московском цирке.

Михаил Николаевич Румянцев (Карандаш), выдающийся цирковой комик, эталон смеха, юмора, веселья долго присматривался к студийцу Юре Никулину. И однажды, встретив его в фойе цирка, пригласил к себе в гардеробную на правах ученика.

– Когда Юра учился в студии, то все кричали: «Талант! Талант!» – а потом бросили его и как-то забыли о нем. Вот я и решил ему помочь. – Признался позже Карандаш.

Одновременно в поле профессионального внимания Румянцева попал и Михаил Шуйдин. С легкой руки Карандаша коверные комики, выступающие в паузах между цирковыми номерами, завоевали огромную популярность и заняли ведущее место в программах. Из вспомогательного, подыгрывающего персонажа коверные превратились в главное действующее лицо спектакля. Он занял Никулина и Шуйдина почти во всех репризах и клоунадах. Румянцев так поступил еще и потому, что остальные стажеры покинули своего наставника. Требовательность и крайняя взыскательность педагога часто принимала форму назойливой вьедливости, чрезмерной мелочности, к тому же он часто повышал голос, если ему казалось, что его замечания не принимаются всерьез. Репутацию он имел как человек придирчивый, капризный и взбалмошный.

Однако оставшиеся ассистенты вполне устраивали Карандаша, и он чувствовал, что из этих двух учеников выйдет толк. Даже облик клоунов заключал в себе комичный контраст: высокий сухопарый Юрий выглядел еще смешнее рядом с полноватым, среднего роста Мишей.

«На манеже я появлялся в своем кургузом костюмчике, в канотье, и публика встречала меня не только молча, а, пожалуй, даже с некоторым недоверием.

– Никулин, попробуйте, что ли, петь на выходе... – посоветовал как-то Карандаш.

Я выбрал популярную в то время песню «Закаляйся, если хочешь быть здоров» из фильма «Первая перчатка». Пел ее истошным голосом, пел дико, так, что публика, сидящая близко, вздрагивала, а дети в зале пугались. Песня не помогала. Но на одном из представлений решил петь куплет не сначала, а со строчки «Водой холодной обливайся...», и в слове «холодной» голос у меня вдруг сорвался. Слишком высоко взял. В зале засмеялись. Ага, думаю, уже на правильном пути. Так постепенно, по крупницам, выуживал смех у публики», – вспоминал Юрий Никулин.

«Партнер в цирке, говорят, – вторая жена. Я знал многих клоунов, которые меняли своих партнеров, характерами не сходились. Сложно. Это как брак. У меня всю жизнь был отличный партнер – Михаил Шуйдин. А познакомился я с ним случайно. Я уже работал у Карандаша, когда тот решил организовать свою студию. Дал объявление в газете: «Карандаш набирает студию». Я зашел в цирковое училище к приятелю. Подходит к нам паренек, лицо у него немножко рябоватое (потом я узнал, что он горел в танке. Был командиром танковой роты. Старший лейтенант). «Слушай, – говорит, – ты с Карандашом выступал, знаешь его. Стоит к нему идти?». Я ему рассказал анекдот: приходит один еврей к рэбе: «Рэбе, скажи, жениться мне или не жениться?». А тот отвечает: «Делай, как знаешь, все равно потом пожалеешь». Паренек усмехнулся и пошел поступать. Кроме него, приняли еще двоих. Прошел год. Карандаш двух других выгнал, остался один Шуйдин. И Карандаш нас свел. Мы его между собой звали «папа». Работали с Мишей вдвоем с 1949 по 1989 год», – с теплом и уважением вспоминал своего преданного партнера Юрий Владимирович.

Партнерские отношения с серьезным, замкнутым Михаилом у Юрия Владимировича сложились не сразу. Однажды на гастролях в Саратове Шуйдин из деревяшки выточил копию собственного носа. Точную копию. И начался творческий процесс поиска использования и разработки более интересной модели носа. Последовали еще копии. Но уже из другого материала: смоченную марлю в муке Шуйдин превращал в

выразительные модели человеческого органа обоняния. Все заготовки клоун-скульптор аккуратно сложил для просушки на батарею в клоунской гардеробной. Однако носы к вечеру таинственно и бесследно исчезли. Главной подозреваемой проходила уборщица, но она уверенно доказала собственное алиби. Михаил заподозрил Никулина и других клоунов в краже. Все поклялись, что реквизит не трогали! Оптимист Шуйдин потратил еще несколько часов на лепку следующей серии носов. И они вновь исчезли. Тень произведения Гоголя «Нос» преследовала творческий замысел Михаила. В досаде и жажде мщения Шуйдин, изготовив еще одну партию марлевых носов, процедил сквозь зубы коллегам:

– Увижу, кто притронется к носам, убью!

В праздничной атмосфере цирка запахло кровью. Шуйдин следил за носами на батарее, как за юной возлюбленной. Забрав на репетиции в гардеробную, он вдруг застал собаку Кляксу (любимая собака Карандаша) за аппетитным доеданием последнего авторского оригинала. Видимо, Шуйдину удалось на славу не только форма, но и содержание. Собака в виду культурной отсталости и душевной глухоты к произведениям искусства осталась жива. Шуйдин ее пощадил.

На покорение высокого мастерства уходило много времени и сил, Юрий Владимирович с иронией относился к своей тогдашней личной жизни:

«А мною тогда никто из девушек не интересовался. И я вообразил, что эта девушка действительно увлечена моей персоной. Мы пошли с ней как-то даже в кино. Сидим вместе, и я все жду, когда она заговорит со мной. А она молчит и, видимо, все ждет, когда же я начну говорить. Мы так и не поняли друг друга. Ее отец, старый артист цирка, меня два раза ужинать приглашал и серьезно говорил:

– Вот женишься, я тебе клоунату расскажу «Братовы штаны». Никто ее не знает. Очень смешная, В голове тогда промелькнуло: «А может быть, жениться? Клоунату узнаю». Подумал я, подумал, но так предложения и не сделал.

Спустя некоторое время узнал, что девушка вышла замуж и хорошо живет. Так и закончил я одесские и сибирские гастроли холостым.

И никто мне не рассказал клоунаты «Братовы штаны».

Карандаш, как наставник Никулина и Шуйдина, возглавлял и направлял сложные и порой мучительные поиски клоунских реприз. Карандаш имел характер требовательный и непредсказуемый в общении. Безошибочно подстроиться под его настроение из дуэта мог только Никулин. Карандаш часто брал с собой Юрия в походы по поиску хозинвентаря для выступлений. Во время такой прогулки Карандаш набрел на чугунок, пощелкал по ним пальцем, пришел в веселое расположение духа и выразил идею использовать горшки как музыкальные инструменты.

– Как вы думаете? Представляете, ложками начнем бить по горшкам – вот смеху то будет! – обратился он к Юрию.

И внимательно посмотрел на Никулина. Никулин молчал, сохраняя интригу, зная приблизительный сценарий общения с Учителем: ученик должен проявлять смирение, почтительность и глубокомысленную молчаливость. А вид, по словам Петра I, желательно «...иметь лихой и придурковатый». Секунды три длилась пауза.

– Ну вот, видите, вы согласны. Значит, покупаем.

Была куплена дюжина чугунков, впоследствии терпеливо обработанная вручную напильниками слой за слоем: добивались различной чистоты звука от каждого горшка. Семь нот – семь горшков. Молодые ученики Карандаша в трудовом энтузиазме сточили чугунок до дыр, извлекая нужную ноту, но, увы... горшки пришлось выбросить из-за отсутствия тонкой музыкальности.

Карандаш славился своим ревностным отношением к собственному авторитету, часто проявляя гнев и авторитарность в творческом наставничестве – ученики постигали клоунское дело в условиях большой строгости.

Однажды во время школьных каникул, когда цирк давал по четыре представления каждый день, Шуйдин в антракте прилег на диван и от утомления неожиданно заснул. Его никто не разбудил, и во втором отделении, в репризе, в конце которой он должен был появиться, никто не вышел, Карандаш в ярости, не закончив сюжет представления, убежал с манежа. Публика осталась в недоумении, За кулисами

Карандаш продолжал неистовствовать: на всех кричал, в гневе разбил реквизитную тарелку об пол! И именно в этот драматический момент Михаил проснулся и сломя голову кинулся к манежу, на глаза Зевсу-громовержцу.

– Где вы были? – загремел Карандаш.

– Я заснул, – обезоруживающе заявил Шуйдин.

– Ну что же вы, крошка, – неожиданно миролюбиво и кротко сказал Михаил Николаевич. – Не надо так больше.

Во все времена и повсеместно Юрий Никулин был предан своей страсти – собирательству анекдотов: «Из Одессы, кроме продуктов, я привез отцу и тридцать шесть новых анекдотов, которые услышал в гостинице. Это произошло так. В один из вечеров после работы я зашел в номер к одному из артистов эстрады. Там в компании начали рассказывать анекдоты. Я тихонько сижу. Вдруг слышу – один анекдот новый, второй, третий... Я старался их запомнить, но куда там. Анекдоты все прибывали и прибывали. Тогда я вытащил пачку сигарет и на коробке двумя-тремя словами стал записывать.

Из привезенных домой анекдотов больше всех отцу понравился тридцать шестой: «Кошка бежала за мышкой, но мышка юркнула в норку. Тогда кошка залаяла по-собачьи. Мышка удивилась и решила посмотреть, почему это кошка лает, как собака. Она высунулась из норки, тут ее кошка схватила, съела и, облизнувшись, сказала: «Как полезно знать хотя бы один иностранный язык».

Во Владивостоке на гастролях цирк, в котором работали Карандаш, Никулин и Шуйдин, давал в неделю по четырнадцать-пятнадцать представлений.

В одну из суббот выступили пять раз. Первое выступление – для пленных японцев – начиналось в девять утра. Начало. В зале непривычная тишина. Артисты заинтересованно подсматривали за поведением публики через щелки в занавесе. Японцы молились. Выждали необходимую паузу. Представление началось. Выход Карандаша. Походка бодрая. Реплика четкая, следующая фраза и вдруг... встал пожилой японец, сидевший в первом ряду, и, повернувшись спиной к манежу, на весь зал стал переводить реплику. Карандаш сделал еще одну попытку наладить актерский ритм, японец и тут встрял с переводом. Никто в зале не засмеялся. Все серьезно смотрели на необычный дуэт. Михаил Николаевич в возбуждении убежал за кулисы, оставив недоумевающего переводчика одного, и набросился на инспектора манежа:

– Если он еще раз скажет хотя бы слово, я уйду с манежа совсем! Угроза подействовала. Переводчик сел и замолчал. Никулин и Шуйдин постарались в своих выступлениях обойтись без текста. Японцы реагировали на все сдержанно, но больше и громче всех смеялся переводчик. После представления японцы покидали цирк организованно, шли строем и дружно пели нашу песню «Если завтра война, если завтра в поход».

Никулин с серьезным видом рассказывал хорошим знакомым в 1949 году о том, что в Центральной студии готовится к выпуску аттракцион «Дрессированные гигантские черепахи». Черепах привезли с острова Гаити, и под марш они делают два круга по манежу, а потом становятся на задние лапы и кивают головами. На этом месте Юрий Владимирович делал паузу и добавлял с горьким сожалением:

– Однако аттракцион никак не могут выпустить...

– Почему? – заинтересованно реагировали слушатели.

– Оркестр не выдерживает напряженной работы, поскольку номер с черепахами идет... пять часов.

Многие верили.

Отгачивая свои уже много раз игранные сценки, Румянцев приговаривал, что в готовой клоунаде надо безжалостно вырубать все лишнее, не имеющее отношения к сути номера. От этого выступление только выигрывает. Занимаясь с партнерами, он добивался филигранной точности и четкости внешнего рисунка номера. В эти минуты его мало заботило внутреннее самочувствие артистов.

– Где-то в душе я протестовал, – вспоминает Никулин, – но на спектакле послушно старался делать так, как просил мастер, и ощущал себя заводной игрушкой.

Юрий Владимирович в овладении мастерством, оставаясь один на один с собственным изображением в

зеркале гардеробной, разыгрывал яркие этюды-импровизации, привычные для актеров-комиков: корчил гримасы, подмигивал со значением сам себе, пел, декламировал стихи, издавал разные сомнительные звуки или выкрикивал на разные лады смешные фразы. Однажды чрезвычайно увлекшись этим занятием в кульминационный момент клоунской находки, сзади он услышал тихий голос:

– С ума, что ли, сходишь?

Вздрогнув от неожиданности, Никулин испуганно обернулся. В проеме приоткрытой двери на него с укором смотрела уборщица.

– Довел вас Карандаш, – добавила она печально, тихо притворив дверь в творческую лабораторию смеха.

Никулину очень нравились выступления клоуна Сергея Любимова. Его находки не оставались без внимания Юрия Владимировича. Одной из них было суждено попасть в копилку Никулина-артиста. Объявляли очередной выход какого-либо циркового исполнителя на арену, как вдруг во втором ряду партера кто-то начинал громко некстати аплодировать, не дожидаясь окончания фразы шпрыхсталмейстера. Публика смеялась, обнаружив виновника заминки: это был сам Любимов в цирковом костюме среди зрителей. Как только стихал смех и возобновлялась новая попытка объявить номер, вновь звучали громкие, прерывающие речь аплодисменты. Ведущий Буше подходил к виновнику беспорядка и просил не мешать представлению под угрозой изгнания из зала.

– Вы поняли, что я сказал? – громко, с угрозой в голосе спрашивал Буше.

В ответ Любимов вставал и жестами красноречиво демонстрировал полную глухоту и немоту.

– Вы что, глухонемой? – переспрашивал Буше.

– Да!!! – неожиданно громко с энтузиазмом рявкал Любимов.

Много лет спустя эту старую клоунскую репризу, так нравившуюся Никулину, мы увидим в эпизоде «Бриллиантовой руки» в исполнении самого Юрия Владимировича: это эпизод, когда испуганного Горбункова встречает в закоулке человек страшного и угрожающего вида.

Увлечение анекдотами Юрия Владимировича приносило много радости окружающим и, кроме того, несомненную пользу в работе клоуна. Встреча с бывшим школьным товарищем, а теперь дипломатом, приехавшим из Франции, принесла много впечатлений, но главной целью Никулина была прикладная идея! В то время Никулин увлекся разработкой клоунской репризы с участием статуи льва и расспрашивал собеседника о видах и позах львиных скульптур. Разговор принял однобокий характер, и, увы, дипломат толком не смог вспомнить ни одного впечатляющего львиного монумента. Однако, мобилизовав воображение, он вдруг рассказал Юрию Владимировичу анекдот, который был помещен в коллекцию «анекдотов от Никулина»:

«Бродячий скрипач идет по пустыне. Вдруг его окружают львы. Они собрались разорвать беднягу. И тот от отчаяния заиграл печальную мелодию Мендельсона. Львы, потрясенные высокой музыкой, ошеломленно расселись вокруг музыканта. Они слушали скрипача, и слезы умиления катились из их глаз. Им стало стыдно за свои кровожадные помыслы, и их сердца наполнились раскаянием. Вдруг из-за пригорка вышел старый лев, подошел сзади к скрипачу и спокойно, как бы между прочим, откусил ему голову.

– Что ты наделал? – вскричала потрясенная стая.

– Что?! Не слышу... – приложив лапу к уху, крикнул лев. Он был глухим».

Жизнь Великого клоуна и артиста Никулина с детства тесно связана с анекдотами, но существует одна особенная история о необыкновенных многолетних поисках заколдованного финала.

Еще мальчиком Никулин с приятелем катался на подножке трамвая и услышал начало анекдота, рассказанного одним студентом другому: «Один богатый англичанин, любитель птиц, пришел в зоомагазин и попросил продать ему самого лучшего попугая. Ему предложили попугая, который сидит на жердочке, а к его лапкам привязано по веревочке. «Попугай стоит десять тысяч, – говорят ему, – но он уникальный: если дернуть за веревочку, привязанную к правой ноге, попугай будет читать стихи Бернса, а если дернуть за левую, поет псалмы». – «Замечательно, – вскричал англичанин, – я беру его!». Он заплатил деньги, забрал попугая и пошел к выходу. И вдруг вернулся и спрашивает у продавца: «Скажите, пожалуйста, а что

будет, если я дерну сразу за две веревочки?». И тут студент, который слушал анекдот, выскочил на чуть не пропущенной остановке. Девятиклассник Юра целый вечер с отцом гадал, какая была концовка у анекдота.

Прошло много лет. Во время войны, на фронте, когда Никулин стоял в обороне под Ленинградом, один из его товарищей начал рассказывать однополчанам этот анекдот. Дойдя в рассказе до кульминации сюжета, солдат был внезапно вызван к командиру.

Шли годы. Во время гастролей в Калинин во время представления Никулин беседовал с инспектором манежа и тот вдруг начал рассказывать давний анекдот про разговорчивого попугая. Незаметно подошло время объявить очередной номер публике. Во время объявления инспектору внезапно стало плохо с сердцем, и его увезли в больницу. Казалось, анекдот загадочно хранил недосказанность и неведомые силы карали тех, кто пытался раскрыть финал, как в свое время бесстрашных ученых, разгадавших таинственные лабиринты пирамид. Никулин не мог смириться с неизбежностью тайны и на следующий день отправился в больницу к коллеге.

– А его уже нет... – показала беспомощно сестра на аккуратно застеленную койку.

Никулин безнадежно прислонился к косяку входной двери от очередной встречи с суровым роком.

– Его час назад брат увез в Москву, в больницу, – продолжила медсестра.

Спустя три года Юрий Владимирович снова попал в Калинин, пришел в цирк, и оказалось, что человек, знающий концовку таинственного анекдота, больше в цирке не работает, но устроился на радио. Живой и невредимый. При первой же возможности Никулин отправился на радио за разгадкой анекдотической мистики. Затаив дыхание, ожидая смерча, самовозгорания здания или внезапной смерти рассказчика Никулин, судорожно сглотнув, речитативом выпалил:

– Привет! Что было с попугаем, у которого на ногах были привязаны веревочки?

– У какого попугая? – опешил бывший инспектор. Казалось, память подвела любителя анекдотов, и он начисто забыл злополучную, заколдованную концовку. Однако после серии наводящих вопросов, подробного образного пересказа Никулиным известной части, у бывшего инспектора случилось внезапное озарение, и он вспомнил финал. Но! Тут ему срочно понадобилось подписать текст передачи у начальника...

На что Никулин неожиданно для себя самого закричал не своим голосом:

– Нет! Сейчас, немедленно расскажите, и я уйду!

И последовал финал...

Когда покупатель спросил у продавца, что будет, если дернуть сразу за обе веревочки, то вместо продавца неожиданно ответил сам попугай:

– Дур-р-р-рак! Я же упаду с жердочки!

Так благодаря упорству и решительности бесстрашного коллекционера анекдотов был побежден жестокий фатум.

Программа советского цирка пользовалась небывалым успехом за рубежом. На гастролях в Варшаве артисты цирка давали представление для дипломатического корпуса. У Никулина шла своим ходом реприза, где он снимает пиджак и оставляет его на барьере, а затем, спустя время, как бы испугавшись за целостность своего гардероба, прячет его под ковер манежа. Публика в этом месте всегда много смеялась. Все было сыграно, как обычно. Юрий Владимирович снял пиджак, внимательно с недоверием посмотрел на зрителя в первом ряду и, изображая сомнения в честности этого человека, перепрятал пиджак под ковер, с недоверием продолжая озираться на него. Как всегда и во всех городах и странах зрители сопровождали все действия клоуна заразительным смехом. Впоследствии оказалось, что вызвавший подозрения мужчина в первом ряду был посол Бельгии, и спрятанный пиджак, по его словам, поставил под сомнение его незапятнанную репутацию как посла и просто честного человека. Он обиделся и кому-то из представителей цирка об этом сказал. Конечно, это была не официальная нота протеста, и Третья мировая война не разразилась бы, но перепуганный руководитель вызвал Никулина с Шуйдиным и приказал больше репризу не показывать.

Первое представление в Варшаве «Сценка на лошади» с участием Никулина-Шуйдина провалилась. Клоуны выступили в роли «подсадки» как всегда без наигрыша, но публика не смеялась. Артисты опешили

от такого холодного приема. Причина оказалась проста до нелепости. «Подсадку» разоблачили костюмы. По внешнему виду Шуйдина и Никулина, вышедших на манеж в роли зрителей, было сразу видно, что это не варшавяне, решившие позабавиться верховой ездой, а русские артисты, изображающие поляков. Клоуны ошиблись с манерой варшавян одеваться и не учли последних веяний моды. На следующий же день досадную ошибку исправили с помощью добровольных местных кутюрье, и громкий смех снова сопровождал выступления Михаила и Юрия.

«Сценка на лошади» с успехом разыгрывалась клоунами много лет, до той поры, пока к Никулину не пришла всенародная кинематографическая слава. В одном из интервью, отвечая на вопрос «Изменилась ли ваша жизнь с приходом популярности?», Никулин с горечью заметил:

– В цирке я больше не могу выступать с любимой клоунадой «Сценка на лошади». Какая уж теперь «подсадка»?! Публика узнает сразу.

Шуйдин с Никулиным обыграли в репризе артистическую славу Юрия Владимировича и слухи с ней, связанные с якобы уходом артиста из цирка.

На арене появляется один клоун Миша. А на большом экране, прикрепленном над артистическим выходом, демонстрируется крошечный отрывок из короткометражной кинокомедии «Самогонщики». В ней Юрий Никулин действует в роли Балбеса. Шуйдин с манежа обращается к киноэкранному партнеру, приглашая его вернуться в цирк. Между коллегами возникает диалог, заканчивающийся тем, что на глазах удивленных зрителей артист действительно возвращается на арену. Никулин выходит из экрана и спускается по лестнице на манеж. Публика становится свидетелем трогательной встречи двух комиков.

В Театре оперы и балета, бывшем Мариинском, проходила городская конференция, для участников которой давали концерт мастеров искусств. Цирк представляли Никулин с Шуйдиным. Загримированные, ожидая своего выхода, стояли клоуны за кулисами, и вдруг появился солидный мужчина в пенсне, в бархатной артистической куртке, с длинными волосами. Бросил взгляд на стоящих ярких клоунов с большим портфелем (его приготовили специально для выступления) и замер. Затем театрально воздел руки к небу, закатил глаза и пафосно возопил:

– Господи, до чего же мы докатились! На сцене Мариинского театра – клоуны! Позор!

Все стоящие рядом ошарашено молчали. Никулин и Шуйдин смутились. Отработали свою репризу без вдохновения. Настроение было испорчено. На следующий день обо всем рассказали Венецианову (гл. режиссер Ленинградского цирка).

– Ну что ж, и в Мариинке есть свои дураки, – философски изрек Георгий Семенович и хмыкнул.

Однажды в гримерную Никулина зашел некий артист Дымко. Внимательно, с интересом посмотрел, как Юрий делает себе из гуммоза (пластичная мастика типа пластилина) нос, и сказал:

– А ты зря гримируешься. Выступай без всякого грима. У тебя и так лицо глупое.

Отличие алогичного клоунского мышления от общепринятой «взрослой» логики прекрасно раскрывается в беседе Винни-Пуха и Пятачка, когда они обсуждают умственные способности Кролика.

– Кролик – он умный! – отметил Пух.

– Да, – сказал Пятачок, – Кролик – он хитрый!

– У него настоящие Мозги, – добавил Винни.

– Да, – сказал Пятачок, – у Кролика настоящие Мозги.

Наступило долгое молчание.

– Наверно, поэтому, – сказал наконец Пух, – наверно, поэтому он никогда ничего не понимает!

Как иллюстрацию мастерского владения Юрием Владимировичем настоящей клоунской логикой можно привести его диалог с первоклассницей:

– Весело ли вам бывает, когда вы выступаете в цирке? – спросила девочка.

– А тебе весело в цирке? – хитро ответил вопросом на вопрос Никулин.

– Ага.

– Ну так вот. Когда я вижу, что тебе весело, мне тоже весело и приятно. Поэтому выходит, что мы с тобой веселимся вместе.

– А если у вас нога болит? – лукаво уточнила маленькая школьница.

– Какая нога, правая или левая? – серьезно спросил клоун.

– Левая, – поразмыслив, ответила девочка.

– Тогда, – печально сообщил клоун, – у меня веселится одна правая нога.

Первоклассница рассмеялась, и довольные друг другом собеседники разошлись.

В Ереване за кулисы к клоунам пришла пожилая женщина. Она впервые попала в цирк. Приехала с гор. Женщина восторженно сказала:

– Большое вам спасибо. Мне так понравилось, как вы выступаете. Так все понятно – прямо на армянском языке.

Юрию Владимировичу было чрезвычайно лестно слышать настолько образный отзыв, ведь в этом представлении «Маленький Пьер» не было произнесено ни единого слова – это была клоунская пантомима.

«По-разному люди воспринимают юмор. Помню случай, который произошел со мной. Как-то я прочел в журнале «Крокодил» анекдот:

«Полимен. Почему вы превысили скорость? Вы мчались по шоссе как угорелый!

Автомобилист. Простите, сэр, но у меня испортились тормоза, и я спешил отвезти машину в ремонт».

Спустя несколько дней я ехал на машине в аэропорт Внуково. В спешке не заметил знака ограничения скорости. Вдруг вижу: поравнялся со мной мотоцикл ГАИ, и пожилой старший лейтенант показал мне жезлом, чтобы я встал у обочины. Начало нашего разговора было как в анекдоте:

– Почему вы превысили скорость? Ваши права.

Надеясь юмором растопить сердце блюстителя порядка, протягиваю документы и отвечаю ему словами анекдота:

– Да понимаете, товарищ старший лейтенант, у меня испортились тормоза, и я спешу на станцию обслуживания.

Инспектор посмотрел на меня серьезно и, возвращая права, деловито сказал:

– Тогда давай поезжай быстрее. – Сел на мотоцикл, развернулся и уехал.

Я только рот раскрыл», – размышлял о загадках чувства юмора Юрий Владимирович.

В одном из спектаклей для московской программы авторы сценария придумали для Никулина с Шуйдиным сюжет, в котором они убегают от оператора и режиссера в паническом нежелании сниматься. Погоня была занимательна, а сюжет, где клоунов настигли и сняли, продуман слабо, и дуэт принял ее в штыки. До премьеры оставались считанные дни, а финал отсутствовал даже в воображаемой перспективе. Творческое отчаяние овладело мастерами комедийного жанра. На помощь Юрию Никулину пришло воспоминание о том, как на съемках фильма «Старики-разбойники» вместе с артистом Евгением Евстигнеевым они таскали тяжеленную картину из музея. Вес подлинника в сорок килограмм и десять дублей к концу съемочного дня делали из пары бодрых «стариков-разбойников» изможденных бурлаков с картины Репина. Это своевременное воспоминание легло в основу всем известной клоунады «Бревно».

Гастроли цирка в Мельбурне. Никулин читает газету, на странице которой большой портрет плачущей девочки и под ним подпись крупными буквами: «Вы знаете, почему плачет эта девочка?». И тут же ответ: «Она плачет потому, что родители в это воскресенье не смогли достать ей билет на выступление Московского цирка». Увидев такой драматический репортаж, артисты цирка обратились к импресарию с просьбой, чтобы в этой же газете дали объявление, что артисты советского цирка приглашают к себе девочку, которая горько плакала в прошлое воскресенье. Объявление поместили. К ужасу импресарию, в воскресенье вместе с родителями на представление пришло более 20 «плачущих в воскресенье» девочек. Родители настаивали, что плакали и будут продолжать рыдать именно их девочки, если им не повезет с билетами. По фото идентифицировать девочек было невозможно, потому что главная девочка лила слезы, закрыв лицо руками. Импресарию сказал Юрию Никулину: «Ваш русский гуманизм доведет меня до

разорения». Но всех «плачущих» девочек с весьма расторопными родителями на представление пропустил.

После женитьбы Юрий Владимирович на гастроли ездил с женой Татьяной, которая стала полноправным участником их дуэта с Михаилом Шуйдиным и настоящей артисткой цирка.

Всем «цирковым» поначалу снимали комнаты, а не гостиницы. Мечта любого артиста цирка была комната поближе к цирку, чтобы не ходить «через хозяев», но не всегда и не всем удавалось удачно поселиться. В Уфе Никулин с женой задерживались допоздна. Представление до одиннадцати, сборы, дорога. Дома только часам к двенадцати в лучшем случае. А хозяева – простые люди, представители рабочих профессий. Спать ложились рано. В первый вечер вежливые «квартиранты», боясь разбудить уставших людей, полезли в окно. Подумаешь, первый этаж. И не такие высоты в цирке брали – тренированные. В помещение попали без проблем, но не учли наличия сторожа. В темноте внезапно без предупреждения на них кинулась собака. Злобно укусила жену Юрия Владимировича за ногу, а потом оглушительно залаяла. Крик, лай, шум, вопли хозяев, соседи выбежали с палками. Думали, воры. Хозяева, когда поняли, что не воры, даже немного разочаровались: столько шуму не из-за чего...

«Помню, как мы вернулись в Москву из Южной Америки, где работали почти полгода. В аэропорту меня встречали родные. Они взяли с собой и моего трехлетнего сына Максима. Кинулся я к нему радостный:

– Здравствуй, сынок!

Он посмотрел на меня со страхом и, робко протянув ручку, сказал:

– Здравствуйте, дядя.

Расстроился я тогда и подумал: «Да чтоб я еще поехал на такой большой срок. Сын родной меня забыл!» – вспоминал Юрий Никулин.

Эльдар Рязанов снимал фильм «По ту сторону радуги» и предложил Юрию Никулину сняться в небольшой роли милиционера. Эпизод снимали на улице. Никулин должен был выйти из милицейской машины, дать свисток, затем стащить главного героя – Юрского – с фонарного столба, посадить в милицейскую машину и уехать. На съемочную площадку приехала настоящая милицейская машина, за рулем которой сидел капитан милиции. Капитан вышел из машины и долго, беззастенчиво разглядывал Юрия Владимировича. Он был одет в милицейскую форму, загримирован. Затем любознательный милицейский чин подошел к съемочной группе и спросил режиссера. Ему показали на Эльдара Рязанова.

– У меня к вам, товарищ режиссер, вопрос, – обратился он к нему. – Скажите, пожалуйста, ну почему в кино, как правило, милиционеров показывают идиотами и дураками?

– Как это так? – удивленно переспросил Рязанов и посмотрел на Никулина.

Юрий Владимирович засмеялся и пояснил:

– Это он меня увидел, поэтому и задает такие вопросы.

– Да нет, – смутился капитан. – Я имею в виду не вас, но мне все-таки интересно, почему милиционеры в кино выглядят такими глупыми?

И Эльдар Рязанов долго и терпеливо объяснял недоумевающему капитану индивидуальный режиссерский замысел в отношении конкретного представителя милиции на экране.

«Впервые увидев себя на экране, я остолбенел. «Неужели я такой?» – поразился я. И голос, и выражение лица, которое я привык видеть в зеркале, – все было другим. Не считая себя красавцем, я, в общем-то, думал, что выгляжу нормальным человеком, а тут на экране полный кретин, с гнусавым голосом, со скверной дикцией. На меня это так подействовало, что я расстроился. А вокруг все были довольны и говорили: «Хорошо. Молодец!».

Оставшись наедине с Жаровым, я излил ему душу. Михаил Иванович внимательно посмотрел на меня, улыбнулся и, понизив голос, сказал:

– Это что!.. Когда я себя увидел в первый раз на экране – плакал. Жалко мне стало самого себя. Ушел в уголок и долго плакал. Никак, понимаешь ли, не думал, что так плохо выгляжу. Так что не расстраивайся. Наоборот, поздравляю с успехом. Все получилось нормально», – делился своими

воспоминаниями Юрий Владимирович о своей первой реакции на себя в кино.

««Пес Барбос» – это был сюжет в десятку. Я знал сюжет еще до того, как прочел сценарий, написанный по фельетону С. Олейника. У меня была такая маленькая книжечка английского сатирика Джекобса, она называлась «Заряженный пес». В ней был рассказ о моряках, которые собрались глушить рыбу, а собака с динамитом за ними погналась. Говорю это не к тому, что сюжет позаимствован, вряд ли. Что поделаешь: в Англии тоже не ангелы живут и тоже, оказывается, рыбу глушат. Олейник и Джекобе оба нащупали беспрюитрышный комедийный ход», – вспоминал Юрий Никулин.

Встреча режиссера с Никулиным, по его словам, выглядела так: «Я робко постучал в дверь, вошел и увидел худого человека в толстых очках. Стекла сверкнули на меня оценивающе:

– Никулин? Из цирка? Ну-ка повернитесь...

И потом я услышал, как он тихо сказал кому-то из ассистентов:

– Балбеса больше искать не надо. Этот будет!».

Все участники съемок «Пес Барбос» сохранили удивительные воспоминания о собаке Брехе, который исполнял практически главную роль в коротком фильме. Некоторые детали воспоминаний отличаются, но вариант Юрия Никулина достоин, чтобы его привести дословно:

«Брех работал отлично. Но иногда усложнял нашу жизнь. Например, когда снимали погоню. Тот момент, когда собака с «динамитом» в зубах гонится за троицей – Трусом, Бывалым и Балбесом. На репетиции все проходило нормально. Мы вбегали в кадр один за другим, пробежали сто метров по дороге, и тут выпускали Бреха с «динамитом» в зубах. На съемках начались осложнения. Пробежим мы сто метров и вдруг слышим команду:

– Стоп! Обратно!

Оказывается, Брех вбежал в кадр и уронил «динамит».

Возвращаемся. Занимаем исходную позицию. Во втором дубле, когда мы уже почти добежали до заветного поворота, снова команда в мегафон:

– Остановитесь! Обратно!

Оказывается, собака убежала в лес.

В следующих дублях Брех оборачивался и внимательно смотрел на орущего дрессировщика, а в конце одного из последних дублей бросил «динамит» и вцепился в ногу Моргунова. На восьмом дубле собака положила «динамит» с дымящимся шнуром и подняла заднюю лапу около пенька.

А мы все бегали, бегали, бегали...

После десятого дубля Моргунов, задыхаясь, сказал:

– К концу картины я этого пса втихую придушу».

Фильм «Пес Барбос» приобрели все страны. Только Япония отказалась. Леонид Гайдай стал всемирно признанным комедийным режиссером. Прошли годы. Цирк гастролировал за рубежом, артисты попали на прием в советское посольство. После приема посол уважительно взял под руку Юрия Никулина, привел к себе в кабинет, открыл сейф и вытащил оттуда коробку с пленкой. Никулин подумал, что ему будут демонстрировать документальную хронику.

– Это ваш «Пес Барбос». Держу его в сейфе для особых случаев. По праздникам мы смотрим его всем коллективом. А иностранцам показываем перед началом важных деловых переговоров. Они хохочут, и после этого с ними легче договориться.

Наступило время, когда Гайдай начал искать новый сюжет для своей «троицы». На помощь ему пришел Юрий Никулин. В репертуаре цирковой программы у них с Михаилом Щуйдиным была реприза «Самогонщики». Гас свет, на манеж выходили две фигуры. Юрий нес стул, на котором стоял бак со змеевиком, а Михаил вытаскивал табуретку с горящей керосинкой. Они собирали замысловатый аппарат, в котором что-то булькало, клубился пар, и Никулин возбужденно кричал:

– Идет, идет! Давай посуду!

В суетной спешке Шуйдин приносил ночной горшок.

В это время выбежал мальчишка и кричал:

– Атаc!

Дуэт мгновенно переворачивали бачки, ставил на них тазы, полные белья, и делал вид, что тщательно стирает. На змеевик вешали выстиранные вещи. На манеж выходили грозного вида два дружинника, разоблачали «прачек» и уводили за шиворот. Инспектор манежа с тревогой спрашивал:

– А как же белье?

– Достираем, – отвечали горе-самогонщики. – Через три года.

По мотивам этой занимательной репризы Гайдай вместе с Бровиным написали сценарий «Самогонщики». Героя три, как выпьют лишнего, начинают обижать свою собаку. Собака, потерявшая терпение, решает проучить своих хозяев, выхватывает зубами из самогонного аппарата важную и незаменимую деталь – змеевик – и убегает. Сюжет строился на погоне, как и в предыдущем фильме «Пес Барбос».

На съемках фильма «Деловые люди» по рассказам О. Генри в новелле «Родственные души» Никулин и Плятт работали профессионально и на одном дыхании. Все кадры были сняты меньше чем за две недели. Только однажды произошел сбой. Сроднившаяся парочка ревматиков должна была смеяться над анекдотом, который один из них рассказал другому. И – неловкость. Смех не возникал. Ни один из классиков комедийного жанра не мог заразить другого искренним хохотом. Пересказали множество анекдотов друг другу, но соревнование потеснило веселье. Один начинал анекдот, а другой его заканчивал. Все знакомо. Никаких сюрпризов. На площадке повисла напряженная тишина. Вошел директор картины и, реагируя на молчание на площадке, как на закономерный финал, громко спросил:

– Отсмеялись они?

Ростиславу Яновичу эта реплика показалась обидной и неуместной, и он немедленно отреагировал тоном уверенного в своей учености профессора, делающего замечание непроходимому студенту-двоечнику:

– А вы покажите нам свой голый пупырчатый живот! Тогда мы сразу же рассмеемся.

Пафос образа, который создал Плятт, и важный тон настолько не соответствовали босяцкому предложению показать «пузо в пупырышках», что взрыв хохота потряс всех участников мизансцены, снимая длительное напряжение неудачной съемки.

Гайдай опомнился первым, сделал страшные глаза и закричал оператору:

– Мотор!

Кадр был удачно снят и вошел в фильм.

Во время съемок фильма «Деловые люди», где Никулин играл бродягу и вора, произошел курьез. Юрия Владимировича везли с «Мосфильма», где гримировали и одевали, на ночную съемку к Центральному Дому литераторов. В руках у него был массивный кольт и, разыгрывая элементы своей роли, дурачась, Никулин надвинул шляпу на глаза, приставил дуло к голове водителя и шутя командовал:

– Направо. Вперед... Налево! Не оглядываться!

Улица была пустынна, на город опустилась ночь.

Когда подъехали к Арбату, дорогу перегородили две черные легковые машины. Из машин пружинисто выскочили люди в штатском и направились к ним. Никулин с водителем не на шутку испугались. Оказалось, что в тот момент, когда Юрий Владимирович держал кольт у виска водителя, их заметил милиционер-регулировщик и сообщил о разбойном эпизоде дежурному по городу.

Участники оперативной группы отпустили шутников, но настоятельно порекомендовали впредь милицию в заблуждение не вводить.

После выхода «Деловых людей» на экраны как-то поздней осенью шел Никулин по Цветному бульвару. И вдруг увидел бегущего навстречу, по-летнему одетого и уже успевшего посинеть от холода человека. В обеих руках у него было по бутылке, увидев Юрия Владимировича, он внезапно остановился и сказал:

– Слушай, Юра... – он переводил дух. – Ты ведь все... делаешь... не того.
На дело-то... ходишь... неправильно! – свою речь он щедро сдабривал нецензурными словами.
– На какое дело? – оторопело спросил Никулин.
– Ну, в этой... последней... комедии, когда ты влезаеть... в квартиру. Тебя надо поучить... Я могу это сделать! Могу...
– Воруеть? – уточнил Юрий Владимирович.
– Нет, завязал. Хватит, я свое отсидел. Работаю на зеркальной фабрике. Но у меня остались дружки. Ты приходи, мы тебе все расскажем. Покажем, как «соню» брать.
– Какую Соню? – удивился артист.
– Ну, квартиру. Мы с тобой можем пойти даже днем, и я покажу, как берут «соню».
– Это что же, воровать? Так мы попадемся, – простодушно изумился Никулин.
– Ну и что, – демонстрируя независимость, невозмутимо сплюнул странный собеседник и продолжил. – Я скажу, учу, мол, артиста. И учти, если не застукают, все поделим пополам.

Никулин обстоятельно и искренне разъяснил навязчивому наставнику, как на самом деле до обидного мало времени у клоунов, которые всегда артисты, и у артистов, которые иногда клоуны. Торопливо записал телефон консультанта по криминальным вопросам и поспешил удалиться.

Юрий Владимирович ярко импровизировал на съемках фильмов, особенно Леонида Гайдая, где поиски вариантов приветствовались, и наиболее смешное рождалось в творческих поисках. На съемках «Операции «Ы» в эпизоде погони на складе Балбес натывается на скелет. Как реагирует Балбес? Что делает скелет? И как относится к этому Шурик? Были созданы семь импровизаций, одна из которых победила.

В ходе пробных версий Никулин вдруг сделал жест, не предусмотренный сценарием, – сунул скелету палец между открытыми челюстями. А те, сомкнувшись, щелкнули... При контрольном просмотре в будке механиков раздался смех, на него часто ориентировался Гайдай. Так эпизод остался в фильме.

Впервые в кино Юрий Никулин запел в «Операции «Ы». Пение не было запланировано, просто в перерыве между съемками артист взял гитару и, перебирая струны, грустно затянул:

– Постой паровоз, не стучите колеса...

Манера пения органично вписывалась в образ Балбеса и подкупила всех присутствующих при дебюте. Гайдай включил поющего Никулина в фильм.

После «Операции «Ы» судьба троицы была решена.

– Больше отдельных фильмов с Балбесом, Трусом и Бывалым в главных ролях снимать не буду. Хватит. «Тройка» себя изживает, – отрезал Л. Гайдай. В следующей картине «Кавказская пленница» Никулина, Вицины, Моргунова использовали лишь для оживления публики.

Сценарий «Кавказской пленницы» родился из крошечной заметки, которая попала на глаза режиссеру Л. Гайдаю в газете. Описывался подлинный случай похищения невесты в каком-то районе одной из закавказских республик. Вместе с М. Слободским и Я. Костюковским, Л. Гайдай написал сценарий и показал на киностудии. Довольно быстро утвердили, чиновникам он показался несмешным. Моргунов и Никулин посчитали его неинтересным и нарочитым, особенно завязка сюжета:

– В наши дни воруют невесту? – изумился Никулин, – Глупость какая! Сниматься не буду!

Слух об отказе достиг ушей партийного начальства. Никулина вызвали в кабинет высокого начальства на «Мосфильме», где он дал объяснения по всей форме несогласия с малоинтересным и бесцветным сценарием, а также сославшись на «подсудность» парткому в «Союзцирке».

Окончательно уговорить артиста удалось только Л. Гайдаю, который развеял его сомнения по поводу сценария словами:

– Юра, Юра... Ты же знаешь, как мы снимаем. Нельзя вписать сразу все, что будет. Как раньше придумывали, так и дальше будем придумывать.

В ходе съемок «Кавказской пленницы» у участников похищения Нины возникает диалог с участием Фрунзика Мкртчяна, где в ответ на тихий ропот женщины по поводу противозаконного похищения ему

принадлежит короткая и наглая реплика:

– А в соседнем районе жених украл члена партии!

На одном из промежуточных контрольных просмотров на уровне студийного начальства возникли серьезные препятствия:

– Эти слова оскорбляют и порочат членов партии! Убрать безоговорочно!

В тексте сценария на эти слова никто не обратил внимания, а эпизод без этих слов оголяется. Как спасти ситуацию? И тут Юрий Никулин нашел выход:

– Все дело в акценте... В армянском акценте Мкртчяна. Давай, я за Фрунзика скажу. У меня акцента нет... и сказал. Сплеывая на землю арбузные семечки, и небрежно пиная дверь загона, куда только что загнал двадцать баранов – калым. В устах Балбеса фраза прозвучала настолько по-дурацки, что никоим образом никакой тени ни на единого члена партии. Сразу всем становилось ясно: Балбес – лжец, и нет правды в его словах. А на самом деле все члены КПСС создают ячейки общества из-за любви, по любви и во имя любви.

В одном из эпизодов фильма Балбес диктовал Грису меню обеда лежа и, не вставая, рукой чесал пятку. Как он это делал, для многих поколений зрителей оставалось тайной. И однажды артист не выдержал натиска вопроса и признался: под его одеялом был спрятан лилипут!

Завершенный фильм «Кавказская пленница» с «малоинтересным» сюжетом принял на себя сильнейший удар. На первом просмотре картины в студии секретарь партийной организации уловил сходство и направленные намеки в свой адрес героя Саахова, поскольку его фамилия была Сааков.

Его требования были категоричны:

– Надо переозвучивать!

Этот вердикт создал огромные проблемы. Юрий Никулин в роли народного любимца все более совершенствовался в искусстве спасать ситуацию. На следующий день он посетил министра культуры Екатерину Фурцеву. Она, увидев его в приемной, заулыбалась:

– Какими судьбами? Проходите!

Никулин объяснил суть дела:

– Екатерина Алексеевна, из-за личных амбиций кое-кто готов сорвать производственный план киностудии. Произвол какой-то! Не понравилась фамилия – и сразу переозвучка! Громадные государственные деньги на ветер по прихоти одного человека.

– Не позволим! – пообещала Фурцева. Набрала нужный телефон и в конце тирады выпалила:

– Что за идиотизм?!

А на другом конце провода напуганные реакцией министра речитативом отвечали:

– Что вы, что вы, уважаемая Екатерина Алексеевна, так вопрос не ставили, не ставили. Нас неправильно поняли, и фильм утвержден, и уже выходит на экраны!

Однако это был не конец истории. Оставалась последняя инстанция – комиссия Госкино под руководством одного из высших начальников комитета. То ли инерция, то ли тайные происки обиженных однофамильцев, но финальный просмотр закончен был словами влиятельного начальника:

– Эта антисоветчина выйдет на экраны только через мой труп!

Просмотр состоялся 23 декабря 1966 года, а в понедельник 26 декабря режиссера и съемочную группу собрали для окончательных «разборов полета». У всех ноги ватные, во рту сухо... Вдруг идет по коридору тот самый влиятельный начальник, неожиданно захватывает в горячие объятия одного из сценаристов, Я. Костюковского, и звонко целует в щеку. В радостном возбуждении громко объявляет:

– Ну, что я вам говорил? Даем высшую категорию!

Оказывается, произошел маленький кулуарный переворот. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев захотел с пятницы на субботу посмотреть что-нибудь новенькое. О его предпочтениях знали все приближенные и привезли ему «антисоветскую» комедию с «намеком на конкретную фамилию», просто потому, что она была самая новая, Брежнев хохотал так, что тут же под впечатлением приказал соединить его с председателем Госкино и лично выразил благодарность за отличную работу всем участникам съемочного процесса.

Съемки очередной комедии Гайдая с участием Юрия Никулина проходили в Адлере на берегу Черного моря. Всех актеров и членов съемочной группы разместили в гостинице «Горизонт», в подвале которой была возможность разместить костюмерную и реквизиторскую. В реквизиторской хранили фигуру Никулина в полный рост, сделанную из папье-маше. Ее планировали сбросить с высоты пятисот метров при съемке эпизода, где Семен Семенович вываливается из багажника «Москвича», подвешенного к вертолету. От лишних глаз и пыли натуру укрыли белой простыней с головой. Она лежала на ящиках, никому не мешая. Любопытная уборщица задрала кусок покрывала и с криками ужаса разнесла новость о гибели артиста по всей гостинице. Поскольку женщина по совместительству убирала не только гостиницу, но и аэропорт Адлера, то через два часа печальную новость знали во многих городах СССР. Юрию Никулину пришлось спешно оповещать родных о преждевременных слухах. И очень вовремя, потому что его маме уже через день пришлось отвечать на массовые попытки друзей и знакомых выразить соболезнования по поводу трагической и преждевременной гибели сына.

Во время съемок «Бриллиантовой руки» на площадке, как всегда бывало во время съемок всех без исключения комедий Л. Гайдая, случались смешные ситуации, включенные затем в фильм. Когда снимали эпизод, в которой Механик-Папанов под водой обеспечивал клев Горбункову-Никулину, вода была достаточно холодной. И, как назло, все не ладилось, цепь технических заминок вынуждала к бесконечным дублям. Папанов после очередного «прокола» ассистента, замерзший и разгневанный, вылез из воды и рявкнул:

– Идиот!

Этот выразительный эпитет был случайно снят и так покорила подлинной достоверностью и непредвзятостью, что эпизод занял место в картине и переадресован был герою Андрея Миронова.

В фильме Ю. Никулин снимался с женой и сыном. Татьяна Никулина играла роль бдительного экскурсовода:

– По одному не ходить! Ни с кем не разговаривать! Опасайтесь провокаций!

Максим Никулин был еще маленький – 10 лет. Он был задействован в сцене с Мироновым. Съемку решили проводить совсем возле берега, чтобы создать контраст брода и глубины, под водой, рядом с местом поглубже, закрепили доску. Максим шел по воде, как по твердой поверхности, а, упав в воду, нырнул достаточно глубоко. Но мальчик боялся падения, и вся его фигурка во время съемки была неестественна и напряжена. А когда Андрей его догонял, мальчик и вовсе не выдерживал: наклонялся с сачком, как ему говорили, но, не дожидаясь пинка, прыгал преждевременно. Невозможно было добиться правдоподобности эпизода. Тогда Гайдай сказал:

– Максим, в этот раз Андрей тебя толкать не будет. Этот момент снимем отдельно.

Максим успокоился, расслабился, не ожидая профессионального вероломства мастеров от киноиндустрии. Пошел послушно милой детской прогулочной походкой...

А Миронову Гайдай дал указание:

– Бей, да посильней!

Андрей вошел в образ и энергично напощал мальчишке! Наивный ребенок бултыхнулся в воду, выплыл ошарашенный и только на спасительной земной тверди изумленно вскричал, задыхаясь от возмущения:

– Ну что же вы, дядя Андрей!

Нельзя не вспомнить один из самых гениальных эпизодов фильма по выразительности, по контексту, по мастерству исполнения, Светлана Светличная – актриса слишком стильная и пугающе сексуальная для советского кинематографа. Длинные ноги в разрезе соблазнительного халатика с перламутровыми пуговицами необратимо приближаются к мешковатому, по-мужски беззащитному герою в такой интимной ситуации. Сцена искрится запрещенным в СССР вопиющим эротизмом... и вдруг – резкий контраст! Никулин-Горбунков, «облико морале советикус», расценивает приближение ног не как неотвратимое грехопадение, а как угрозу целостности своего бокала вина. Юрий Владимирович своей блестящей

актерской находкой спас эпизод от возможного уничтожения и внес его в классические образцы тонкой комедийной эксцентрики.

Работа над «Бриллиантовой рукой» шла оживленно и весело. Юрий Никулин предлагал множество вариантов поведения своего Семен Семеновича, но Леонид Иович, отсмеявшись, говорил: «Юрочка, все было прекрасно, но теперь снимем так, как написано в сценарии», – вспоминает Нина Гребешкова.

На съемках драматического эпизода с падением на шкурках бананов Никулин никак не мог на них поскользнуться. Пробовали и другие артисты – результат тот же. Зато на арбузных корках совсем другой эффект! Однако Юрий Владимирович в одном из дублей так приземлился, что возник вопрос: продолжать снимать эпизод или все-таки сохранить главного героя в живых?

Выручил Леонид Каневский. Он пообещал, что его ноги в кадре после падения на мостовую будут выглядеть так же, как никулинские. Семен Семенович сидел с гримасой боли на лице «после падения», а падал и задира лодыжки дублер Каневский. Этот ловкий артист поставил и своеобразный рекорд в истории кино на съемках именно этого фильма.

Его персонаж произнес самое длинное ругательное слово из семидесяти трех букв:

– Поркомадоннадидумбестопербакокастеладимембранасхимаринчесарвеститхамдураля!

Что в «переводе» означало:

– Простите, погорячился.

В ходе проверок фильма произошел очень интересный случай, который к мастерству Никулина прямого отношения не имеет, но отражает идиотизм советской цензуры.

В фильме был эпизод, где Мордюкова запугивает жену Горбункова-Никулина:

– Ваш муж очень изменился после этой заграницы! Поездки в булочную на такси, рестораны, игрушки всякие дурацкие... А эти странные слова: «Собака – друг человека!». Словом, я не удивлюсь, если завтра окажется, что ваш муж тайно посещает синагогу!

На очередном худсовете, после озвучивания, реплика про синагогу вызвала следующие далеко идущие рекомендации:

– Вы подняли еврейский вопрос... И никак его не разрешили!

Финал «Бриллиантовой руки» должен был быть другой. Семен Семенович ковыляет на костылях рядом с женой. И в это время она с заминкой, смущенно признается ему, что в семье ожидается пополнение. Но его величество случай разрешил финал в ином русле. Шли съемки прогулки на катере. Над причалом висел большой крюк, который раскачивался над лодкой. Амплитуда движения не опасная, но ее хватило, чтобы вдруг неожиданно приложить Никулина по голове. Все вокруг замерло, сцена испуга, пауза и перед работающей камерой Никулин мгновенно наполнил грубую неловкость своим комедийным дарованием Великого артиста: он сделал вид, что все так и задумано. Финал фильма был изменен самим фильмом.

Поэт-песенник Леонид Дербенев вспоминал:

– Меня часто спрашивают: почему я так люблю кино, почему я так много работал с песнями для кинофильмов? Но это же ясно: в то время более-менее острую песню можно было написать только в кино и, как правило, для «отрицательного» персонажа. Для Юрия Никулина мне велели написать песню так:

– Он, конечно, трус, но вместе с тем он и советский человек.

Я написал какую-то жуть, потому что не мог толком уяснить инструкцию. Принес. Какие-то «несоветские» фразы подправил... Потом еще... Смотрю: было глупо, а стало скучно. И тогда я подумал-подумал, вспомнил Юрия Никулина и написал песню почему-то... про зайцев: «А нам все равно!».

Потом мне рассказывали, как Фурцева топала ногами и кричала:

– Что – все равно?! Кому – все равно?! Рабочему классу – все равно?!

Ее успокаивали:

– Екатерина Алексеевна, это же клоун поет, пьяный, в кино...

Как-то обошлось».

В титрах фильма «Бриллиантовая рука» есть такая фраза: «Киностудия благодарит граждан, предоставивших для съемок золото и бриллианты».

Среди зрителей попадались такие, которые подходили к Юрию Никулину после просмотра и спрашивали: «И многие давали свои бриллианты?».

Стало очевидно, что юмор населения нуждался в планомерном и неуклонном развитии с повышением базовых показателей каждую пятилетку.

Лев Александрович Кулиджанов пригласил Никулина на роль Кузьмы Кузьмича в фильме «Когда деревья были большими». Юрию Владимировичу предстояло пройти совместные пробы с молодой и талантливой актрисой Инной Гулая. Только увидев Никулина, Инна спросила:

– Вы клоун?

– Да.

Еще один долгий, внимательный взгляд.

– Как интересно... Ни разу в жизни не видела живого клоуна. Меня зовут Инна, – представилась она.

В павильоне обустроили комнату деревенской избы. Снималась сцена разговора Кузьмы с Наташей. Для создания непосредственной атмосферы разговора между ними Кулиджанов велел Наташе есть борщ.

Первый дубль. Инна с удовольствием съела целую тарелку.

Второй дубль. Инна с не меньшим аппетитом съела вторую тарелку борща.

Третий дубль. Инна так же оживленно со вкусом съела третью тарелку.

Четвертая тарелка... Инна ела так, как будто не было трех предыдущих тарелок.

Сняли пять дублей. Отменный аппетит Инны не подвел – пять тарелок, пять дублей. Удивление Никулина вытеснило такт, и он задал прямой вопрос, почему девушка так много ест.

– Волнуюсь, – последовал лаконичный ответ.

Для съемки эпизода, когда Кузьма Кузьмич несет купленную стиральную машину. Никулина загримировали, переодели и привезли на съемку. Его герой не отличался здоровым образом жизни и щепетильностью в одежде.

Юрий Владимирович вышел из машины и направился к дверям нового мебельного магазина, где планировалась съемка. В дверях стоял директор и приближающегося артиста резко остановил фразой:

– А ну-ка давай отсюда! Здесь съемки будут, не мешай.

– Да я артист, снимаюсь, – попытался объяснить Никулин.

– Знаем вас, артистов. Я тебя тут уже пятый день вижу.

Никулин продолжал на словах доказывать свою давнюю причастность к миру советского кино. Директор засомневался и попросил опознать сомнительную личность рядом стоящих и с интересом наблюдающих драматургию момента режиссера и оператора.

Они внимательно еще раз осмотрели с ног до головы Юрия Владимировича и категорически заявили, что видят данного человека первый раз в жизни.

Директор, отбросив сантименты, рявкнул:

– А ну давай отсюда! Сейчас милицию позову!

И на самом деле стал призывать доблестные органы. Любопытствующие прохожие обступили участников конфликта. Не выдержав накала страстей, Кулиджанов и Гинзбург со смехом признались бдительному директору, что не вызывающий доверия тип – исполнитель главной роли. Директор был сражен и потом долго-долго извинялся перед гением перевоплощения.

По сценарию герой, искусанный шмелем, с распухшей губой и заплывшим глазом вез собственноручно собранные подснежники продавать на рынок.

В цветочном ряду, по сценарию, торговки его жестоко изгоняли. Кулиджанов снимал сцену на настоящем рынке с настоящими участниками торговли и попросил сохранения натуральных условий попытки внедрения Никулина в цветочный рынок. Претендента требовалось вытеснить жестко и с применением методов подлинно народной конкуренции.

Первый дубль запомнился Никулину надолго. Одна бабка так натурально приложила горе продавца

банкой по голове, что исполнитель главной роли в сердцах заорал слова ни разу и нигде не упомянутые в сценарии.

Юрий Владимирович не одобрял название фильма – «Когда деревья были большими». Он считал, что слишком длинно, что не отражает сути происходящего в сюжете, что название спутают с названием спектакля, шедшего в то время на многих театральных подмостках, – «Деревья умирают стоя».

Все пункты побил смешной случай. Буфетчица молочного кафе на площади Пушкина, увидев Никулина, уронила тарелку и крикнула официантке:

– Маша, иди сюда быстрее! Артист из картины «Когда деревья, стоя,гнулись» пришел!

Юрий Владимирович Никулин перестал выходить на манеж, когда ему исполнилось 60 лет. В 1981 году он перешел на должность главного режиссера цирка на Цветном бульваре. С 1984 года Никулин – директор цирка. При нем для цирка было построено полностью новое здание, открытие которого произошло в 1989 году. Всего строительство продолжалось четыре года. Руководство цирком занимало много сил и времени, но любовь к кино оставалась. После ряда удачных драматических ролей Никулин в 1983 году снялся в роли дедушки в фильме Р. Быкова «Чучело». До этой роли ему посчастливилось сняться в целом ряде драматических ролей, которые принесли ему заслуженную славу, таких как «Они сражались за Родину», «Двадцать дней без войны» и других.

В 90-е годы Юрий Владимирович вел регулярную передачу «Белый попугай», где знаменитые артисты и другие приглашенные гости рассказывали анекдоты. Кроме того, знаменитый артист являлся одним из постоянных участников передачи «В нашу гавань заходили корабли». Передачу «Белый попугай», которая шла всего 40 минут с экрана, записывали по четыре и более часов. Участники уставали, артистический кураж уступал место картонной импровизации, и тогда Юрий Владимирович рассказывал один-два анекдота не для эфира, настроение быстро у всех улучшалось. И никто не знает, как оператор распорядился бесценным материалом не для широкой публики...

Несколько лет подряд Юрий Владимирович состоял в редакционной коллегии в журнале «Огонек» и вел колонку анекдотов «От Никулина». Корреспонденту этого актуального и интересного в те годы журнала Никулин рассказывал: «Мой отец был очень остроумный человек, любил шутку, интересные рассказы писал, клоунады, монологи для конференсье. Сочинял их ночью. Днем мы мешали, потому что комнатка была маленькая. С вечера голову под подушку – выспаться. А часов в 11 заварит чай и ночью работает. Утром будит маму и меня, я спал на раскладушке: не терпится поделиться. Мы спать хотим, но он нам читал все. Мы только хмыкаем. Потом днем мы уже по-другому реагировали. Отец учил меня любить анекдоты. Раскрывал тетрадку клеенчатую (как сейчас помню: бумага изумительная была, общая тетрадка дореволюционная) и черными чернилами записывал стихи, анекдоты. Так что я отцовское дело продолжаю. Он прекрасно анекдоты рассказывал и меня учил. Целая наука. Я, в общем-то, не отличаюсь хорошей дикцией. Иногда я подбегал к отцу и что-нибудь в спешке: бу-бу-бу. А он мне: «Подожди, не расходуи дикцию». Приходилось повторять членораздельно. Вообще, я люблю короткие анекдоты».

В конце июля 1997 года, как всегда цирк принимал гостей, как обычно планировалась к выходу новая передача, порция остроумных анекдотов ждала своей очереди, но Юрию Владимировичу внезапно стало плохо. Врачебный осмотр выявил серьезные проблемы с сердцем. Нужна была срочная операция, которая состоялась 5 августа 1997 года. Обычно такие операции длятся 20–30 минут, но в последний момент у Никулина закрылся сосуд и произошла остановка сердца. Врачам ценой огромных усилий удалось вновь его «завести». Борьба за жизнь Никулина продолжалась 16 дней. И все эти дни центральная пресса чуть ли не ежечасно сообщала о состоянии здоровья любимого артиста. Для спасения Никулина были предприняты беспрецедентные усилия: известнейшие специалисты страны находились рядом с ним днем и ночью, использовались лучшие в мире медикаменты и самая совершенная аппаратура. Однако 21 августа 1997 года сердце Юрия Никулина остановилось.

На сороковой день в редакцию журнала «Огонек» пришел Максим Никулин, принес для публикации подготовленные, но не прозвучавшие анекдоты для последней передачи «Белый попугай». Сотрудники попросили для статьи о Юрии Никулине вспомнить какую-нибудь историю, не известную ранее, но памятную. Максим рассказал занятный эпизод.

Дружба Юрия Никулина с Пляттом после совместной работы сохранилась на долгие годы. Зашел как-то Никулин к соседу Плятту. Жили неподалеку друг от друга. Ростислав Янович был безграничной души человек. Его обаяние даже с киноплёнки перетекает в зал. И начались разговоры, совсем как в новелле «Родственные души», на съемках которой они рассказывали друг другу анекдоты. Выпили, конечно, по чуть-чуть, еще по чуть-чуть, и совсем немного по чуть-чуть. Поговорить оба любили и главное – умели. Засиделись. Поздний вечер за окном. На улице сильный мороз. Максима, отправившегося гулять с собакой, мать попросила зайти и забрать отца безотлагательно еще часа три назад. Максим прокрался в уголок, увлекся общим разговором и потерял счет времени. Собеседники, окончив бутылку, решили добавить.

А рядом с Большой Бронной – Суворовский бульвар, Дом журналиста. Отправились туда. Цель оправдывает средства. Домой возвращались по морозу уже часа в три ночи. Поют, смеются, галдят, собака рядом оживленная трусит. Плятт на костыле прыгает, накануне что-то случилось с ногой. Отец и сын Никулины по бокам подстраховывают Ростислава Яновича. Уткнулись в металлические ограждения вокруг дома. Вытащили их на проезжую часть, перегородили бульвар. Редкие машины едут, разворачиваются перед препятствием, обратно уезжают. А Плятту непременно вдруг захотелось начертать костылем на чистом снегу сочное, короткое и непечатное слово. Вслух неловко, на стене недостойно, а снег все стерпит и, главное, растает. Отец и сын Никулины подперли его с двух сторон, он пишет, старается. Костыль время от времени падает в пушистый снег. Всех троих душит смех. Собака веселым лаем подгоняет снежное хулиганописание. Милиция едет. Узнали, помахали рукой. Развернулись и уехали. Плятт дочертил короткий автограф. Оживленная компания отправилась домой. Песни, анекдоты, смех, лай. Вечер удался на славу! Подошли к дому и тут стихли разговоры, погасли улыбки, замерло дыхание. Встали как вкопанные. Одна собака радостно бросилась вперед, виляя хвостом.

Возле дома хмурые, замерзшие жены, в шубах, накинутах на белье, и в сапогах на босу ногу. В руках не скалки, но что-то очень похожее и угрожающее. Мороз. Три часа ночи.

– Ну, Максим, вот от тебя уж никак не ожидала, ведь ты с собакой! – гневно в сердцах произнесла Татьяна Николаевна и, круто повернувшись, вошла в подъезд. «Чудом уцелевшая собака» виновато последовала за рассерженной хозяйкой, поджав хвост.

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО

Родители заработали в голодное время двадцатых годов мешок крупчатки и сменяли ее на козу, которая меня выкормила. У матери рано пропало молоко. Козу звали Танька. Важное для меня имя. Жену мою зовут Татьяна.

Помню, когда я впервые услышал от Карандаша фразу: «Клоуном нужно родиться», то потом долго думал об этом и все анализировал: родился я клоуном или нет?

Фильмы Чарли Чаплина помогли моим творческим поискам в цирке и кино. Они стали для меня эталоном смешного.

Я наивно считал, что самые счастливые женщины – жены клоунов. У них в семье всегда весело, каскад шуток за столом, какие-то необыкновенные развлечения, бесконечные импровизации и упражнения в остроумии. Я с обожанием смотрел на каждого клоуна, ибо все они представлялись мне людьми романтическими и удивительными.

Очень многим я обязан моей жене Татьяне Николаевне. Будь на ее месте другая женщина, не знаю, как сложилась бы моя жизнь. Человек, который меня понимал. Мы дополняли друг друга. Покойный Зиновий

Гердт и Эльдар Рязанов в ЦДРИ пели куплеты: мол, какой же я работник искусств, если у меня все время одна жена. Я ее полюбил, она вошла в мою жизнь, бросила академию сельскохозяйственную, чтобы скитаться по городам.

Юмор очень чуток и имеет способность быстро изменяться в зависимости от времени и усложняться. Из Риги мне прислали толстенную книгу анекдотов еще довоенного издания. Там фигурирует даже шут Петра I Балакирев.

Какой же тогда был юмор? Вчитываюсь во многие анекдоты и голову ломаю, что же тут смешного.

Юмор – часть жизни. Человек, лишенный чувства юмора, неполноценный и очень подозрительный.

Одна и та же шутка в различных жизненных ситуациях звучит по-разному. Есть шутки, которые живут долго, а есть такие как бабочки – только один день.

Я – клоун. Я получаю радость, когда слышу, как смеется зал. Я получаю радость, когда вижу улыбки детей и взрослых. Я получаю радость, когда после наших реприз раздаются аплодисменты. Всегда считал, что нельзя играть клоуна. Необходимо каждый раз отталкиваться от себя, клоуном надо быть!

День директора. Он не такой, как день клоуна. Другие заботы. Мне кажется, я мало изменился по характеру. Да, я человек ленивый, что там скрывать. Но обязательный. Если кому-нибудь обещал, стараюсь выполнить.

Я часто вспоминаю слова Карандаша: «Влезть на гору легче, чем потом на ней удержаться».

Маленьким я мечтал дожить до пятидесяти лет, как бабушка. Пятьдесят лет – все-таки полвека! Позже я мечтал дожить до шестидесяти. А теперь жду открытий в медицине, которые позволили бы продлить жизнь до ста лет.

Береги честь смолоду! Слово «честь» от слова «честный». Когда начинал книжку писать, мама просила: «только не ври». Я выполнил.

Я, когда написал первые несколько страниц своей книги, мой друг, журналист Шахиджаниян, который мне помогал, внимательно прочитал и вернул мне, вычеркнув в этих трех страницах 25 «я». Это было для меня уроком. «Я» – последняя буква в алфавите, что о ней и говорить.

Шутки и крылатые фразы из любимых фильмов

«Афоня». Режиссер Г. Данелия, сценарист А. Бородянских (1975).

- А знаете, кто вы?
- Кто?
- Крокодил Гена.
- Такой же красивый?
- Не-а, такой же добрый.

* * *

- Вы Афанасий.
- О! Страна знает своих героев!

* * *

Главное, чтоб сам человек был хороший. В принципе. Ошибки всегда можно исправить!

* * *

Гони рубль, родственник! Мне Афоня рубль должен был.

* * *

Да ты на себя в зеркало-то посмотри! Сорок лет! Да тебе больше двадцати шести в жизни не дашь!

* * *

– Если б тебе предложили планету с любой жизнью, ты б с какой выбрал?

– Да где пиво бесплатное.

* * *

– Жениться тебе надо, Афанасий, жениться!

– На кой? Чтоб меня тоже из дома выгнали?

* * *

– Как вас зовут?

– Клара.

– А меня Карл.

* * *

Как жизнь молодая?

* * *

– Козел ты, а не дама!

– Что?!

– Прекрасная погода, не правда ли?

* * *

Крокодил Гена у телефона. Вот и созвонились.

* * *

– Ну-ка, потрогай, есть у меня температура?

– Комнатная.

* * *

– Об косяк ударился, что ли?

– Да нет, самолет.

– Какой самолет?

– Ту-134. Он на посадку шел, а я зазевался, и как – бац.

* * *

От себя-то убежать можно, а вот от милиции не убежишь!

* * *

Пить надо меньше!

* * *

– Совесть у тебя есть?

– Совести-то у меня – во! С прицепом! А времени нет!

* * *

– Тебя как зовут-то, карглазая?

– Катя.

– А меня Дормидонт Евлампиевич.

* * *

– Чувствуйте себя как дома!

– Да не забывайте, что в гостях!

* * *

– Я не курю.

– Ну и зря! Лишаешь себя удовольствия.

«Большая перемена». Режиссер А. Коренев, сценаристы Г. Садовников, А. Коренев, текст песен М. Танич (1973).

– А что это ты мне глазки строишь?

– А чего тебе, кооператив строить?

* * *

Вот ходит, ходит человек в школу, вдруг – бац! Старая парта.

* * *

Впрок! Думаешь, я пить хочу? Не-а! Тоже впрок!

* * *

– Вы заме... замечательный человек!

– Нет!

– Нет, замечательный!

– Нет, я жмот!

* * *

Доктор, вы чью кровь в меня влили?!

* * *

Если нужно, моя группа крови совпадет с его группой!

* * *

Жаль только, жизнь одна? Было б у меня их три – три б зарплаты получал бы!

* * *

– Знания у нас дают бесплатно.

– Бесплатно?

– Бесплатно.

– И много дают?

– На жизнь хватит.

– Тогда я учусь!

* * *

– Значит, она ваша невеста.

– Да. Но она об этом еще не знает!

* * *

Мировой аттракцион! Фантастическая жадность! Пьер Тимохин считает копейки!

* * *

Может быть, ребенка вытащить из горящего дома или там бабушку через дорогу перевести!

* * *

Мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает...

* * *

Не монтируюсь я с партией!

* * *

Не надо спорить с учителем. Учитель всегда прав!

* * *

Разрешите вами восхищаться!

* * *

Самое прекрасное лекарство – работа.

* * *

Ты меня еще не знаешь! Вот ты поживешь со мной – ты меня еще узнаешь!

* * *

– У вашего знакомого личная драма.
– «Коварство и любовь», так сказать.
– Скорее, «Утраченные иллюзии».

* * *

Ходишь, ходишь в школу, а потом – бац! Вторая смена.

* * *

Часто простое кажется вздорным, черное – белым, белое – черным...

* * *

Я без пяти минут доктор наук. Вы представляете, в мои молодые годы!

* * *

Я вас люблю... – сказала Ольга Ильинская Обломову.

* * *

Я наблюдал за вами семь дней и пришел к выводу, что вы меня достойны!

* * *

Я тоже человек: я целоваться хочу!

* * *

Я хотел бы вам рассказать про свой богатый внутренний мир!

«Бриллиантовая рука». Режиссер Л. Гайдай, сценаристы М. Слободской, Я. Костюковский, Л. Гайдай, автор песен А. Дербенев (1968).

А вот я люблю песню про зайцев.

* * *

А вы говорите: поскользнулся, упал. Закрытый перелом! Потерял сознание, очнулся – гипс.

* * *

- А вы какие-нибудь сувениры с собой берете?
- Нет, нет, нет, нет, нет.
- А я взял.
- Водку?

* * *

А дубы-колдуны что-то шепчут в тумане, у поганых болот чьи-то тени встают...

* * *

А зачем подружка? Мой халатик почти как тот.

* * *

- А мое алиби?
- Ах да, ты остаешься со следами насилия на лице.

* * *

А нам все равно, а нам все равно...

* * *

А нельзя ли, чтоб этот гипс вместо меня поносил ктонибудь другой?

* * *

- А под дичь будешь?
- Под дичь буду.

* * *

- А под дичь водку не пьют.
- А что?
- Пьют это, фш-ш-ш!

* * *

- А ты Софи Лорен видел?
- У-у.
- А кока-колу пил?
- Угу.
- Ну и как?..

* * *

- А у вас нет такого же, но с пера... с перламутровы ми пуговицами?
- К сожалению, нет.

– Будем искать.

* * *

– А что, что я должна была подумать?

– Все что угодно, но только не это!

* * *

А эта странная фраза: «Собака – друг человека!». Странная, если не сказать больше.

* * *

Алло, алло, шеф, это я... алло, шеф, это я, Лелик, Лелик!

* * *

Асфальтовая дорожка, ведущая к туалету, проходит мимо пихты, где буду находиться я. Такова наша дислокация.

* * *

Бежевая «Волга», 28–70 ОГО.

* * *

Береги руку, Сеня, береги.

* * *

Быстренько сымем гипс, выпотрошим его, и полный порядок!

* * *

Быстро! Строго на север порядка пятидесяти метров.

* * *

Будет тебе там и ванна, будет и кофе, будет и какава с чаем.

* * *

Буду бить аккуратно, но сильно.

* * *

В темно-синем лесу, где трепещут осины, где с дубов-колдунов облетает листва, на поляне траву зайцы в полночь косили...

* * *

Вам предоставлена отдельная квартира, там и гуляйте.

* * *

Весь покрытый зеленью, абсолютно весь, остров невезения в океане есть...

* * *

– Вот здесь пятьсот рублей.
– Новыми?

* * *

Вот кенс мэн?

* * *

– Вот он. Все в порядке: товар как в сейфе.
– А ключ?

* * *

Время – деньги. Как говорится, когда видишь деньги, не теряй времени.

* * *

– Все должно быть достоверно: упал, выругался...
– Черт возьми! О, прости, черт побери!
– Смотри не перепутай.

* * *

Все меняется. Операцию будем проводить у Белой скалы.

* * *

Вы меня извините, я слышала, ну, случайно у меня есть то, что вы ищете. И как раз с перламутровыми пуговицами.

* * *

Вы называли меня умницей, милою девочкой, но не могли понять, что шутите вы с вулканом страстей!

* * *

– Геша, ты б ушел от такой женщины?!
– Я – нет, но он верный муж.

* * *

Дальше следует непереводаемая игра слов с использованием местных идиоматических выражений.

* * *

- Держите.
- Зачем?
- Ну, как говорится, на всякий.

* * *

Дичь не улетит, она жареная.

* * *

- Дяденька, чего вы кричите?
- Иди отсюда, мальчик, не мешай.

* * *

- Ей, может, что-нибудь надо.
- Что ей надо, я тебе потом скажу.

* * *

Если человек идиот, то это надолго!

* * *

Если я не ошибаюсь, то здесь будет такой клев, что ты забудешь все на свете.

* * *

За наше случайное знакомство!

* * *

За одно зеркальное разбитое стекло ваш муж заплатил девяносто семь рублей восемнадцать копеек. Откуда у него такие деньги?

* * *

- За твою премию.
- Дай бог, не последнюю.

* * *

Завербовали! Но как он мог! Ох, он такой доверчивый! Рука! Его пытали! Как же я раньше не догадалась!

* * *

- И что же, все эти десять лет он пил, дебоширил и, так сказать, морально разлагался?

– Ну нет! Вы знаете, все это время он искусно маскировался под порядочного человека.

* * *

Идиот! Детям мороженое!

* * *

К жене приедете как огурчик: без гипсу, без пыли, без шуму.

* * *

Как говорит наш дорогой шеф...

* * *

Как говорил один мой знакомый... покойник... я слишком много знал.

* * *

Как его довести до комундиции, он малопьющий?

* * *

Как ты могла подумать такое?! Ты, жена моя, мать моих детей!

* * *

Каждый человек способен на многое. Но, к сожалению, не каждый знает, на что он способен.

* * *

– Клиент созревает, будь готов!

– Всегда готов!.. Идиот!

* * *

Клев будет. Это я беру на себя. Клевать будет так, что клиент позабудет обо всем на свете.

* * *

Клиент, проходя мимо пихты, попадает в мои руки, а дальше – вопрос техники.

* * *

– Крок эс кусто беншлак мордюк!

– Крок эс кус мордюк тор беншлак.

* * *

– Кто возьмет билетов пачку, тот получит...

– Водокачку.

* * *

Кто заказывал такси на Дубровку?

* * *

Куй железо, не отходя от кассы.

* * *

Легким движением руки брюки превращаются, брюки превращаются... превращаются брюки... в элегантные шорты. Простите, маленькая техническая неувязка.

* * *

Жду. Лелик, жду. Клиент будет в порядке.

* * *

– Лелик, но это же неэстетично.

– Зато дешево, надежно и практично.

* * *

Лелик, только без рук, я все исправлю!

* * *

– Летят утки, летят утки.

– И два гуся.

* * *

Лучше бы я упал вместо тебя.

* * *

– Мне надо посоветоваться с шефом, с начальством.

– С Михал Иванычем?

– С Михал Иванычем, с Михал...

– Привет Михал Иванычу.

* * *

– Может, пока бокал вина?

– Хорошо бы пива.

– Нет! Только вино!

* * *

Молчи, несчастная, молчи!

* * *

Мы вообще дальше Дубровки никуда не ездили.

* * *

На одну зарплату на такси не разъездишься.

* * *

На чужой счет пьют даже трезвенники и язвенники.

* * *

Начинаю действовать без шума и пыли по вновь утвержденному плану!

* * *

- Наши дворы планируются не для гуляний.
- А для чего?
- Для эстетики.

* * *

Наши люди в булочную на такси не ездят.

* * *

Не виноватая я!.. Он сам пришел!

* * *

Не надо меня щадить, пусть самое страшное, но правда.

* * *

Нет, на это я пойтить не могу!

* * *

Нет такого мужа, который хоть на час бы не мечтал бы стать холостяком.

* * *

- Никто не должен знать.
- И Надя?
- Никто.

* * *

Ничего особенного, обыкновенная контрабанда.

* * *

Ноу, нихт, нет, ни в коем случае!

* * *

Ну-ка, иди отсюда, Миша. Как у вас там говорят, топай до хазы!

* * *

Ну, пора, турист.

* * *

О-о, аи ибе ханабадэн!

* * *

– Они будут следить за вами, а мы за ними, и как только попытаются снять, мы их возьмем.

– Ага, вроде живца. Понимаю, сам рыбак.

* * *

Откуда у тебя пистолет и деньги?

* * *

Отлично, отлично, скромненько, но со вкусом.

* * *

Печенкой чую: клюнула настоящая рыба.

* * *

– Пистолет и деньги я получил для выполнения ответственного спецзадания.

– А-а! Какого?

– Этого я тебе не могу сказать. Пока.

* * *

По всей форме: опись, протокол, сдал, принял, отпечатки пальцев.

* * *

– Поймали!

– А кто он?

– Лопух!

* * *

Помоги мне! В желтоглазую ночь позови. Видишь, гибнет, сердце гибнет в огнедышащей лаве любви!

* * *

– Послушайте, как бьется сердце. Стучит?.. Стучит?..
– Стучит.

* * *

Потолкайтесь по коммиссионкам, загляните на рынок, посидите в ресторане.

* * *

Придет время, ты все узнаешь. Может, меня даже наградят. Посмертно!

* * *

Приходится рвать когти. Начальство приказало менять точку, перебазироваться.

* * *

Про зайцев – это не актуально.

* * *

Прости, друг!

* * *

– Распространите среди жильцов нашего ЖЭКа.

– А-а, е...

– А если не будут брать, отключим газ.

* * *

– Ребята, на его месте должен был быть я.

– Напьешься – будешь.

* * *

Руки у-верх! Обои! Убью!

* * *

– С войны не держал боевого оружия.

– Ну, это не боевое, а скорее психологическое. При случае можно пугнуть, подать сигнал. Заряжен холостыми.

- Дайте один боевой.
- Зачем?
- На всякий пожарный.
- Не надо.
- Ясно.

* * *

С ночевкой не поеду, боюсь застудить.

* * *

Семен Семеныч, ну давайте без самодеятельности.

* * *

Сеня, не шали, не шали!

* * *

Сеня, по-быстрому объясни товарищу, почему Володька сбрил усы.

* * *

- Сеня, ты меня уважаешь?
- Уважаю, но пить не буду.
- Тогда я тебя укушу.
- Кусай.

* * *

- Сеня, ты уже дошел до кондиции?
- До какой?
- До нужной.
- Нет.
- Тогда еще по рюмочке.
- Не-не-не, больше не буду.
- Должен.

* * *

- Скажите, вы это хорошо прикрепили?
- Не беспокойся, алкаш, не сорвешь.
- А теперь снимите.

* * *

- Скажите, пожалуйста, у вас нет такого же, но без крыльев?
- К сожалению, нет.
- Нет, да?
- Нет.

– Будем искать.

* * *

Слова любви вы говорили мне в городе каменном, и фонари с глазами желтыми нас вели сквозь туман.

* * *

Смотри, не перепутай, Кутузов!

* * *

Спокойно, Козлодоев, сядем усе!

* * *

Строго на север, порядка пятидесяти метров, расположен туалет типа сортир, обозначенный на схеме буквами Мэ и Жо.

* * *

Такова се ля ви, как говорят у них.

* * *

Там живут несчастные люди-дикари, на лицо ужасные – добрые внутри...

* * *

Тема лекции: «Нью-Йорк – город контрастов».

* * *

Глетворное влияние Запада, эти игрушки идиотские...

* * *

Товарищи, товарищи, товарищи, хорошо бы ай-лю-лю, цигель, цигель, время, товарищи!

* * *

Только не суетись: детям – мороженое, бабе – цветы...

* * *

– Ты зачем усы сбрил?

– Что?

– Я говорю, зачем усы сбрил, дурик?

– У кого?

* * *

Ты приводишь клиента в ресторан, доводишь его до нужной кондиции и быстренько выводишь освежиться. Убедившись, что клиент следует в заданном направлении, со словами: «Сеня, я жду тебя за столиком», – быстренько возвращаешься на исходную позицию. Твое алиби обеспечено.

* * *

– Ты что, глухонемой, что ли?

– Да.

– Понятно.

* * *

– У вас ус отклеился.

– Спасибо.

* * *

У нас есть точка на трассе, там и сымем гипс.

* * *

– У тебя там не закрытый перелом, а что... что у тебя там?

– Золото-бриллианты!

* * *

Федя, еще по сто пятьдесят шампанского – и все!

* * *

– Человека можно напоить, усыпить, оглушить, ну, в общем, с бесчувственного тела. Наконец, с трупа.

– С чьего трупа?

– Но я уверен, что до этого не дойдет.

* * *

Человеку нужно верить только в самом крайнем случае.

* * *

– Черт возьми! О, прости, черт побери!

– Смотри, не перепутай.

* * *

Читали в «Неделе» отдел «Для дома для семьи»? Врачи рекомендуют: успокаивает нервную систему, расширяет сосуды. Пейте.

* * *

Что б они ни делали, не идут дела, видно, в понедельник их мама родила...

* * *

Чтоб я видел тебя в гробу в белых тапках!

* * *

Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты.

* * *

– Шеф дает нам возможность реабилитироваться. Местом операции под кодовым названием «Дичь»...

– Как?

– «Дичь»... он определил летний ресторан «Плакучая ива».

* * *

Шеф, все пропало, все пропало! Гипс снимают, клиент уезжает...

* * *

Элементы сладкой жизни! И вы знаете, я не удивлюсь, если завтра выяснится, что ваш муж тайно посещает любовницу!

* * *

Я заказал Феде дичь. Очень прошу вас.

* * *

Я не знаю, как там в Лондоне, я не была, может, там собака друг человека, а у нас управдом – друг человека.

* * *

Я не трус, но я боюсь. Боюсь, смогу ли я, способен ли.

«Деловые люди». Сценарист и режиссер Л. Гайдай. По новеллам О. Генри (1962)

«Вождь краснокожих»

Ветер отчего дует?.. Оттого, что деревья качаются!

* * *

Еще одна ночь с этим мальчишкой – и я в сумасшедшем доме!

* * *

Не люблю девчонок!

* * *

Он хороший дядя. Добрый. А ты ему булыжничком попал прямо в глазик. Сделал бо-бо.

* * *

Считай, что деньги у нас уже в кармане!

* * *

Тихо, приятель! Кажется, шпионы бледнолицых.

* * *

Ты всегда был настоящим другом!

* * *

Успеем добежать до канадской границы.

* * *

Эй, мальчик! Хочешь получить пакетик леденцов и прокатиться?

* * *

Это обойдется папаше Дорсету в лишних 500 долларов!

«Родственные души»

– Вас когда сильнее донимает? По утрам или ночью?

– Ночью. Когда самая работа.

* * *

Ни черта доктора в этой болезни не понимают!

* * *

– Одна только вещь помогает.

– Припарки из галаадского бальзама?.. Что же, орех святого Игнатия?.. Ну, тогда это...

– Хорошая выпивка!

* * *

Скажите, а вы не пробовали мочу молодого поросенка?

«Джентльмены удачи». Режиссер А. Серый, художественный руководитель картины Г. Данелия, сценаристы В. Токарева, Г. Данелия (1971).

А в тюрьме сейчас ужин. Макароны.

* * *

- А вот моего мужа ни за что стирать не заставишь.
- Доцент бы заставил.

* * *

А Гаврила Петрович по фене ругается.

* * *

- А где она теперь, жена-то?
- Нету.
- Умерла?
- Я... умер.

* * *

- А зачем нам английский?
- Посольство будем грабить.

* * *

- А над чем вы сейчас работаете?
- Да так, ищем.

* * *

- А ну канай отсюда!
- Точно, Канай! И пусть капает отсюда, а то я ему рога поотшибаю, пасть порву, моргалы выколю!

* * *

А он еще губной помадой на зеркале голую женщину нарисовал.

* * *

- А что, профессор не приехал?
- Нет, доцент приехал.

* * *

- А шкреды-то себе милицейские купил.
- Так-то восточный базар был, а не ГУМ.

* * *

Автомашину куплю с магнитофоном, пошью костюм с отливом и – в Ялту.

* * *

- Али-баба.
- Я же сказал: клички – отставить.
- Это фамилия, а имя – Василий Алибабаевич, Вася.

* * *

Архео-о-ологи-и!..

* * *

Бабушка, туда не ходи, сюда ходи, а то снег башка попадет...

* * *

- Больно, Гарик?
- Больно, Вася.

* * *

В поезде я с полки упал, башкой вниз, ударился, тут помню, тут – ничего.

* * *

- В угол поставлю!
- Чего?
- Пасть порву!

* * *

- Вам куда?
- В тюрьму.

* * *

Вам английский язык. Выучить от сих до сих. Приеду – проверю. Если не выучите, моргалы выколю, пасти порву и, как их, эти, носы пооткушу.

* * *

Вежливость – лучшее оружие вора.

* * *

Вон мужик в пиджаке! А вон оно... дерево!

* * *

- Воркута.
- Почему Воркута?
- А я там сидел.

* * *

Вот у меня один знакомый, тоже ученый, у него три класса образование, а он десятку за полчаса так нарисует, не отличишь от настоящей.

* * *

- Врачиха в милицию накапает.
- Не накапает.
- Почему?
- Я ее того, бритвой по горлу. В колодце она лежит, можешь посмотреть.

* * *

Все. Кина не будет. Электричество кончилось.

* * *

Все побежали, и я побежал.

* * *

Все склоки прекратить! Не играть, не пить, не воровать... без меня.

* * *

Всю жизнь работать на лекарство будешь!

* * *

- Вы из какого общества, ребята?
- «Трудовые резервы».
- А что, «Динамо» бежит?
- Все бегут.

* * *

Вы хотите, чтоб я разгуливал по Москве с такой рожей да еще в такой компании!

* * *

- Вы чего-нибудь спрячете тут, я вернусь – найду. Хорошо, Федя?!
- Ты б лучше шлем нашел.

* * *

Где хошь, говорит, найду и горло перережу.

* * *

Говорил... а говорил, порожняком пойдет.

* * *

Год у него был. Три – за побег. Пять – за детсад. Иди, иди, Вась.

* * *

– Девочки, а вы случайно не ошиблись?

– Заходи, дядя. Ну, чего уставился?

* * *

– Девушка?

– Чувиха.

– Да нет, по-английски. Ну?.. Герл!

– О, ес, герл!

– Ес, ес, ОБХС!

* * *

– Девушка, а девушка, а который час?

– Шесть пятнадцать.

– Девушка, а девушка, а как вас зовут?

– Таня.

– А меня Федя.

– Ну и дура.

* * *

Деньги ваши – будут наши.

* * *

– Дерево там тако-о-ое.

– Елка, что ли?

– Сам ты елка! Тебе ж говорят – во!..

* * *

Деточка, а вам не кажется, что ваше место возле параша?!

* * *

– Джамбул.

– А при чем тут Джамбул?

– Потому что там тепло, там мой дом, там моя мама.

* * *

Доцент, у меня насморк.

* * *

Дочь хозяина, барыги. Только она думает, что папаша ее ученый, и про нас он ей тоже насвистел, что мы ученые.

* * *

Если б мы еще шапка принесли!..

* * *

Женский туфли хочу. Три штуки. Размер сорок два, сорок три, сорок пять.

* * *

Жуликов много, а шапка одна...

* * *

За шлем бы нам срок сбавили!..

* * *

– Завяжу. На работу устраюсь.

– Кем? В родном колхозе сторожем?

– Почему сторожем? Могу снег чистить, кирпичи класть... или переводчиком. Английский я знаю.

* * *

Заметут, заметут нас здесь!

* * *

– Засекли нас.

– С чего ты взял?

– Чувствую. Я всегда чувствую.

* * *

Застукают нас здесь. В дамский идти надо.

* * *

Здравствуй, дорогой папа! Мы узнали, что ты сидишь в тюрьме, и очень обрадовались...

* * *

И я за какой-то паршивый четырнадцать лет эта гадюка терпеть буду, который старуха колодец положила?!

* * *

Инженеришко рядовой, и все. Ну что у него за жизнь! Утром – на работу, вечером – с работы. Дома жена, дети сопливые. Ну в театр сходит, ну летом в санаторий съездит в Ялту. Тоска смертная!

* * *

Интересно, какая зараза хмыренку этому на Хмыря накапала?

* * *

Как стемнеет, кассу будем брать.

* * *

– Какой бульвар? Как называется?

– Ну где машины ходят, ну.

* * *

Какой хороший цемент. Не отмывается совсем.

* * *

Какая отвратительная рожа!

* * *

Канай отсюда, рога поотшибаю, редиска!

* * *

Карту купи, лапоть!

* * *

– Ключи, ключи же есть.

– Привычка.

* * *

Кто же его посадит?!.. Он же памятник!

* * *

– Кто это?

– Никола питерский.

* * *

Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!

* * *

Летчик-налетчик.

* * *

Лошадью ходи, век воли не видать!

* * *

– Мама говорит, что ты хороший, но слабохарактерный.

– Точно. Слабохарактерный. Стырил общие деньги и на таксиста свалил.

* * *

Мальчик, а это какой город?

* * *

Маскироваться нужно, доцент.

* * *

Митяй, схорониться мне надо.

* * *

Может, сейчас с Хмырем на вокзальчик сбегает?

* * *

Мы будем прятать, а он дырка смотреть, да?

* * *

Мы вам приклеиваем парик, рисуем татуировку и сажаем в тюрьму.

* * *

На даче будем жить у барыги одного.

* * *

– Нас четверо.

– И все заведующие?

* * *

Нашел фраера с тобой играть! У тебя ж в колоде девять тузов.

* * *

Нехороший ты человек, Косой. Злой как собака.

* * *

Ну вы будете жрать или нет?

* * *

– Обзовись.

– Век воли не видать.

* * *

Обрили уже!

* * *

Ой, кого я вижу! Хмыренок!

* * *

Пасть порву! Моргалы выколю!

* * *

Подкрепитесь основательно. Ракета до обеда на землю не вернется.

* * *

Поймают. Как пить дать застукают...

* * *

Положи верблюда!

* * *

Помогите, хулиганы зрения лишают!

* * *

Пришить бы вас, да возиться некогда.

* * *

Продаст. Слышь, доцент, сразу расколется.

* * *

– Почему в таком виде был?

– Ну, это что-то вроде конкурса на звание лучшего бармалея.

* * *

Пусть думают, что мы спортсмены.

* * *

Пусть сами забирают. Такого кабана носить!

* * *

Сан Саныч, давай червонец, пожалуйста, керосинка буду покупать, примус очень худой, пожар может быть.

* * *

Сарделька, сосиска, редиска, Новуходоноссор, петух гамбургский!

* * *

Сдаемсу-у!

* * *

Сегодня завтрак в детском саду у нас отменяется.

* * *

Сейчас только вешался, а сейчас простудиться боится!

* * *

Скоко я зарезал, скоко перерезал, скоко душ я загубил...

* * *

Сколько у меня было? Один год. Сколько за побег дадут? Три. Сколько за детский сад и квартира? Ну, пускай десять...

* * *

Скучно без водки.

* * *

– Слушай, доцент, ты был когда-нибудь маленький?

– Был.

– У тебя папа, мама был?

– Был.

– Зачем ты такой злой, зачем как собака?

* * *

- Слушай, доцент, я говорил тебе, что я завязал? Говорил?
- Говорил.
- Я говорил тебе: лучше не приходи? Говорил?
- М-м, говорил.
- Я говорил тебе: с лестницы спуцу? Говорил?
- Говорил.
- Говорил. Ну вот и не обижайся.

* * *

Совсем озверел, шакал...

* * *

- Так не бывает: тут помню, тут не помню.
- Бывает. Я вот раз надрался, проснулся в милиции – ничего не помню.

* * *

Так он же на этой скачке расколется, редиска, при первом же шухере!

* * *

Так это в Турции, там тепло.

* * *

Такой хороший женцин, а отец барыга, спекулянт.

* * *

Тебя, наверно, сегодня как с лестницы башкой скинули, так у тебя и вторая половина отказала.

* * *

- Теперь две штуки стало.
- И там, на даче, еще один.

* * *

Тики-так, как стемнеет, будем брать.

* * *

То бензин, а то дети.

* * *

Торчим у всех на виду, как три тополя на Плющихе.

* * *

Ты вор, джентельмен удачи!

* * *

Ты, конечно, вор авторитетный, но зачем ты при Мишке?..

* * *

Ты куда шлем дел, лишенец?

* * *

Тяжелая шапочка.

* * *

– У тебя какой срок был?

– Один год.

– А теперь еще три припаяют.

* * *

– Украл, выпил – в тюрьму, украл, выпил – в тюрьму. Романтика!

* * *

Устроили тут ромашку: помню – не помню... дайте спать.

* * *

Ухи, ухи, ухи!

* * *

Хоть бы записку оставил, когда вешался.

* * *

Что же они, по-вашему, сквозь шланг проскочили?

* * *

– Что он теперь подумает?

– А чего ему думать? Завидовать будет.

* * *

- Что это у тебя?
– На-а-адо.

* * *

Чуть что, так сразу Косой! Чуть что, сразу Федя, Федя!

* * *

- Что он теперь подумает?
– А чего ему думать? Завидовать будет.

* * *

Шакал я паршивый, все ворую, ворую.

* * *

Шакал я паршивый, у детей деньги отнял, детский сад ограбил.

* * *

Эй, гражданина, ты туда не ходи, ты сюда ходи. А то снег башка попадет, совсем мертвый будешь.

* * *

Этично – неэтично! Это у нас с ними цацкаются, на поруки берут, перевоспитывают, а надо как в Турции в старину поступали. Посадят вора в чан с дерьмом, только голова торчит, и возят по городу. А над ним янычар с мечом, и через каждые пять минут как вжик мечом над чаном! Так что, если вор не нырнет, голова с плеч. Вот так он весь день в дерьмо и нырял.

* * *

Это Вася, наш младший научный сотрудник.

* * *

Это таксист спер, точно таксист, мне его рожа сразу не понравилась.

* * *

Это тебе не мелочь по карманам тырить!

* * *

Этот нехороший человек предаст нас при первой опасности.

* * *

Я было к тебе сунулся, да чувствую: засада там.

* * *

– Я доцент.
– Поздравляю!..

* * *

Я ему давеча говорю: у меня насморк, так он...

* * *

Я злой и страшный серый волк, я в поросятах знаю толк. Р-р-р!..

* * *

Я не могу. У меня работа, дети, у меня елка на носу.

* * *

Я не прокурор, чтоб с тобой по душам разговаривать.

* * *

Я тебе говорил: у меня насморк, а ты – пасть, пасть! Нырять заставлял в такую холодину.

* * *

Я чувствую, я всегда чувствую.

* * *

Явился, нехороший человек.

* * *

Этот Василий Алибабаевич, этот нехороший человек мне на ногу батарею сбросил... падла!

«Женитьба Бальзаминова». Сценарист и постановщик К. Воинов. По мотивам трилогии А. Н. Островского (1964).

Вечно вы, маменька, помечтать не даете!

* * *

– Вместо водки поднесли рюмку ладиколону.
– Ох! Ну скажи ты!..
– Ничего. Я выпила. Да еще и поблагодарила. От него ведь вреда-то нет, от ладиколону-то.

* * *

Все так говорят, но на деле выходит совсем противное.

* * *

- Вы давно в меня влюблены?
- В четверг после обеда, на прошлой неделе.
- Так это недавно.
- Могу больше.

* * *

- Говорят, белый арап на нас поднимается!
- А откуда же он? Белый... арап?
- Из Белой Арапии.

* * *

Говорят, какая-то комета или планида идет. Так ученые смотрели на небо в микроскоп.

* * *

Как жить на свете?! Какие страсти!.. Времена-то какие... тяжелые.

* * *

Мы дамы тучные, долго ли до греха! Оборвется сердце – и конец!

* * *

Наша сестра должна опасаться по своей горячности к любви.

* * *

Опять прервали. Ну зачем же? На самом интересном месте.

* * *

- Тоска, Анфиса.
- Тоска, Раиса.

* * *

У меня совесть-то чище золота, одно слово – хрусталь.

* * *

Я все ученье видела от своего супруга покойного. Вот, ты спроси... спроси, чем я не бита! Кочергой бита, поленом бита, о печку бита, печкой... вот, печкой не бита.

* * *

Я мужчин не виню: им все легко и доступно.

* * *

Я ни от чего не отказываюсь. Все добро, все на пользу. Ничем не брезгую.

* * *

Я никогда не закусываю. Я этой глупой привычки не имею.

* * *

Я никогда не сержусь. Я добрая.

«Кавказская пленница». Режиссер Л. Гайдай, сценаристы Я. Костюковский, М. Слободской, Л. Гайдай, автор песен А. Дербенев (1966).

А кто вообще спрашивает невесту?! Мешок на голову и... фьють!

* * *

А спать вы стоя будете?

* * *

А ты не путай свою личную шерсть с государственной!

* * *

А я пью? Что тут пить?

* * *

Аполитично рассуждаешь, клянусь, честное слово. Не понимаешь политической ситуации.

* * *

– Бамбарбия. Киргуду.

– Что он сказал?

– Он говорит: если вы откажетесь, они вас зарежут. Шутка!

– Шутка!

* * *

– Барта-барли, курзал!

– Что он говорит?

– Он говорит: приятного аппетита.

– А-а!

– Кушайте, кушайте.

* * *

Баранов – в стойло, холодильник – в дом.

* * *

– Белая горячка.

– Да, белый, горячий, совсем белый.

* * *

Будем стараться, дорогой товарищ Аджабраил!

* * *

Будешь жарить шашлык из этого невеста, не забудь пригласить.

* * *

Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса!..

* * *

Важно вылечить, важно вернуть обществу полноценного человека, да. Торопиться не надо.

* * *

Вот это и есть то маленькое, но ответственное поручение.

* * *

Все это так, все это верно, бумага написана правильно, да. Только с одной стороны, да. Но есть и другая сторона медали.

* * *

Вы сюда приехали, чтобы записывать сказки, понимаете ли, а мы здесь работаем, чтобы сказку сделать былью, понимаете ли.

* * *

Вы не оправдали оказанного вам высокого доверия.

* * *

Где-то на белом свете, там, где всегда мороз...

* * *

– Где у нас прокурор?

– В шестой палате, где раньше Наполеон был.

* * *

Грешно смеяться над больными людьми.

* * *

Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире!

* * *

Да отсохнет его карбюратор во веки веков!

* * *

Даже смешно торговаться.

* * *

Двадцать пять баранов, в то время когда наш район еще не полностью рассчитался с государством по шерсти и мясу.

* * *

Диагноз товарища Саахова явно подтверждается.

* * *

Если б я был султан, я б имел трех жен и тройной красотой был бы окружен. Но, с другой стороны, при таких делах – столько бед и забот, ах, спаси, аллах!

* * *

– Жить, как говорится, хорошо.

– А хорошо жить – еще лучше.

* * *

За твою поганую шкуру я буду отвечать только перед своей совестью джигита, честью сестры и памятью предков.

* * *

Запиши пока свой тост и в трех экземплярах представь потом в письменном виде.

* * *

Зачем милиция? Не надо этих жертв! Прямо к прокурору: он все поймет.

* * *

И вот когда вся стая полетела зимовать на юг, одна маленькая, но гордая птичка сказала: «Лично я полечу прямо на солнце». И она стала подниматься все выше и выше, но очень скоро обожгла себе крылья

и упала на самое дно самого глубокого ущелья. Так выпьем же за то, чтобы никто из нас, как бы высоко он ни летал, никогда не отрывался бы от коллектива.

* * *

И принцесса от злости повесилась на собственной косе, потому что он совершенно точно сосчитал, сколько зерен в мешке, сколько капель в море и сколько звезд на небе. Так выпьем же за кибернетику.

* * *

Или выйдешь оттуда женой товарища Саа... Ах, какого жениха! Или вообще не выйдешь.

* * *

- Их двое.
- И этот еще, с хвостом.
- Осел не в счет.

* * *

Как говорит наш замечательный сатирик Аркадий Райкин, женщина – друг человека.

* * *

Короче, Склифосовский!

* * *

- Кто жених?
- У нас иногда узнают об этом только на свадьбе.

* * *

- Кузбас – это всесоюзная кузница, да, Кубань – всесоюзная житница, а Кавказ – это всесоюзная... что?
- Здравница!
- Нет, Кавказ – это всесоюзная и кузница, и здравница, и житница.

* * *

Ла-а, ла-ла, вертится быстрее земля...

* * *

Машина – зверь, слушай!

* * *

Между прочим, в соседнем районе жених украл члена партии.

* * *

Минуточку, минуточку, будьте добры помедленнее, я записываю.

* * *

Мне теперь из этого дома есть только два пути: или я ее веду в ЗАГС, либо она меня ведет к прокурору.

* * *

Мой прадед говорит: «Имею желание купить дом, но не имею возможности. Имею возможность купить козу, но не имею желания». Так выпьем за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями.

* * *

– Молодая еще, капризная.

– Какой капризная, слушай, хулиганка!

* * *

Мы вас вылечим: алкоголики – это наш профиль.

* * *

Мы здесь имеем дело с несчастным случаем на производстве.

* * *

Мы пришли, чтобы судить тебя по закону гор. За то что ты хотел опозорить наш род, ты умрешь как подлый шакал.

* * *

На почве алкоголизма у него появляются какие-то навязчивые идеи. Просто... помутнение рассудка, честное слово.

* * *

Нарушитель – это не нарушитель, а крупный научный работник, человек интеллектуального труда.

* * *

Недаром говорил великий и мудрый Абу-Ахмат-ибн-Бей, первый шофер этой машины...

* * *

Неплохо очень иметь три жены, гораздо лучше с другой стороны.

* * *

Невеста будет сопротивляться, брыкаться, даже кусаться, звать милицию, кричать: «Я буду жаловаться в обком!». Но вы не обращайте внимания. Это старинный красивый обычай.

* * *

Нет, в нашем районе вы уже не встретите этих дедушкиных обычаев и бабушкиных обрядов. Может, где-нибудь высоко в горах, понимаете...

* * *

Носком правой ноги вы давите окурочок вот так: оп-оп-оп-оп-оп-оп-оп.

Второй окурочок! Второй окурочок вы давите носком левой ноги. А теперь оба окурочка вы давите вместе: оп-оп-оп...

* * *

Ну ничего. Через день она проголодается, через неделю тосковать будет, а через месяц умной станет.

* * *

Об этом думать никому не рано и никогда не поздно, между прочим, да...

* * *

Обидно, клянусь, обидно, ну. Ничего не сделал, да. Только вошел...

* * *

Один Аллах ведает, куда девается искра у этого недостойного выродка в славной семье двигателей внутреннего изгорания.

* * *

Они совершенно не говорят по-русски, но все понимают.

* * *

– Особенно бурно это развивается в организме, ослабленном никотином, алкоголем...

– Излишествами нехорошими.

* * *

Отдай рог, отдай рог, я тебе говорю, оба рога отдай!

* * *

Отличница и комсомолка – это как раз то, что нам нужно, да.

* * *

Очень правильное решение. Только я лично к этому не буду иметь никакого отношения.

* * *

Ошибки надо не признавать. Их надо смывать. Кровью!

* * *

Плохо мы еще воспитываем нашу молодежь. Очень плохо. Удивительно несерьезное отношение к браку.

* * *

- Поймать невесту. Сунуть ее в мешок. И передать... кому?
- Влюбленному джигиту.
- Нет, нет. И передать кунакам влюбленного джигита.

* * *

Потом запишешь. Бери стакан.

* * *

Предатель, подлый наемник! Фольклорист несчастный!

* * *

Птичку жалко!..

* * *

- Саахов и украл эту девушку.
- Правильно, украл, и в землю закопал, и надпись написал.

* * *

- Садитесь.
- Спасибо, я постою.

* * *

- Скажите, а это не больно?
- Все зависит от диаметра иглы.
- Скажите, а у вас диаметр... а-а... уже, да?

* * *

- Спокойно, лежите, лежите, иначе – memento mori.
- Моментально.
- В море.

* * *

Стой, псих! Что бежишь как сумасшедший?

* * *

Только без жертв!

* * *

Тост без вина – это все равно что брачная ночь без невесты.

* * *

Тот, кто нам мешает, тот нам поможет.

* * *

Ты же все-таки не козу получаешь, а жену. И какую! Студентка, комсомолка, спортсменка, красавица!

* * *

Ты жизнь видишь только из окна моего персонального автомобиля, клянусь, честное слово!

* * *

У меня к вам будет небольшое, но ответственное поручение.

* * *

– Украсть такую девушку! – Спортсменку! Комсомолку!

* * *

– Цель приезда?

– Этнографическая экспедиция.

– Понятно. Нефть ищете?

* * *

– Чей туфля?

– Мое...

* * *

Честь открытия Дворца мы предоставляем прекрасной женщине, девушке, которая оцили... олицетворяет собой новую судьбу женщины гор, понимаете.

* * *

Что себе позволяешь, слушай?

* * *

– Шляпуними.

- Что?
- Шляпу сними.

* * *

Это же вам не лезгинка, а твист.

* * *

- Это... как его, волюнтаризм.
- В моем доме... не выражаться!

* * *

Это студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица.

* * *

Я ее украл – я ее и верну.

* * *

- Я, извините, переоденусь.
- Не беспокойся, в морге тебя переоденут!

* * *

Я пока подышу. Подышу воздухом. А то все кабы-нэт, кабы-нэт. Кабы-нэт...

* * *

- Я требую, чтоб меня судили по нашим советским законам.
- А покупал ты ее по советским законам? Или, может, по советским законам ты ее воровал?

«Королевство кривых зеркал». Режиссер А. Роу, сценарист В. Губарев при участии Л. Аркадьева, по одноименной повести В. Губарева (1963),

- Бабушка козлика очень любила. Раз-два, раз-два...
- С кашей сварила.

* * *

Вы, голубчики мои, дураки с половиною!..

* * *

Дозрели, голубчики!

* * *

И все-то мне позволено, и все-то мне дозволено. А что в буфет положено, то, значит, для меня...

* * *

- К королю.
- Зачем?
- Поговорить.
- Дети до 16 лет не допускаются.
- Как в кино.

* * *

Королю все прилично!

* * *

- Мне в детстве очень трудно давалась арифметика! Я научился считать только до...
- До трех?

* * *

- Мы девочки!
- Вижу, что не мальчики.

* * *

- Они, наверно, больные!..
- М-м, про таких мой папа говорит, что они бездельники и лодыри.

* * *

Свежий воздух вреден для здоровья.

* * *

Смена пажеского караула. Ключ, ключ!

* * *

Ты, голубчик, троекратный болван, голубчик!

* * *

Я девочка шутливая, веселая и милая, со всех сторон красивая, со всех, со всех сторон!..

«Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Режиссер Л. Гайдай, сценаристы Я. Костюковский, М. Слободской, Л. Гайдай (1965).

- А где бабуля?
- Я за нее.

* * *

Бабуля, закурить есть?

* * *

- Ваши условия.
- Триста тридцать.
- Согласен.
- Каждому.

* * *

- Все уже украдено до нас.
- Все уже украдено. До нас.

* * *

Вы не скажете, сколько сейчас градусов ниже нуля?

* * *

- Вы не скажете, где здесь туалет?
- Нашел время.

* * *

- Вы что спросили?
- Как пройти в библиотеку?
- В три часа ночи! Идиот.

* * *

- Где этот чертов инвалид?
- Не шуми. Я инвалид.

* * *

Граждане новоселы, внедряйте культурку! Вешайте коврики на сухую штукатурку! Никакого модернизма, никакого абстракционизма! Сохраняет стены от сырости, вас – от ревматизма.

* * *

Дело для нас новое, неосвоенное.

* * *

За это мелкое хулиганство я плачу крупные деньги.

* * *

Налетай, торопись, покупай живопись!

* * *

Народ хочет разобраться, что к чему.

* * *

- Операция «Ы»!
- Почему «Ы»?
- Чтобы никто не догадался.

* * *

От ревизии нас может спасти только кража.

* * *

- Сумма?
- Триста.
- Это несерьезно!

* * *

Тренируйся лучше... на кошках.

* * *

Тяжело в учебе – легко на работе.

* * *

У, проклятый! Расхититель социалистической собственности!

* * *

- Я вам денежки принес за квартиру за январь.
- Вот спасибо, хорошо, положите на комод.

* * *

- Я и с Ленкой посижу, и за тестом погляжу. Отправляйтесь на дежу.
- Ну тогда я ухожу.

* * *

Я на русалках больше заработаю!

«Осенний марафон». Режиссер Г. Данелия, сценарист Л. Володин.

А вот руки-то я вам не подам!

* * *

- А вот у вас за рубежом грибные леса есть?
- За рубежом грибных лесов нет.
- Грибные леса везде есть!

* * *

А полы тебе помыть не требуется? А то я вымою, ты свистни.

* * *

- Андрей, дом, где я спал, как называется? Трез-ве-ва-тель?
- Вытрезвитель.

* * *

- Андрей, там было много новых слов.
- Да, да, наверно.
- Я запомнил, это может быть интересно.

* * *

- Бузыкин, хочешь рюмашку?
- Не-е.
- А я люблю, когда работаю. Допинг.

* * *

- Вино утром вредно.
- Всего по сто пятьдесят разговора, чистая формальность.

* * *

- Вот у вас в Дании такие заграничные куртки на улицу выкидывают?
- Нет. Это чистый хлопок, это дорого.
- А у нас выкинули. Чуть-чуть рукав порвался – и выкинули.

* * *

Все народы мира должны с ним пить!

* * *

Выпейте Билл, он все равно заставит.

* * *

Жалко мне эту дурочку. Промурыжишь ты ее до 40 лет, как меня мой Володька, и бросишь.

* * *

Значит, ты меня первый ударил – это хорошо.

* * *

Коза кричала нечеловеческим голосом. Это я не мог оставить.

* * *

- Монинг!
- Монинг!
- Вы готов?
- Джаст э момент. Доложусь жене.
- Ремонт затеяли?
- Маленький раскордаж.

* * *

- Чего сказали?
- Сказали, что ты портвейн с водкой мешаешь!
- Там всего и полбутылки не было... Я говорил ему, а он: «Коктейль, коктейль... Хиппи лохматый!».

«Семь стариков и одна девушка». Режиссер Е. Карелов, сценаристы А. Иванов, Е. Карелов (1968).

- В Америке один профессионал прямо на беговой дорожке скончался.
- Так ведь это за рубежом!

* * *

- Водочку пьете?
- И пиво.

* * *

Все согласны заниматься. Но как?! Так что вы... не из той оперы.

* * *

- Вы же меня выдвигали!
- Вот я и задвину!

* * *

- Женщины уже в бассейне купаются, а мы...
- Женщины уже в волейбол играют, а мы...

* * *

И я, и все мои товарищи по спорту гневно клеймим позором и нехорошими словами нашего бывшего товарища!

* * *

Маниакально-депрессивный психоз с ярко выраженной алкогольной деградацией.

* * *

Не могу больше! Нет, лучше пристрелите меня!

* * *

Пейте пиво, оно вкусно и на цвет красиво!

* * *

По лицу не бейте, я им работаю!

* * *

Я – как народ!

«Старики-разбойники». Режиссер Э. Рязанов, сценаристы Э. Брагинский, Э. Рязанов (1971).

А кто теперь не пьет?!

* * *

Ах, ты еще и некурящий?!

* * *

Бандитские пули изрешетили меня всего. Я... весь в дырках!

* * *

В тюрьме всегда сидят бесплатно!

* * *

Возраст человека на самом деле не измеряется годами. И счастье приходит тоже независимо от возраста. Главное – это верить в то, что ты еще молод. И тогда все будет хорошо.

* * *

Все равно от жизни никакого толку!

* * *

Граждане судьи! Старость не радость. И человек в душе все равно остается молодым, только кроме него этого никто не замечает.

* * *

Когда человек говорит правду, ему почему-то не верят.

* * *

Красть нужно только Рембрандта, тогда это на самом деле будет преступлением века.

* * *

Люди делятся на тех, кто доживает до пенсии, и на остальных...

* * *

Мы не будем опускаться до анонимок! И потом, ты прекрасно знаешь: у нас никто не верит анонимкам!

* * *

Мы очень смешными кажемся этим молодым людям.

* * *

– Мы тебя сделаем иностранцем!? Ты будешь глухонемой иностранец. А я буду у тебя переводчиком.
– Хм! А для чего же глухонемому переводчик?

* * *

Найти теперь вора – это, как говорится, дело техники.

* * *

Не успеют оглянуться, как уже будут немолодыми.

* * *

Неправильно, что пенсия дается в старости! По-настоящему ее надо давать от 18 до 35 лет. Лучший возраст!

* * *

Никаких подруг не будет! Грабьте меня!

* * *

Ну, импрессионистов, так импрессионистов. Для тебя я на все готов.

* * *

Пенсионером называется человек, которому платят за то, чтобы он не работал.

* * *

Почему ты говоришь на чистом русском языке? Ты же... глухонемой иностранец.

* * *

Преступление века зашло в тупик!

* * *

Преступление века на улице не валяется. Его надо организовать. Но для того, чтобы раскрыть его мог именно ты, организовать его должен именно я.

* * *

Ротозеи! Искусствоведы зачуханные!

* * *

Сны очень нужны людям. Даже несбыточные. Только во сне можно вновь ощутить себя таким, каким уже не будешь никогда.

* * *

Старость надо уважать как свое недалекое будущее. Ведь каждый, если повезет, станет стариком.

* * *

Ты что же, всю жизнь общался с преступниками и так ничему у них не научился?!

* * *

У нас преступление века произойти не может!

* * *

– Фурункул?

– Ерунда, бандитская пуля.

* * *

– Что вы несете?

– Картину Рембрандта!.. Вот видишь, надо всегда говорить только правду.

* * *

– Что у тебя болит?

– Совесть.

– Возьми валидол и положи его под язык.

* * *

Чувство юмора – это не ваша стихия.

* * *

Это на западе крадут картины. У нас же бессмысленно. У нас, Господи! Кому их продать?..

* * *

Я у вас здесь долго не задержусь!

Библиография

КНИГИ

- 1) Актеры советского кино. Вып. 7. Сборник / Сост. А. Сандлер. – М.: Искусство, 1970. – 258 с.
- 2) Борис Андреев: Сборник / Сост. Б. Б. Андреев. – М.: Искусство, 1991. – 255 с.
- 3) Весник, Е. Дарю, что помню. – М.: Вагриус, 1997. – 332 с.
- 4) Данелия, Г. Тостуемый пьет до дна. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 352 с.
- 5) Исмаилова, Н. Евгений Леонов. – М.: Искусство, 1979. – 160 с.
- 6) Капков, С. Любимые комиксы. – М.: Изд-во Алгоритм; Изд-во Эксмо, 2005. – 384 с.
- 7) Макаров, С. Юрий Никулин и Михаил Шуйдин. – М.: Искусство, 1981. – 208 с.
- 8) Никулин. Ю. Почти серьезно... – М.: Вагриус, 1998. – 571 с.
- 9) Пупшева, М., Иванов, В., Цукерман, В. Гайдай Советского Союза. – Изд-во ЭКСМО, 2002. – 448 с.
- 10) Раззаков, Ф. Досье на звезд (1934–1961 гг.). – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 784 с.
- 11) Русский литературный анекдот конца 18 – начала 19 века / Сост. Е. Курганова. – М.: художественная литература, 1990. – 270 с.
- 12) Сиркес, П. Актер смотрит в свое сердце. – М.: Всесоюзное творческо-производственное объединение «Киноцентр», 1991. – 34 с.
- 13) Скороходов, Г. Ты – божество, ты – мой кумир! – Мл Олимп: Астрель: АСТ, 2005. – 396 с.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

- 14) Андреев, Б. Сладок свет: воспоминания об отце // Слово. – 1994. – № 7–8 – С. 89–93.
- 15) Балясникова, Е. Комик с нашего двора // Крестьянка. – 2008. – № 3 – С. 84–89.
- 16) Бурт, В. Сказочная жизнь // Учительская газета. – 2013. – 19 ноября. – С. 17.
- 17) Говорухин, С. Тайна БФ // Лит. газета. – 1989. – 22 ноября. – С. 8.
- 18) Дружников, Ю. Прошло сорок дней // Огонек. – 1995. – № 29. – С. 62.
- 19) Кисунько, В. Среди актеров. Георгий Вицин // Искусство кино. – 1968. – № 3. – С. 92–99.
- 20) Леонов, Е. Письма к сыну // Театр. – 1987. – № 3–5.
- 21) Лындина, Э. В маске грустного шута // Сельская новь. – 2006. – № 8. – С. 37–42.
- 22) Марягин, Л. Борис Андреев // Сов. Экран. – 1989. – № 16. – с. 22–23.
- 23) Никулин, Ю. Записки солдата // Звезда. – 2001. – № 6. – С. 108–113.
- 24) Никулина, Т. «Веселья час и боль разлуки...» // Театральная жизнь. – 2005. – № 1. – С. 32–35.
- 25) Оберемко, В. Евгений Моргунов. Бывалый и невыносимый // АиФ. – 2007. – 25 апреля.
- 26) Рамм, В. Трус всея Руси // Известия. – 2008. – 23 апреля. – С. 10.
- 27) Славущий, А. Возвращение Юрия Никулина // Театральная жизнь. – 2006. – № 5–6. – С. 106–111.
- 28) Тренева, Е. Евгений Моргунов – портрет без маски // Российская газета – Неделя – 2004. – 18 июня.
- 29) Хомяков, О. Большой ребенок // Культура – 1994. – 2 апреля. – с. 12.
- 30) Чужакова, А. «Я не мужчина, я Баба-Яга» // Культура. – 2013. – 1–7 ноября. – С. 13.
- 31) Шацко, Л. Вера Марецкая и Борис Андреев // Искусство кино – 1970. – № 12. – С. 61–68.
- 32) Ямпольская, Е. «Я потерял всенародную любовь» // Известия – 2009. – 23 октября. – С. 10.

